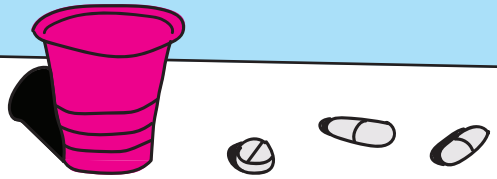


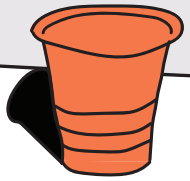
Пластиковый стаканчик

сборник рассказов группы «3Т-инфо»

East Europe & Central Asia Union of PLWH

Подготовка публикации реализована при поддержке Восточноевропейского и Центральноазиатского объединения людей, живущих с ВИЧ, в рамках проекта «Увеличение подотчетности ресурсов и устойчивости услуг по лечению ВИЧ-инфекции и критических заболеваний, которые влияют на качество жизней людей, живущих с ВИЧ, в Азии, Карибском регионе и регионе ВЕЦА», финансируемого фондом Роберта Карра.

СОДЕРЖАНИЕ



ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ 04

ИГОРЬ ЛИЕСОВ. *ТРИ ДНЯ ИЗ МОЕЙ ЖИЗНИ* 06

АЛЕКСАНДР КОРОТАЕВ. *МЕТАДОН* 16

ЕЛЕНА КУРЛАТ. *КОШМАР ИЗ ПРОШЛОГО* 21

НАТАЛЬЯ ДОРОФЕЕВА. *НЕТЛЕННЫЕ ТВОРЕНИЯ* 30

«СВЯТОЙ ПАТРИК». *ПОХОЖДЕНИЯ СВЯТОГО ПАТРИКА… ЛЮБИТЕЛЯ ЖИЗНИ И КАЙФА* 35

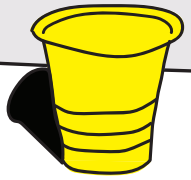
НИКОЛАЙ ТУПОНИЗОВ. *ПРО ЭТОТ, НУ, КАК ЕГО... (проза и стихи)* 41

НАТАЛЬЯ КАРГАШОВА. *КАКОЕ-ТО ВРЕМЯ Я РАЗМЫШЛЯЛА,О ЧЁМ ЖЕ МНЕ НАПИСАТЬ?* 52

ДЕНИС ШЕПЕЛЬКОВ. *ШАНС* 57

ТАТЬЯНА РУБАН. *НЕБО ЗАТЯНУЛО ТУЧАМИ…* 60

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ



Итак, дорогой читатель, ты открыл первую и пока единственную публикацию сборника «Пластиковый стаканчик». «Почему «Пластиковый стаканчик»?, – спросишь ты у нас. А мы ответим просто: «Потому что так «назвали его сами ребята».

Мы посвящаем это издание памяти **Давида Ананиашвили**, нашего товарища, коллеги и главного инициатора литературного конкурса «Пластиковый стаканчик». Мы глубоко скорбим о друге и сожалеем, что ему не удалось самому опубликовать и представить читателям данный сборник.

«Вот и пришло время открывать конкурс рассказов группы «ЗТ-инфо».

Создание такой группы, было вызвано необходимостью и нехваткой общения у людей из разных стран бывшего СССР, находящихся в программах заместительной терапии... Пациентам программ ЗТ необходим препарат каждый день; очень часто приходится узнавать о наличии программ ЗТ в той или иной стране, поскольку мы все передвигаемся, путешествуем, но, порой, не знаем законов в странах, в которые едем. Наша группа, основываясь на опыте пациентов, может оказать помощь в обнаружении таких программ и налаживании контактов с ними. Я сам передвигаюсь по миру и собрал много информации по программам ЗТ в разных странах.

Для популяризации группы в интернете, мной был придуман литературный конкурс, как потом назвали его сами ребята – "Пластиковый стаканчик". Ведь каждое утро, каждый день мы принимаем препарат, которому мы обязаны жизнью и здоровьем из вот такого стаканчика...»

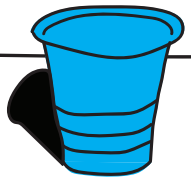
Давид Ананиашвили о конкурсе «Пластиковый стаканчик»

Возможно, дорогой читатель удивится (а мы не исключаем того, что и возмутится), что истории, стихи, рассказы и воспоминания, представленные в данном сборнике, достаточно сложны для прочтения и восприятия, авторы используют не литературное изложение, применяют, порой, непристойную лексику.

Но мы должны пояснить… Все представленные истории – правдивы и откровенны; здесь авторы делятся своими воспоминаниями, рассказывают о реально прожитых событиях, чувствах, ощущениях, жизненных ошибках и вынесенных уроках.

Мы верим, что ни один из описанных сюжетов и воспоминаний не оставит равнодушным никого. Ведь самое главное в жизни каждого из нас – это получить шанс…

ТРИ ДНЯ ИЗ МОЕЙ ЖИЗНИ



ИГОРЬ ЛИЕСОВ

Всем привет, я Игорь зависимый. Так я каждый день представляюсь на группе Анонимных Наркоманов или Алкоголиков, потому что я алкоголик и наркоман.А еще я православный священник и психолог. Я прожил примерно 16 000 дней, но рассказать я хочу о трех самых важных, и о своем отношении к ним. После долгих лет работы с психологом я понял, что самый важный **день первый** – это день, когда я родился. **Появился Я**... Намного позже, в карцере следственного изолятора, на глубине около 3-х метров под землей. В бетонной коробке я узнал, как чувствуется счастье – это **второй день**. И **третий день** – это каждое утро наступающего дня. Я не знаю, сколько еще будет таких пробуждений, но в любом случае, я благодарен за каждое из них. Сейчас уже благодарен. Уже осознание того, что пришло утро и не выжигает дикой болью в груди. Так как первое мое действие утром – это разговор с Богом. А Он не предаст, не бросит, с Ним можно творить, идти вперед к вершинам. Итак, начнем.

Уверен, что какой-нибудь исследовательский институт по психиатрии дорого бы заплатил за «поработать» со мной, потому что с меня можно писать учебник по психиатрии. Конечно, все они уже написаны, но раз проблему зависимостей еще не умеют решать так, как проблему воспаления легких, что-то в этих учебниках не дописали, не допоняли. Первое, что я усвоил в своей жизни – это то, что придется мне очень туго. Страх. Мне хочется выстроить это слово, размерами с Вавилонскую башню и вылить на него тонны адреналина. После приступа страха, выброса адреналина в кровь приходит усталость. Вот страх и усталость – это те два состояния, которые я помню: в них я прожил большую часть своей жизни.

Мои родители – два милых преподавателя музыки, гений-пианист и наследница великого украинского композитора Гулака-Артемовского, который написал оперу «Запорожец за Дунаем». Они нашли друг друга в музучилище. Это была любовь на всю жизнь. Как два вагона с грохотом сцепляются на железнодорожной станции, так встретились эти два вулкана, бурлящие гениальной музыкой. Настолько гениальной, что ее никто никогда не слышал, но это неважно. Мой дедушка по отцу был русским, служил в КГБ, он был боевым офицером, закончил мореходку, работал в разведке. Служба в КГБ того времени – это спецмагазины, квартиры в центре городов, телефон, но постоянные переезды, гарнизоны, офицерские застолья. Дедушка по матери – простой украинский националист, который во время войны попал в плен, и потом в концлагерь. Оттуда он бежал вместе со своим дальним родственником. Бежать пришлось через железную дорогу. Деда спасло то, что он не побоялся перекатиться по рельсам под колесами поезда, который только набирал скорость, а вот его родственник испугался, его застрелили. После войны дед Иван осел в маленьком районном центре – Городище. Военный дед Володя как таковой родины не имел, это был весь Советский Союз, но родился он в Ленинграде. Мореходка во Владивостоке, потом служба в Баку, Прибалтике и, наконец, в Украине. Здесь дед умудрился задержать настоящего шпиона, поэтому в городе Черкассы его назначили главой отдела внешней разведки.

Оба моих родителя считали, что любят музыку. У отца был рояль, на котором он играл гаммы и складывал в него свои носки, а мама просто была гениальной праправнучкой великого композитора. Черкасское музучилище носит его имя, поэтому неудивительно, что мама начала там учиться. И папа туда поступил, так как один звонок из КГБ открывал любые двери. И вот, во время очередного студенческого выезда в колхоз на уборку картошки эти два вагона с грохотом сцепились. И если есть на небесах музы, то они захотели, чтобы родился Я. Вот только дедушки с бабушками этого не хотели. Первая встреча будущей большой семьи вскрыла глубокую классовую ненависть. Когда дед Иван вышел на крыльцо со своей люлькой встречать будущего зятя и увидел погоны деда Володи, тут все и началось. Конечно, советские семьи – интернациональные семьи, но не в нашем случае. Они возненавидели друг друга всей душой, разумением и всей природой своей. И тут началось. Дед Володя напряг весь отдел внешней разведки КГБ СССР, чтобы они следили и портили моим родителям свидания. Дед Иван, будучи националистом, долго принимал решение, принял его и просто ждал подходящего момента. Так шли месяцы. По некоторым своим физиологическим особенностям мама поняла, что где-то там **появился Я**. Как на это отреагировал папа? Я не знаю, но видимо очень плохо.

Моя мать очень любила садить меня на руки и рассказывать эту историю, иногда плакала, но именно с этого момента, я усвоил, что я живу благодаря оперативнику КГБ Сурену из Дагестана. Мама брала меня на руки и рассказывала, что они с папой решили сделать аборт, ну то есть **Меня убить**. Было принято такое решение. И мать пошла. Ее экзистенциальные переживания были пропитаны высотой и красотой нот из оперы предков. Эта дьявольская музыка в ее голове обыгрывала сюжеты из Ромео и Джульетты. Отец упорно трудился за роялем, ведь мир должен был узнать, кто он на самом деле. Музыка, музыка, музыка… Уже переступив порог больницы она поняла, что сделан последний шаг. Теперь все. Нужно собраться, ведь это больно. Нужно держаться достойно. Но оперативник Сурен из Дагестана, который за ней следил, стал на ее пути: «Нина, нэ надо. Нэ дэлай этого». Он убедил ее не убивать меня. Они сидели на лавочке возле кабинета врача, и когда тот вышел пригласить мою мать в кабинет, Сурэн сказал: «Нэт». Проблема была в том, что сотрудники «7-ки» отдела КГБ по внешнему наблюдению всегда работали в паре, поэтому о проступке Сурена узнал мой дед, и его отправили в какую-то «тьму-таракань».

Но я на всю жизнь запомнил, кому я благодарен этой жизнью. Уже лет в 30 я начал задавать себе вопрос, зачем мне мать все это рассказывала. Как может она десятки раз брать на руки маленького сына и, гладя его по головке, рассказывать ему об этом? Дед Иван, как я писал выше, молча принял решение просто убить мою мать. Его заслуга в том, что меня он хотел оставить жить. Когда мне был годик, он, лукаво улыбнувшись в усы, предложил маме на мотоцикле с коляской проехаться в магазин за колясочкой для меня. На перекрестке загорелся красный свет, и он просто выпрыгнул на ходу из мотоцикла. Но его план не удался. ГАЗ-53 протаранил мотоцикл, мать отбросило в сторону, и ей на спину упала коляска от мотоцикла, сломав позвоночник. Добивать дед ее не решился, были свидетели. Мы много лет жили по съемным времянкам – это сараи для скота или летние кухни; мать лежала, не поднимаясь, шансов ходить у нее не было. Отец зарабатывал подыгрывая на свадьбах иногда. Есть было нечего, дров не было тоже. Основным блюдом был черный хлеб по 12 копеек и вишневое варенье – это для меня; а отец питался там, где играл. Иногда, чтобы не платить за времянку, они съезжали оттуда по ночам. Мать говорила, что приезжал мой дед Володя и предлагал отцу место в консерватории, но отец отказался бросить маму. Потом произошло чудо: мама начала ходить, бегать, играть в бадминтон и волейбол.

До 26 лет я ни разу не видел своего деда Ивана. Только знал, что он живет в Городище. Был проект по борьбе со СПИДом, и я ездил по области, читал лекции по профилактике. Медики принимали всегда гостеприимно, алкоголь сделал свое дело настолько, что я смог перебороть свой глубинный страх перед дедом-убийцей. И к тому времени я уже стал законченным гуманистом. Городок маленький, я пьяный, пару вопросов местным жителям и служебная машина уже везла меня к дому деда. Домик был старенький, но опрятный, из красного кирпича. Большой двор, куры, черешня. Это был август-месяц, когда в украинских селах в воздухе летают запахи, которых нет больше нигде на Земле. Все залито зеленью, земля отдает лучшее и самое вкусное, пахнет персиками и виноградом. Дверь мне открыл старенький дедушка с палкой, спросил кто я, я ответил: «Ваш внук Игорь». Минуты три он переживал такие эмоции, что я начал трезветь. Он плакал, обнимал меня, вышла бабушка. Меня потащили в дом, начали накрывать на стол. Но я был в командиров-

ке на служебной машине и должен был ехать. Я пообещал стареньким, что приеду на следующий день. Тогда я узнал многое, дед хранил лично для меня кучу документов о той аварии и еще о многом. Я узнал, что никакого перелома никогда не было. Что мы не имеем отношения к Гулак-Артемовским. Я узнал, сколько людей мать «кинула», рассказывая эту легенду. Очень многое я узнал про сверхценные идеи своего отца. С того момента, родители перестали со мной общаться. Прошло уже 17 лет, но когда я несколько раз встречал родителей в городе и подходил к ним поздороваться, отец меня спрашивал: «А мы разве знакомы?». Они доживают свою жизнь в бедности, отец продает «Гербалайф» или еще какую-то хрень. Но никто так и не услышал ни одной гениальной ноты в его исполнении. Единственное, что я слышал, когда он играл на свадьбах, – это «7-40», «Польку» и другой положенный на таком мероприятии фольклор. Все оказалось чудовищной ложью. Деда Володю я так живым и не увидел, он умер, когда мне было 16 лет, и я не мог поехать в Киев на его похороны, родители запретили. Но одно, похоже, правда. Самый лучший день в моей жизни, это когда оперативник Сурен отговорил маму делать аборт. Вот кого-кого, а этого человека я бы очень хотел увидеть.

На всех реабилитациях, которые я прошел, пытаясь прекратить убивать себя наркотиками и алкоголем, мне предлагали простить своих родителей. Но я не мог и срывался снова и снова. Мне опять говорили, что я эгоист и что я должен.

Когда мне было 38 лет, мой психолог первый раз произнес фразу: «Психологическое насилие». Это было безумно важно для меня, так как я почувствовал, что очень близок к развязке. Действительно, отец настолько ненавидел меня, что даже не мог ко мне обращаться. Он всегда говорил в моем присутствии: «Нина, передай этому подонку, что мы завтра идем в парк». Но в мою голову все равно до сих пор не «влазит», как можно так ненавидеть собственного ребенка. Уже сейчас, работая психологом в области химических зависимостей, я вижу разные семьи. Вижу безумие матерей, которые контролируют каждый вздох ребенка, не обращая внимания на то, что они уже больны СПИДом, у них выгнивают ноги, но они продолжают снова и снова по кругу вести их в «счастливую жизнь» - благими намерениями…

У меня уже есть внук, маленький Сережка-картошка. Ему два годика, и я не представляю себе ситуации, в которой я мог бы так над ним измываться, как это делали мои родители. Можно допустить, что я чего-то не понимаю, но ведь всегда есть возможность обратиться за помощью. Во всем мире обязательно найдется человек, который поймет и подскажет правильный путь. Мои родители просчитались в одном – они не боги. У меня было 5 попыток самоубийства, цирроз печени, и вообще я не должен сейчас клацать пальцами по кнопкам ноутбука. Так говорили врачи реанимации: «Он не выживет». Но наперекор всему я выживал, даже после приема 60-ти таблеток «Амитриптилина». И я благодарен Богу за то, что он вразумил меня поехать к дедушке с бабушкой в 26 лет. Раскрытие такой чудовищной лжи мои родители не вынесли и просто оставили меня в покое. Я оказался в мире, где инфантильность никто не прощает, где каждый думает о себе, а меня этому не научили. Не научили элементарным вещам. Я долгие годы знал о себе одно – я подонок. Каждый раз, когда люди «считывали» с меня эту установку, они этим пользовались. Но **Я выжил.** Выжил, потому что есть воля любящего Бога. Уже 8 лет у меня в жизни все хорошо. Я прекрасный психолог, медицинский капелан, меня уважают в церкви, и самое главное, **Я ХОЧУ ЖИТЬ, Я ЛЮБЛЮ ЖИТЬ!!!**

Эти два старых вагона жизнь откатила в небытие. Они продали все, что у них было и переехали жить в какую-то глухомань. Мир так и не услышал ни одной гениальной ноты. Дочь мне передавала только одно сожаление моей матери. Она стала прилежной христианкой, ходит по улице с молитвословом и четками. Она сожалеет о том, что не может молиться за меня, так как я священник другой деноминации. Удивительно, но в этом она нашла поддержку у местного священника, так как московский патриархат считает киевский патриархат раскольниками. Она опять права, как у нас говорят «про людське око». Витрины, витрины, витрины… Как в советском универмаге, на витрине стоят разные товары с яркими наклейками, а за витринами страх, злость и зияющая пустота. Черная дыра на том месте, где должна быть душа. Я верю, что дьявол существует, и что когда-то он был ангелом красоты. Концентрированное, эгоистичное, абсолютное зло. Отец занимается сетевым маркетингом, таскает огромные клетчатые сумки по офисам и предлагает чай для очистки организма.

Сумею ли я простить их? Я много об этом думал. Я понимаю, что от искренности ответа не зависит моя трезвость, моя жизнь. Как хотелось бы окончить рассказ о дне, когда я родился, на позитивной ноте. Но честность по отношению к себе – это главный принцип. Возможно, хватит 20-ти минут разговора, и он перечеркнет все эти годы боли и страданий. И мы сядем с отцом за пианино и в четыре руки начнем играть джаз. Я неплохо играю на пианино, хотя опять-таки, вопреки усилиям родителей. **Все вопреки**. Когда маленьким я садился за инструмент, играл и пел, отец грубо кричал «не вой, подонок!», а потом брал тройной одеколон и протирал после меня клавиши. Возможно, любовь все покрывает, Бог сильнее дьявола, Он заплатил на кресте за всех и за все. Но мы отличаемся от всего видимого и невидимого мира одной чертой – свободной волей, и никто и ничто в мире не может ее нарушить, даже Бог. Скорее всего я сделаю шаг на встречу. Я готов даже от отца услышать о том, что я подонок, и во мне при этом не поколеблется ни одно из моих теперешних убеждений. Нас всех ждет смерть, а потом суд. И если для своих родителей я буду главным свидетелем обвинения, то я откажусь от показаний. Я не буду свидетельствовать против них. Я отпущу. Не из принципа, не из предписаний церкви. Это МОЕ решение. Так должно быть. Даже если Бог сделал так, чтобы я появился на свет только с одной целью – отпустить, я сделаю это. Зло не должно транслироваться из поколения в поколение. Как бы дальше не сложилось, я отпущу. Я приду в больницу и возьму за руку, если это будет нужно. Сейчас я боюсь одного, что безумие и гордыня моих родителей не дадут им прозреть и увидеть этот мир с другой стороны. Вот это, наверное, самое страшное. Тогда я ничем не смогу помочь. Но я надеюсь на лучшее. Свобода выбора – это вершина мироздания. Но в этом и величие человека. Я выбрал мир и любовь. Это мой выбор и день первый.

ДЕНЬ ВТОРОЙ, СЧАСТЬЕ.

С детства у меня была мечта – стать доктором. В старших классах школы многие еще не знали, кем они хотят стать. А я уже в 5 лет в общежитии выносил в длинный коридор стол с бинтами, зеленкой и лечил соседских детей. Люди в белых халатах вызывали у меня восхищение. Они были добрыми и умными. А еще в больницах

давали вкусную манную кашу, кислородный коктейль, там были добрые нянечки. После школы я пошел работать санитаром в оперблок, мне выдали операционный костюм, я был на седьмом небе от счастья. Я не боялся крови, а когда мне доверяли показать пациенту только что извлеченный аппендикс, чувствовал себя профессором медицины. Тогда действовал закон – кто работает санитаром, будет иметь льготы при вступлении в мединститут. Но проблемы все-таки возникли. Родителям предложили подарить ректору холодильник, это был 92-й год, талоны на сахар, инфляция, поэтому холодильник "Nord" имел и реальный, и метафизический вес для ректора. Отец согласился, я три месяца летал в облаках, такого счастья я не чувствовал ни от одного наркотика.

Но за 10 дней до экзаменов родители передумали. Как-то вечером мать позвала меня на кухню, и мне стало не по себе. Отец сидел с характерным выражением лица, из категории «подонок». «Игорь, мы считаем, что в наше время образование ничего не решает. Ты будешь заниматься у папы на фирме продажей шампанского», – сказала, как отрезала. Я с подростковым максимализмом выдал целую речь о спасенных жизнях, о высоком предназначении врача, но мама передала волю отца – холодильника не будет. Сказать, что я расстроился – ничего не сказать. Я пошел сдавать экзамены. Как в кошмарном сне я сдал биологию на «отлично», следующим было сочинение. Мне потом объяснили – на нем и валили всех, кто не проплатил. Я получил «2». Пришел домой, как в тумане. Мать неожиданно поставила на стол бутылку водки, отец был живенький такой, было видно, что он готов обратиться ко мне прямой речью. Это подкупало. Меня все-таки уговорили продавать шампанское. Бизнес того времени был до боли прост: в Одессе нужно было купить вагон шампанского, а в городе перепродать магазинам маленькими партиями. И у меня начало получаться. Я купил себе видеомагнитофон, джинсы «Мальвины», в общем, продал я свою детскую мечту. Закончился год, у меня был малиновый пиджак и «Жигули-копейка». В газетах опять появилась реклама ВУЗов. НО. Появилось одно «но» – наркотики.

На одной из вечеринок для новых русских одна дама предложила мне попробовать. Она обхаживала меня месяц, так как я уже стал завидным женихом. Мой отец был местным магнатом шампанского, сигарет «Colt» и коньяка "Napoleon". Позже, когда моя жизнь разрушилась, она признавалась, что просто хотела меня привлечь и не ожидала от меня такой реакции. Мы зашли в номер гостиницы. Она торжественно сказала: «Ложись». Я даже начал чуть стесняться, мало ли что в голове у этих наркоманов-извращенцев. Она нежно закатила мне рукав рубашки, я просто смотрел в потолок и сжался. Мало ли что я почувствую. Она набрала пол кубика «ширки», умело ввела иглу в вену. Потом резко выдернула и с довольным видом уставилась на меня. «Что, ч…» Тут я все понял. Весь мир перевернулся с ног на голову. Описать словами то, что я почувствовал невозможно. Все, что было 17 лет до этого, просто стерлось. Вся боль, обиды, страх, адреналин, «подонок» – все исчезло. Я ошеломленно сел на кровать, закурил, осмотрелся. Это был уже не Я. Дьявол забрал мою душу, искорёжил и вернул на место уже совсем другого человека. «Ну как?», – спросила она. Но ответ ей был не нужен. Она уже знала это «таинство», это обращение человека в низменное животное. «Еще», – ответил я.

Дальше были годы жизни, события, свадьба, рождение дочки, развод, бесчислен-

ные психиатрические больницы, «Сульфазин» в 4 точки, лечение в отделении психиатрии с преступниками и маньяками, где отец-таки заплатил за то, чтобы из меня сделали овощ. За три месяца лечения я действительно перестал разговаривать; еще немного, и я бы потерял рассудок. Но мне повезло. Мой лечащий врач решил срочно уйти в отпуск, на его место пришел молодой доктор, только после интернатуры. Он посмотрел мои назначения, отменил их все, и через три дня вызвал меня в кабинет. Я был абсолютно безразличен к таким вызовам, на «Сульфазин» я не заработал, так что ничего страшного. Он посмотрел на меня глазами, в которых я увидел что-то очень похожее на тот свет, который я видел в глазах хирургов оперблока, где когда-то работал санитаром. Он сказал мне, что я могу ехать домой, дал мне деньги на билет: «Это все, что я могу для тебя сделать, но если ты попадешь сюда еще раз, ты погибнешь, уже навсегда, не колись больше».

Дверь долго не открывали, потом она резко распахнулась. Мать была в шоке. «Сережа, это он», – ошарашенно проговорила она и, оставив дверь отрытой, шмыгнула в комнату. Выбежал отец, но увидев меня, тоже потерял дар речи. В поезде я окончательно пришел в себя, и такого они не ожидали. «Зайди», – отрезал отец, давая мне понять, что зайти я могу не дальше маленькой прихожей. Он бросился к телефону, долго поливал проклятиями моего врача, но я был здесь. **Я опять БЫЛ.**

Пронеслись еще несколько лет. Я стал обыкновенным наркоманом, серым, унылым. И однажды мне пришла в голову мысль, качество которой говорило о том, что уксусный ангидрид сделал свое дело с моим мозгом. Я решил «кинуть» несколько крупных фирм и на эти деньги уехать в другой город, чтобы там поступить в мединститут. Я не подумал о последствиях и о том, что причиняю вред ни в чем не виновным людям. Я разработал заумную схему с поддельными документами, по которым несколько крупнейших компаний отгрузили товары на огромную сумму. Когда они поняли, что я их «кинул», то решили не сдавать меня в милицию, а просто грохнуть. Моего подельника посадили в подвал и там быстро «уговорили» предложить мне провернуть еще один «кидок». Я должен был связаться с киевскими бандитами и поехать с ними в Харьков для «кидка». Все было сделано, и через неделю меня должны были грохнуть по дороге в Харьков. Но видимо, дед Володя на том свете молился за меня, и эта информация дошла до СБУ. Там в память о деде решили сделать по-своему – меня арестовали, а потерпевших бандюганов заставили написать на меня заявление. Так я попал в СИЗО.

Родителей поразил этот поворот событий настолько, что мать начала писать мне письма и слать передачи. В тюрьме мой мозг пришел в норму, тянулись долгие тюремные будни, со своими радостями, настоящей дружбой. Там очень окрепло мое Я. Я был таким, каким есть на самом деле, и это ценили. Мой юмор, принципиальность, честность. Вся камера доверяла мне письма, когда я ходил на свидание с бывшей женой, которая, к слову, тоже решила, почему-то, меня ждать. За 9 месяцев я уже стал бывалым сидельцем. На прогулках во двориках мы перегавкивались с авторитетами из других камер и отстаивали свои права. Ребята знали, что сотрудники оперчасти не раз меня вызывали и предлагали стучать, но доверяли, и были в этом правы. Оперов я отшивал. Все шло к суду: мне светило года 3, потом УДО. Можно сказать, я хорошо отделался. Каждый раз, когда открывалась «кормушка» – окошко в двери тюремной камеры и называли мою фамилию, я был счастлив – мне

принесли очередное письмо от мамы и жены. Мама писала мне про наших котов, жена – про дочку. Я очень любил ее, все переосмыслил. Но потом, что-то пошло не так, вернее, все шло как прежде, но каждый раз, когда мне приносили письма, меня сковывал животный страх. Я метался по камере. Все было как прежде: мы тебя любим, ждем. Отец со мной не разговаривал, так я к этому привык с детства, но что-то было не так. После очередного письма я просто слег на нарах и два дня вставал только по нужде. Я сверлил взглядом потолок камеры и изнемогал от необъяснимой душевной боли. Очередной «шмон» в камере был последней каплей. В знак протеста против «шмона» я на удивление сокамерников решил объявить голодовку. Никто не понимал что со мной, догадывались, что что-то не так с письмами, но там все было «так, как обычно». По закону того, кто объявляет голодовку, должны отправить в санчасть, а у нас отправляли в карцер. Такое себе место. Сыро, минус 1-й этаж – подвал. Бетонная коробка, 2,5-2 метра. В 6:00 нару пристегивали к стене. «Продольный» наблюдал за тем, чтобы арестант не спал до отбоя на полу, но спать на холодном бетоне еще то удовольствие. Прошла ночь, я уже сутки не ел, начал потихоньку успокаиваться, страх ушел. Я внимательно осмотрелся в каменном мешке, ощутил себя как бы в центре мироздания, и тут меня осенило счастье – простое человеческое счастье. Я искренне, от души рассмеялся на весь коридор. Это было состояние необычайной легкости, полета, все краски мира наполнили мою душу. Уже сейчас я могу сказать, что тогда к моей душе прикоснулся Бог. Чуть позже, немного успокоившись, я все-таки попробовал понять, что же со мной произошло, ведь я был трезвый, как стеклышко. Откуда это блаженство? И тут меня осенило – в карцер нельзя передавать письма. И я первый раз в жизни почувствовал себя защищенным. Меня отделяли от мира метров 5 бетона, заборы с колючей проволокой и прапорщик в коридоре. Здесь безопасно, понял я. Погрюкав в дверь, я сказал прапорщику: «Выпускай, я есть хочу». Меня вернули в камеру, никто так и не понял, к чему был этот маневр, но у меня с Богом был секрет, я понял, как почувствовать себя безопасно. Письма приходили, даже было свидание через стекло с женой, но страха уже не было. Я, как бы со стороны, наблюдал за происходящим и чего-то просто ждал.

Потом был год в зоне, освобождение. Я вернулся домой. Прошло дней 10. Знакомый ком подкатывал к горлу, и я решил прямо спросить у мамы, что со мной происходит, что не так, может она знает. Она рассказала, что возле СИЗО после свидания со мной моя жена влюбилась с первого взгляда в какого-то урку. В тот же вечер привела его домой. На семейном совете решили, что мне ничего говорить не будут, чтобы я не повесился. Так как им с уркой негде было заниматься любовью, мать уступала им на вечер нашу квартиру и шла гулять с дочкой, потом, после секса, они вместе шли гулять по Днепру: моя мама, урка, моя жена и дочка. Повесился бы я, если бы узнал? Нет, конечно. Мы вечерами сидели в камере с ребятами и с юмором обсуждали тему измены жен. Пришли к мнению, что они не виноваты, главное, чтобы в городе об этом никто не знал. Но вот измену матери я принять так и не смог. Ей доставляло какое-то удовольствие готовить им постельное белье, потом убирать его, папа ведь брезгливый. Хорошо, что дочка всего этого не помнит. Я проверял, не помнит. Потом, когда урка ее бросил, был папин водитель. Он привез ее на краткое свидание ко мне перед новым годом на сорок минут. Я смотрел на нее со стороны и в голове с юмором думал: «Блин, у всех свиданки, как свиданки, а у

меня, что опять у меня происходит?». Жена с водителем потом два дня домой доехать не могли, в каждой гостинице застревали. Но поженить их у моей мамы тоже не получилось – не любовь. Пришлось ждать меня. И когда мать все это мне вывалила, я вспомнил второй самый счастливый день в моей жизни – защищенности и свободы. Я встал и просто вышел, молча. Поступил в семинарию, и пусть доктором я не стал, но может так и лучше, ведь священник лечит души. На мою хиротонию даже пришел отец. Но когда на меня одели облачение, яркое, синие с золотом, в его глазах блеснул холодный огонек. Он сказал маме: «Нина, пошли отсюда, я это видеть не могу». А чуть позже, в 26 лет, по пути из командировки, я решил увидеть первый раз в жизни своего деда, чтобы все-таки разгадать весь этот ребус и понять, как это все возможно, и может быть я инопланетянин?

Но я уже знал это ощущение свободы своего Я. **Я стал идентичен Себе.** Этот день в карцере был днем вторым – самым счастливым днем моей жизни.

ДЕНЬ СЕГОДНЯШНИЙ – ТРЕТИЙ.

К какому убеждению я пришел для того, чтобы избавиться от ада прошлого и нормально жить? Вы не поверите, но все очень просто. Так же как яблоко упало на голову Энштейну, как люди, несмотря на общественное мнение и страх наказания, верили в то, что смогут летать, так же и я пришел к очень простым выводам. Как их написать, тезисно, по пунктам или в красивом рассказе? Мне больше нравится тезисно – не скучно.

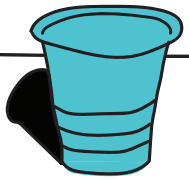
Это опыт всего человечества, который уместился в моей голове, примерно, за 16 000 дней, так, чтобы чувствовать себя счастливым человеком. Каждый день. Сейчас поймете почему. Никто не может «выключить» нашу систему стимул-реакция. Иногда стимул очень негативный. На каждый стимул мы должны отреагировать, но как? На зло можно ответить злом или добром, можно проигнорировать. Уже есть выбор. И выбор на самом деле огромный. Реагируя определенным образом, мы каждый день сеем, сеем, сеем. И то, что мы сеем, то и вырастает. Иногда нужно подождать – это правда, но плоды будут в любом случае.

Второй принцип сегодняшнего дня тоже очень прост: прошлое и будущее существует только в моей голове, в реальности – нет. Будучи священником, я похоронил сотни людей. И как-то вечером, приехав в морг судебно-медицинской экспертизы, посмотрел на всех людей, которых туда привезли за день. Думаете там лежали бабушки 100 лет от роду? Ни одной такой. В морг привозят людей, которые имели кучу планов на вечер, обладали хорошим здоровьем и прочими атрибутами благополучия. Лежал 18-ти летний парень, который поехал в городской парк кататься на велосипеде, но упав, ударился головой. Также там был слесарь, который ремонтировал проводку, бизнесмен, который не знал, что у него затромбирована вена. Помните, притчу из Библии о человеке, который собрал огромный урожай, запер его в камору и сказал своей душе: «Веселись, ликуй душа моя, на всю жизнь хватит этого богатства». Но уже было предрешено, что ночью ангел смерти придет за его душой. Есть ли смысл мучать душу планами на будущее? Крутить эти бесконечные круги винила из эмоций в своем сознании?

Поэтому я живу только сегодня. Каждое утро я прошу благословения на этот день у Того, Кто решает все – у Бога. И если мои планы будут наполнены не эгоизмом, а любовью, Он даст все необходимое. Мы все Его братство – сообщество людей, которых объединяют определенные реакции на любые стимулы. И так держится этот энергетический баланс, баланс между добром и злом. И самый главный принцип – всегда помнить о том, что есть высшая сила – любящий Бог. Его воля – это воля, которая заставляет планеты вращаться, воздуху быть, любви случаться, добру побеждать. И когда человек нарушил Его волю, Он из любви пришел лично и добровольно взошел на крест, чтобы заплатить за каждую ошибку, каждое падение, чтобы эта жизнь и этот баланс имели смысл, высший смысл. Верю ли я в Рай? Его никто не видел, но я верю. Верю, что наичистейшая и наибольшая радость здесь – это капля, по сравнению с тем, что обретут в раю души, состоявшие в этом братстве. И самое большое зло и страдание здесь – это капля, по сравнению с тем, что есть в аду. Справедлив ли Бог? После распятия – да.

Еще примерно 16 000 дней, если Бог позволит, я хочу потратить на то, чтобы научить молодых родителей любить своих детей, ведь я точно знаю, чего делать ни в коем случае нельзя. Я это знаю точно и могу поставить под этим рассказом свою подпись, а за свои слова я отвечаю.

МЕТАДОН



АЛЕКСАНДР КОРОТАЕВ

Мой жизненный путь начинается с прекрасного и безоблачного детства, в кругу любящей и заботливой семьи. Благополучие моего детства начало увядать с употреблением наркотиков. Впервые я попробовал «шмаль» в возрасте 13 лет, в стенах школы. Это пристрастие стало настолько привычным, что я курил каждый день и везде: на стадионе, в туалете, на улице. Вокруг школы и на ее территории было более десятка точек, где «шмаль» можно было приобрести. Это время отпечаталось в моей памяти, как приятные и радостные воспоминания детства. На тот момент курили все мои приятели, весь мой круг общения, одним словом, употребляли все и много – это было модно. Многие ребята присели на иглу, а я был ярым противником этого. Но не стал исключением, и в 15 лет я первый раз укололся. Трудно сейчас понять, что же стало тому причиной, но тот день намертво остался в моей памяти. За пару дней до этого мне приснился кошмар, что я укололся. Проснувшись в

ужасе, я понял, что это всего лишь сон. И только, когда все произошло, я вспомнил его, но ощущение кайфа притупило страх. Каждый день я шел в школу через точку, где расплачивался родительскими деньгами, предназначенными на пирожки. Тогда этих денег было достаточно, чтобы раскумариться и чувствовать себя хорошо на уроках. Если хотелось догнаться, то достаточно было перепрыгнуть забор на перемене, купить раствор и быть опять примерным учеником. Зависимость к инъекционным наркотикам росла, я находился уже в жесткой зависимости, хотя в 15 лет утаивал от родителей тот факт, что я курю сигареты. С этим росли мои запросы и мои дозы, родительских денег уже не хватало.

Быстро смекнув, как легко можно доставать деньги, я начал красть кошельки на базаре, магнитолы с машин, а также все, что кралось и легко продавалось. Денег было много, мне хватало на все, но почти все они уходили на ширку. Скрывать происходящее в моей жизни становились все трудней и трудней; появились проблемы дома, в школе, с милицией, начались первые аресты и задержания. Как-то завуч и директор школы остановили меня и вцепились в мои руки, чтобы найти следы от уколов, я закатил большой скандал, и им пришлось отступить. Давление со стороны учителей и опасение, что слухи дойдут до родителей об употреблении, а также проблемы с милицией, привели меня к тому, что я пересел на «Трамадол». В то время он был в открытом доступе и продавался легально в аптеках города. Мысль о том, что «Трамадол» – это легкий препарат в таблетированном виде, и что это вовсе не наркотик, а лекарство привело к тому, что я вместе с друзьями начал его принимать каждый день в больших дозах и закидывал еще кучу разных таблеток для усиления эффекта.

Иллюзия заблуждения вскоре проявилась в виде наркоэпилепсии у многих моих товарищей. Эпилептические припадки привели к тому, что мне приходилось в ужасе наблюдать как в момент приступа они падали и их выкручивало от судорог. Наблюдения за разрушительными последствиями пугали меня, но не привели к отказу от употребления «Трамадола». В полной уверенности того, что меня это не коснется, я в очередной раз закинулся «Трамадолом». В этот солнечный день, забежав домой в ожидании прихода, я сел на диван с чашкой чая. Но вместо этого у меня начали отказывать ноги, руки и меня парализовало. Я лежал и не мог пошевелиться. В эти минуты страха и ужаса промелькнула картина моей юношеской жизни. В голове пронесся бушующий ураган мыслей злости и обиды на себя. Внутренний крик души о помощи постепенно перерастал в молитву к Богу. Об одном я молил: если меня отпустит, я больше никогда не буду употреблять наркотики и сразу изменю свою жизнь. Осознание того, что в 17 лет я могу навсегда быть парализованным, приводило меня в дикий ужас. Находясь в полном одиночестве в беспомощном состоянии, пришло понимание того, что я могу остаться прикованным к кровати на всю жизнь. Наедине с собой и в полном отчаянии я пролежал всю ночь, уткнувшись в стенку, скованный страхом и телом. Пролежав сутки в безнадежном состоянии, на следующей день меня начало отпускать.

Страх пережитого остановил употребление буквально на две недели, а далее все понеслось еще с большей скоростью. Я не понимал, что столкнулся с болезнью, которая останется со мной до конца жизни. Порой, закинувшись таблетками, меня скручивало, и я садился на бордюр, уткнувшись головой в колени, сидел по 8-10 ча-

сов, проклиная этот день и дожидаясь, пока меня отпустит. Каждый раз, со страхом закидывая очередную дозу, я не знал – кайфану или буду сильно жалеть. Я покупал себе дополнительные таблетки для сердца, головы, обманывая себя, что с этим мне будет легче и в этот раз меня не скрутит, наивно заблуждаясь и разводя себя закинуться. Это была «русская рулетка», но остановиться я не мог.

Вскоре я опять пересел на опиум, состояние здоровья выровнялось, если можно так сказать, но начались бесконечные проблемы с милицией, приемы на точках, уголовные дела. Шли годы, и меня все глубже поглощало болото зависимости. Поначалу все казалось удовольствием и игрой, со временем это переросло в потерю контроля над собственной жизнью и нескончаемым потоком проблем, унижением себя и близких людей. Я стал изгоем, отверженным обществом, загнанным и озлобленным.

Я пытался бросить наркотики, понимая, что это не моя дорога, не моя судьба. И каждый раз, засыпая вечером, мечтал, что завтра начну с чистого листа. Но каждое утро, просыпаясь на кумарах, зависимость одерживала победу, ломая мою самооценку и желание жить.

В просветы ремиссии, обычно это было после выходов с КПЗ, я смог создать семью и в 24 года у меня родился ребенок. Какое-то время мне удавалось оставаться в трезвости, но и с каждым очередным срывом я опускался еще на ступеньку ниже и ниже. Жизнь дошла до той критической точки, когда я не понимал, что со мной, я сам себе не верил и себя боялся. В такие моменты просто не хотелось жить. Моя одержимость наркотиками полностью разрушила границы понимания того, что я могу сделать ради очередной дозы наркотиков. Я употреблял все, ради дозы не останавливался ни перед чем…

Утром, выпивая водки и находясь в пьяном угаре, я отрабатывал все, что попадалось на пути, и на полученные деньги ехал за ширкой, в процессе этого закидывался колесами, глотал все, что вставляло и давало в тягу и еще раскатывал «Димедрол». Часто, просыпаясь от сильных стуков в дверь, открыв глаза, я еще пару минут пытался сообразить где я. Придя в себя, понимал, что в очередной раз завис в туалете какого-то бара, выходил, ругаясь с охранником. Эти годы были как во сне, «Димедролом» они стерты с моей памяти, и лишь некоторые события остались в воспоминаниях, о которых не хочется говорить. В это же время умер первый мой товарищ в подъезде на ступеньках от передоза; за месяц до этого у него родилась дочурка. Эта смерть меня потрясла, мы кололись вместе и дружили долгое время, но на мою зависимость никак не повлияла. Потом были и другие смерти от передоза, умерло много моих знакомых и приятелей… Со временем слыша эти новости, чувства уже притупились и это принималось, как в порядке вещей.

В жизни каждого наркомана есть поступки, за которые ему особенно стыдно, и шрамы от них остаются в душе. Таких поступков у меня было много. Мое употребление довело нашу семью до нищеты, порой в доме не было обычных продуктов – сахара, хлеба, молока, а у грудного ребенка подгузников. Моя жена в порыве отчаянья заявила, что у нее больше нет сил и терпения это все выносить, она была на грани развода. На следующий день, найдя деньги, я позвонил супруге, что еду домой и куплю все необходимое для ребенка и семьи. Но в очередной раз я проколол все деньги, придя вечером без продуктов и подгузников. Утром, смотря на себя в

зеркало, меня пронзило глубокое чувство отвращения: оставив семью голодной, я ощутил себя мразью. Этот момент был для меня критической точкой.

Мне было тошно осознавать, что я существую. Я не знал, что делать дальше, и четко понимал, что, если жена и ребенок останутся со мной, я затяну их в бездну бесконечных разочарований, зла и отчаянности, но оставить их мне тоже было больно. Мозг разрывался, и мне просто хотелось исчезнуть, исчезнуть с лица земли. В тот отчаянный момент появились мысли о суициде, а умирать оказалось страшно и на это тоже не хватало духа.

Внутренняя неуправляемость и душевное отчаяние заставило меня признать, что до конца дней я буду конченным наркоманом и от этого мне никуда не уйти. В этом безнадежном состояние я встретил старого приятеля, с кем много лет употреблял, но давно не видел. Он выглядел хорошо, и было понятно, что в трезвости он не первый день. Приятель рассказал мне про реабилитацию. Я решил попробовать…

Просветление и путь к выздоровлению я приобрел с помощью программы в Терапевтическом Сообществе. Эта программа длилась 10 месяцев. На протяжении этого времени я восстановил физическое, психологическое, социальное и духовное здоровье. Самый сложный этап моего восстановления наступил при адаптации в социальную среду. Иллюзия того, что я могу контролировать употребление наркотиков, привела к соблазну уколоться еще. Я сорвался, и меня окатила волна злости, обиды и потери надежды. Столько сил было вложено, такой тяжелый путь восстановления был пройден... и срыв, разочарование. Самое страшное я понял, что буду дальше колоться и ничего с собой не могу сделать, но в тоже время не хочу и ненавижу, устал от всего. И понеслось. Безумие. Мне стукнуло 30 лет, а я по новой окунулся в болото. Трудно описать эти чувства их надо пережить, чего никому не желаю...

Мысль о том, что нет в этом мире ничего, что могло бы мне помочь, и судьбой предназначено быть зависимым, жить и умереть от наркотиков, ударила с еще большей силой. Отчаянный поиск спасения и желание жить нормальной жизнью привели меня к заместительной терапии «Метадоном». Вступив на эту программу, моя жизнь начала кардинально меняться, благодаря принципам, приобретенным на стационаре и метадоновой программе. Мне стало легче, я почувствовал себя хорошо, устроился на работу, наладил отношения в семье. Спустя 15 долгих лет употребления и безуспешных попыток что-то изменить в своей жизни, появился какой-то просвет.

Я начал работать с ребятами на заместительной терапии, в прекрасной команде, которая занимается помощью и адвокацией наркопотребителей. Меня приняли очень тепло, несмотря на то, что я был единственный человек на «Метадоне» в этом коллективе, но никто ни разу меня в этом не упрекнул. Я начал испытывать то, к чему всегда стремился, о чем раньше мечтал, что казалось несбыточным. Ощущение, когда долгое время чувствуешь себя изгоем, одиноким, загнанным волком... и вот ты принят как человек, занимаешься делом, которое приносит удовольствие. Я пришел к убеждению, что только человеческое отношение к нам дает возможность становиться людьми, дышать полной грудью и раскрывать в себе таланты. Возникло желание поделиться теми изменениями, что произошли во мне, дали сильную мотивацию. Сердце горело желанием помогать и вселять надежду в ребят своим примером.

В процессе работы я сам стал сильно меняться как физически, так духовно. Я бросил курить, начал заниматься спортом, много читать, задавать себе вопросы – для чего я живу, и чего я хочу. Программа была для меня как опора, как костыль, на который я опирался, приобщаясь к новой жизни. Каждый раз, вставая утром на работу, я с радостью шел, отдаваясь и вовлекаясь в проблемы ребят, через которые прошел сам. Самое ценное в моей работе – это возможность быть частью чьих-то перемен, которые меняют жизни людей и их близких. Я столько в жизни сделал плохого и стольким людям причинил боли, что каждый раз, когда я кому-то могу помочь, испытываю радость и мотивация помогать растет еще сильнее. Моя семья обрела счастье – у нас родилась вторая дочка и все изменилось в моей жизни. После 3 лет на метадоновой программе я почувствовал, что смогу жить без нее, захотелось жить в полной чистоте. И я решился – с чувством страха и неизвестности вышел с программы. Уже второй год я без «Метадона» в полной трезвости. Я благодарен этой программе, этому мостику в новую жизнь. Сейчас я учусь радоваться, по-новому наблюдать за природой, за улыбками людей, у меня появились друзья и я завел собаку. И мне нравится жить! Я понял одно – никогда не надо сдаваться, ни при каких условиях, ни в каком возрасте. Ведь пока мы живы, мы в силах еще что-то изменить.

КОШМАР ИЗ ПРОШЛОГО

ЕЛЕНА КУРЛАТ

…Я иду по центральной аллее кладбища в Виннице с моим давно покойным другом Сашей Барсуком. Мы несем огромные охапки сухого мака. Маковые головы на длинных стеблях тарахтят, как погремушки. Вечереет. Заходящее солнце ласкает спину и затылок. Аллея длинная…по одну сторону русские могилы, по другую – заросшие, запущенные еврейские, с памятниками в виде деревьев с обрубленными сучьями, с надписями на иврите, с поразительными, экзотическими, нездешними именами. Я знаю, что мы идем домой, наши с Сашей поиски увенчались успехом… еще немного – и нам станет хорошо… Вот уже могила дедушки, скоро конец аллеи… уже виднеются ворота... но далеко… Начинает смеркаться… от леса тянет сыростью… Саша вдруг останавливается и говорит: «Смотри, что там делают малые?» Поворачиваюсь налево и вижу вдалеке, среди еврейских могил двух маленьких деток, мальчика и девочку, чистеньких, ухоженных… Девочка в светлых кудряшках,

в оборочках, совсем крохи трех-четырехлетние, как брошенные котята. Я отдаю свою ношу Барсуку и говорю: «Иди. Я сейчас догоню». Он молча продолжает идти к воротам, а я лезу через поваленные надгробия, продираюсь через кусты, чтобы попасть к детям. Вдруг оказывается, что они значительно дальше, чем представлялось с аллеи. Какие-то растения цепляются за мою одежду… тупик. Поворачиваю назад, мимо покосившегося памятника Сары Пейсаховны и Давида Мошковича… наконец я подхожу к деткам… как жалко и бесприютно они выглядят... одни, совсем одни в этом глухом, безлюдном месте, на полузаброшенном кладбище, где давно никого не хоронят! «Маленькие мои, ну что случилось?» – говорю я. Детки сразу же бросаются ко мне, заглядывают в глаза… девочка внезапно цепко хватает меня за правую руку, сжимает ее с недетской силой. Ручонки у нее липкие и пронзительно холодные. На меня накатывает жуть и в груди все замирает от ужаса. Я оглядываюсь и вижу, что Барсука на аллее нет! Я пытаюсь вырваться из цепких ледяных ручек и с трудом выдавливаю: «Нет, этого не надо!», но тут мальчик, нежный белокурый ангелочек, так же крепко хватает меня за другую руку и говорит глухим низким голосом «Надо!» и еще раз, на два тона ниже – «НАДО!». Я смотрю на него и леденею. Ребёнок широко открывает рот, полный острых, как иголки, тонких и длинных зубов… Надо! Я дернулась и проснулась окончательно. Рука, на которую я положила свою голову вместо подушки, затекла и онемела. Именно за нее хваталось дитя с кладбища.

Фу, ну и приснится же! Я проснулась окончательно. Боже мой, ну зачем я вообще просыпалась! Вчера вечером я от жадности уколола все, ничего не оставила на утро и меня ждет неприятная перспектива. Мне придется варить «крокодил»... и прилетят кумарики на воздушном шарике! В замке повернулся ключ, оба моих кота, до того мирно спавшие на кровати (какая кровать, логово, в котором я, лежачая больная, живу уже третий месяц), вскочили и пулей бросились к двери. Это пришел Танк, мой друг, мой спаситель… Мамочка пришла, молочка принесла… А если по порядку, то все очень просто, очень гадко и очень страшно. Мальчик мой, что я могу сказать тебе нового, твоя мама – наркоманка. Более того, я очень старая наркоманка. Это редкость, что мы долго не живем. И сейчас моя жизнь подходит к концу. Пару месяцев тому назад я перестала вставать с постели. Ноги перестали меня слушаться… Знаешь, мальчик мой, я увидела, как моя жизнь сужается в точку. Сначала исчез весь мир за пределами моей квартиры. Это произошло, когда я вместе с кентами проколола телевизор. Потом исчез район, в котором я жила, улица, двор, подъезд… лестничная площадка, потому что я перестала выходить на улицу. Мне было трудно ходить, всё необходимое для варок мне приносили… незачем да и некогда… наркотик съедал все мое время и силы.

А когда я окончательно слегла, мой мир сузился до одной комнаты… потом – до кровати. Из моей жизни исчезла ванная, исчезла одежда, исчезла косметика… Не надо, не вини себя, я знаю, что ты был за границей, потом я не отвечала на твои звонки, кроме того, ты был в ужасе от моего образа жизни, от моего стремительного падения, настоящего пике от нормальной, интересной, успешной жизни в пропасть, в минус, в самоуничтожение. Когда мы виделись с тобой в последний раз, я уже была больна. Это был день моего рождения. Ты помнишь ту милую парочку, парня и девицу, которую я приютила? Их зовут Лариса и Гена. Поскольку я на тот момент уже слегла, была совершенно беспомощна… мне нужно было, что-

бы кто-то жил со мной, ухаживал, варил этот проклятый «крокодил»… ты и папа тогда устранились от меня… мальчик мой, я все понимаю, я прекрасно осознаю, что достала вас. Вы устали от моих бесконечных срывов, от моей лжи, от необходимости постоянно вытаскивать меня из неприятностей. Каждый раз, когда я в очередной раз лечилась, вы надеялись, что вот-вот, именно в этом случае, сейчас произойдет чудо, и я выздоровею и не буду употреблять наркотики. Мой дорогой мальчик, ты пошел в паломничество, ты пешком шел из Хмельницкого в Бердичев, к чудотворной иконе Бердичевской Божьей матери, просил Деву Марию исцелить твою маму… И каждый раз ваши надежды обманывались… немудрено, что вы разуверились. Сейчас я уже не обижаюсь, но на тот момент – мне казалось, что вы бросили меня на произвол судьбы. И тут подвернулись они. Лара и Гена. Они жили у меня, было кому подать мне стакан воды… ну и потихоньку разворовывали и превращали в помойку мою квартиру. Я никогда на забуду, когда ты приехал и повез меня в ресторан праздновать днюху. Лариса помогла мне одеться, ты и Гена под обе руки дотащили меня до машины, и мы поехали праздновать мой сорок шестой день рождения. У меня особенное отношение к дню рождения, смешное в моем возрасте, сверхценное. Я жду днюху весь год… и обязательно плачу в этот день. Возле ресторана нас встретил мой брат Жора. Когда он увидел меня и понял, что меня нужно выгружать из машины и буквально волоком тащить, потому что я не могу самостоятельно передвигаться, на лице его выразилось, мягко выражаясь, замешательство. Я поцеловала его и сказала: «Жорочка, ихь штербе» и засмеялась… Ты укоризненно посмотрел на меня, и я поняла, что это неудачная шутка. Я повторила последние слова Чехова. Врач разрешил ему выпить шампанского и Чехов, сам врач, понял, что умирает и сказал по-немецки «ихь штербе» значит «Я умираю». Мой брат учился в Геттингенском университете, и у нас был такой прикол, я ошарашивала его длинными тирадами на немецком языке или цитатами «Раммштайн».

В ресторане нас ждал мой отец, сестра, невестка и бабушка Леля… Сынок, я была счастлива тогда… Как я сейчас жалею, что не рассказала вам тогда всей правды. И не попросила помощи. Я бы избежала всего того кошмара, что ждал меня в скором времени. Я соврала, что больше не употребляю ничего… просто я болею! Ах, мальчик мой, я знала, что ты прекрасно понимаешь, что происходит на самом деле. Ты с восьми лет нянчился со мной во время моих кризисов, ты отлично различал мое состояние, мог безошибочно определить, что и сколько я приняла, бросив лишь мимолетный взгляд на свою непутевую мать. И ты слушал мою ложь, молчал и плакал в сердце своем. Я смогла пробыть в ресторане всего пару часов. Я быстро утомилась, мне было тяжело сидеть, меня начало знобить. Пора было снова уколоться. Я начала проситься домой. И тогда мой папа заговорил о заместительной терапии. Он предложил мне этот вариант. Сказал, что говорил со своим американским коллегой, и тот уверил папу, что это самый эффективный метод лечения наркомании. Папа сказал: «Этого мы еще не пробовали, тебя, золотце, скорее всего, только могила исправит. Но как ты будешь туда ходить? Это ведь нужно каждый день». На что я ответила: «Да, папа, я согласна ходить куда угодно, пожалуйста, дай мне денег!» Немая сцена. Ты не знал, куда девать глаза, бедный ты мой. На день рождения папа подарил мне Xperia Play, это на то время был роскошный телефон, android. Папа знал, как я люблю играть в игры на телефоне, и как важно для меня чтение – я была в восторге. Ты и Жора отвезли меня домой, и там вы хорошо рассмотрели

Ларису. «Какая мерзкая девица», – сказал Жора. Я начала уверять, что они «на лицо ужасные», но очень добрые внутри. Жора осмотрел меня. Поцокал языком, переглянулся с тобой. И вы уехали. Ты сказал, что собираешься в длительную поездку, оставил мне крупную сумму денег, чтобы я могла продержаться до твоего приезда, мы договорились, что по приезду мы решим, как мне стать на программу, и вы с твоим дядей ушли… И тут начался ужас.

На следующий день мое состояние резко ухудшилось. Началась лихорадка. Такая слабость, что я не могла сидеть в постели. Я лежала пластом, то трясясь от озноба, то обливаясь потом. Я плохо осознавала, что происходит вокруг. Это начался сепсис. Меня спасло то, что дома были хорошие, сильные антибиотики. Весь ужас ситуации заключался в том, что «крокодил» я колола внутримышечно. Раствор был очень агрессивный и его вводить надо было примерно раз в три-четыре часа. Когда я делала себе укол, плакала и кричала от боли. На следующий день место инъекции болело еще сильнее (хорошо, если дело обходилось без абсцесса). Когда я поворачивалась в постели, я опять-таки вопила от боли. Дружочек, ты представляешь, во что превратилось все мое тело при такой интенсивности употребления? Молчаливый и угрюмый парень Гена, как мне казалось тогда, жалел меня, он выносил за мной горшок, заботливо укрывал меня, когда меня знобило, и даже несколько раз прикрикнул на Ларису, которая ленилась убирать у меня в спальне. Как потом выяснилось, она не убирала нигде вообще, и нормальная квартира с евроремонтом стала похожа на бомжатню. Было снято, отвинчено, украдено и вынесено все, что только можно было отвинтить, украсть и вынести. И однажды, очнувшись от тяжелого сна, я обнаружила, что исчезли все мои деньги. Я начала кричать и звать Ларису, но она не отзывалась, вместо нее пришел Гена и начал уверять меня, что он сам не при делах – это все эта с...а украла и свалила в неизвестном направлении. Он сделал мне «крокодил». Он перестелил мне постель, хотел переодеть меня, поскольку белье на мне насквозь промокло от пота, открыл шкаф, и я увидела, что исчезла практически вся моя обувь и одежда, вплоть до трусов! Добрая Лариса оставила мне две футболки и пару спортивных штанов. Мне было очень жалко куртки и полушубка, который ты мне купил, когда получил деньги за первую книгу. Жалко моих джинсов, любимых тряпок, но это все мелочи, по сравнению с тем, что я, больная и фактически беспомощная, осталась без копейки денег.

Сынок, я понимала, что твой дедушка мне обязательно поможет, но мне было очень стыдно обращаться к нему. И я вынула серьги из ушей, позвала Гену и попросила его пойти и заложить их в ломбард. Как загорелись его глаза! Ты спросишь, где были мои мозги, когда я отдала ему мое последнее золото, подарок папы к окончанию универа? Я дура, я свинья, я растерялась, Франя. Оказалось, что у Гены нет паспорта! Он начал уверять меня, что он знает в ломбарде девку, которая примет серьги без документов, и пороть тому подобную ахинею; но я твердо сказала, что этот вариант меня не устраивает. Я вспомнила, что в моем доме живет мой хороший знакомый Рома Ткаченко, известный в нашей среде под прозвищем Танк. И я решила обратиться к нему.

Танк соответствовал своему прозвищу. Он всегда был массивный, высокий и очень пробивной. В некоторых ситуациях он действительно пер, как танк. Особенно, когда хотел раскумариться. Танк раньше работал менеджером по продаже подержан-

ных автомобилей. Пока не стал наркоманом. Я позвонила ему, объяснила ситуацию, и они с Геной отправилась в ломбард, а потом в аптеку за «Пенталгином», из которого, собственно говоря, дружочек, и производился «крокодил». Вот так появился новый персонаж этой истории. Как потом оказалось, к моему величайшему везению, потому что, если бы не Танк, ты бы уже похоронил свою маму. Что было дальше? Пацаны вернулись быстро. Они принесли все необходимое, Танк отдал мне оставшиеся деньги и квитанцию из ломбарда, быстро изготовили «крокодил», и через пару часов мы были счастливы… Как я потом жалела, что не позвонила тебе или отцу! Я спросила Гену, где Лариса. «Ушла к себе домой», – ответил он, продолжив, «Тварь, животина, крыса! Я думал, что она путевая девка, ты нас приютила, а она так с тобой поступила! Но ты не волнуйся, я тебя не брошу никогда, я же вижу, что ты человек с большой буквы Ч! Я ее выловлю и ей голову отобью, вот увидишь…». Его глаза сверкали от благородных чувств, он даже прослезился. Когда Танк ушел, Гена накормил меня, принес воды в тазу, чтобы я могла умыться… Я начала дремать. Через некоторое время я услышала сквозь сон, как Гена тихонько приоткрыл входную дверь и с кем-то разговаривает. Я окликнула его… услышала, что дверь захлопнулась. Гена заглянул ко мне. «Кто-то приходил», – пробормотала я. «Нет, малая, это я выходил на лестничную клетку, хотел бычок найти, курить хочется, уши пухнут», – сказал мне Гена. «Так есть же сигареты», – удивилась я сквозь навалившуюся дремоту. Сыночек, я тогда не поняла, кто приходил к Гене. Разве ты не знаешь, насколько я доверчивая дура? И тут Гена попросил у меня денег, чтобы сходить в магазин и купить продуктов. Я полезла за деньгами в подушку (да, малыш, я прятала их в своей подушке), и тут на меня обрушился удар ногой. Я закричала, отпрянула на кровати, еще не понимая, что произошло, и увидела, что Гена, схватив подушку, потрошит ее в поисках денег. «Что ты творишь, – закричала я, – не надо этого делать, не плюй в колодец…».. Гена торжествующе извлек купюры, отшвырнул подушку и позвал: «Иди сюда, зая!». И в мою спальню вошла Лариса, одетая в мой полушубок. У меня потемнело в глазах. Я очень испугалась, деточка. Неужели они меня убьют? По крайней мере, бить уже начали. Я начала просить и плакать, говорить, что если они меня оставят без денег, без возможности раскумариться, в хрониосепсисе, я сама умру, умру, умру! Я схватила телефон и попыталась набрать номер, чтобы припугнуть их – идиотка! «Гена, трубу бери!» – мою любимую Xperiю, которую вы только что подарили мне на день рождения! Мальчик мой, я не хотела отдавать им смартфон, я кричала, сопротивлялась, я крепко сжимала пальцы, которые они отгибали по одному, выламывая их... Лариса рвала мои волосы, Гена наносил тяжелые удары кулаком, как кузнечным молотом: в живот, в грудь, лицо, ноги, мои больные ноги...

Я очнулась, когда они ушли. Они закрыли дверь на ключ. Ты заказывал мне эту прекрасную, двойную металлическую дверь. Не дверь, а самый настоящий сейф, ловушку. Западня. Я долго плакала. Потом у меня подскочила температура. Я закуталась в одеяло. Я осознала ситуацию, в которой оказалась. Я поняла, что никто не придет. Телефон у меня отняли. Ты в Италии. Скоро у меня начнется синдром отмены. Я очень тяжело больна. Я не знаю, есть ли дома какая-нибудь еда. Возле кровати, на тумбочке, стоит бутылка минералки. В тумбочке лежат антибиотики и пластинка обезболивающего. Двери закрыты на ключ. Пятый этаж. Я в полном смысле слова на ногах не стою! И что, прости за натурализм, делать с естественны-

ми отправлениями? Представляешь, твоя мама в шоу «Выживание в экстремальных условиях»! Меня ледяной пот прошиб, я забыла о том, что у меня температура, что мне больно пошевельнуться и, если помнишь, меня еще конкретно избили. Сынок, я собралась с силами и сползла с кровати.

Я решила, пока меня не кумарит, добраться до кухни и ванной, набрать побольше воды, посмотреть, что у меня в холодильнике... В крайнем случае, я смогу, открыв окно позвать на помощь, но я не хотела привлекать внимание к себе таким образом. Милиция – это последнее, что мне надо в этой жизни. Я собралась с силами и сползла с кровати. Держась за спинку кровати, опираясь на руки, я подтянулась… секунду простояла и грохнулась на пол. Нет. Мы пойдем другим путем. Поскуливая, я встала на четвереньки, достала судно из-под кровати и, толкая его перед собой, выползла в коридор на четырех костях. В коридоре я увидела, что холодильника у меня больше нет. Надо же, я и не услышала, когда его выносили… я очень крепко спала после приступов лихорадки, а может, они что-то мне подмешивали. Дивно. Временами ложась на пол, ползком, я добралась на кухню и взвыла. Я застала там полный разгром, помойку и руины. Микроволновка, кофеварка, посудомоечная машина, стиральная машина и хлебная печка, кухонный комбайн… все милые мелочи – все это исчезло. В раковине с забитым стоком стояла зловонная жижа и плесневела гора посуды. Смеситель исчез. Занавески, о которые вытирали руки, уныло свисали с карниза… Сыночек, наверное, если бы я поселила у себя табор цыган с лошадьми и медведями, порядка было бы больше. А ведь у меня жило существо женского пола… От злости у меня даже сил прибавилось, я смогла стать на колени, потом, держась за край стола, поднялась на дрожащие в коленях ноги и заглянула в шкафчики. И в одном из них я нашла десятикубовый шприц с «крокодилом», который впопыхах, наверное, забыли Гена и его возлюбленная. Мой родной, если бы это была ширка, грязный героин, я смогла бы растянуть это на много дней, но кустарный «Дезоморфин» очень нестойкий раствор, быстро портится, и поэтому моя находка спасла положение только на один день…

Я поискала что-то съестное, но кроме половинки засохшего бородинского хлеба и пары горстей кошачьего корма ничего не нашла. Кошки терлись о мои ноги, я высыпала им корм… поискала глазами их миску… Гена заботился о зверюшках, надо отдать ему должное: вода была налита в большую миску. Я взяла три пустые бутылки, двухлитровые, хлеб, взяла шприц с «крокодилом» в зубы, снова опустилась на четвереньки и отправилась в ванную, чтобы набрать воды… Когда я наконец-то доползла до кровати и взобралась на нее, я ничего не соображала от боли. Я была совершенно обессилена, сыночек, я беззвучно рыдала, но я сделала это! Я всем себя обеспечила: водой, пищей (не смейся, попозже этот заплесневелый сухарь показался мне деликатесом), наркотиком, даже ведро притащила с крышкой вместо судна. Я отмерила два кубика, сделала себе укол и… плавно оказалась в каком- то странном месте. Какие-то улочки, застроенные мерзкими хибарами… на скамеечке возле обшарпанной двери сидит огромная опухшая туша. Руки-клешни, беспалые, лицо, покрытое струпьями, седые космы в колтунах, эта женщина мне зачем-то нужна, я подхожу к ней, она дает мне шприц с ширкой. Шприц почему-то без иголки, мне надо найти иголку и уколоться. Я начинаю блуждать по этому лабиринту трущоб, ищу аптеку и несу тебя, совсем маленького; ты вцепился ручками в мою шею, мальчик мой, золотце, какой же ты тяжелый, я несу тебя, тебя нельзя

оставить ни на минуту, потому что тогда бабушка тебя заберет, отнимет навсегда. А еще мне очень надо уколоться. Мы проходим мимо каких-то огромных, страшных, ревущих машин, в канаве ворочается немецкая овчарка с отрубленными лапами. Я захожу в какой-то дом, где обвалилась одна стена, как в карточном домике, виден лестничный пролет, я поднимаюсь по лестнице, попадаю в какие-то проходные комнаты... Я знаю, что мне надо здесь уколоться, но где же найти иголку? Я начинаю открывать какие-то шкафы, из которых на меня сыплются лохмотья, разбитая посуда, эмалированный чайник, набитый землёй… А ты, масик, такой тяжёлый, ты положил головку мне на плечо и спишь… Вот, наконец, я вижу дверь, где на облупившейся филенке нарисован красный крест и написано «Амбулатория». Вот, именно здесь я найду то, что мне нужно! Я дёргаю дверь, она повисает на одной петле, захожу и вижу спальню моей матери, все осталось таким же, как тридцать лет тому назад, белая мебель в стиле Людовика «...надцатого», на кровати сидит твоя бабушка Вика, живая. Я говорю: «Мама! Где ты была все эти годы?». Мама смотрит на меня, как всегда, с укором и отвечает: «Они тебя обманули, они меня живую закопали! Смотри, смотри, что ты сделала!» Она срывает белый платочек с головы, ее волосы разлетаются, она начинает рвать свои волосы, вырывает их целыми прядями, швыряет в меня, ее голова становится абсолютно голой, лысой, как тогда, после химиотерапии. Я хочу бежать оттуда, ты начинаешь ворочаться и толкать меня, и я обнаруживаю, что на руках у меня не ты, вместо тебя, маленького, какой-то жуткий подменыш, несуразный, с огромной головой, лицо его ужасно, уродливо, покрыто щетиной, он хихикает и тянет ко мне скрюченные пальцы… Я знаю, что мне надо выкрикнуть одно слово, и весь этот кошмар прекратится. Я бросаю подменыша на кровать, открываю тумбочку… там раньше лежали лекарства, должна найтись игла. Вот лежат одноразовые шприцы... Я разрываю упаковку, достаю иголку, вот она, я вынимаю свою ширку, шприц, но он в моих руках трансформируется и превращается в огарок свечи… Метотрексат!

«Метотрексат, метотрексат, – кричу я изо всех сил, но из горла моего издается только слабый хрип, – Метотрексат!»… фууу, Господи, ну и приснится же… Мальчик мой, осадок от сна остался тяжелейший. Почему «Метотрексат»? Твоя бабушка умерла от рака лёгкого, когда тебе был всего лишь годик. Ей делали химиотерапию, и у нее выпали все волосы. А «Метотрексат» – это лекарство, которым лечат онкологических больных. Я, миленький, после этого сна почему-то очень испугалась, что я могу умереть… Я наркоманка, ставшая врачом… думавшая, что победила свою зависимость. Я врач, снова ставшая наркоманкой, в этот момент поняла, насколько я приблизилась к краю пропасти, из которой нет возврата. Место, которое мне приснилось, описать невозможно. Как мне передать то омерзение, ту полную безнадёжность, атмосферу, которая там царила, ту пронизанную злобой безысходность, которую я там ощущала… Там было собрано все, что я ненавижу и все, что неприемлемо для меня, все мои страхи. Больше всего я боялась остаться там навсегда… Да, сыночек, конечно, это было место, где нет любви. Сыночек, твоя мама всё-таки врач. Врачу иногда бывает страшно болеть, потому что он понимает, какие процессы проходят в его организме. Раньше я думала, что не боюсь смерти. Сейчас я смертельно ее испугалась.

Ладно, довольно рефлексии. Следующий день я провела относительно неплохо. Я воспользовалась тем, что я раскумарена и обезболена, сделала еще одну вылазку на

кухню, запаслась водой, разделила сухари с моими бедными голодными кошками. Как жаль, что у меня нет мышей! Коты бы ловили их и лопали! Даже помечтала немного, как я возьму отвёртку, раскручу замок. Выползу на улицу, попрошу прохожего вызвать мне такси и поеду к бабушке – так явственно себе это представила… и в три часа ночи меня начало кумарить. Малыш, ты помнишь, как летом мы поехали на море, а ширки мне немного не хватило… Была ночь, жаркая, душная южная ночь, субтропики, Сочи, билеты на самолёт на следующий день, а я не принимала ничего уже два дня, меня корчит и ломает… Ночь прекрасна, море шепчет, пахнет южными цветами… кругом цветет камелия… а твоей маме белый свет не мил. Без конца ворочаюсь в постели, ахаю, охаю, обливаюсь холодным потом, меня бросает то в жар, то в холод, я то начинаю кутаться в одеяло, то отбрасываю его, меня сотрясают рвотные позывы… И тут я слышу, как ты, восьмилетний, начинаешь плакать в своей кровати. Я в сердцах кричу тебе: «Франя, что ты за говнюк! Что за капризы? Разве ты не видишь, как мне плохо?». Я подумала, что ты плачешь из-за того, что я не купила тебе сегодня какое-то совершенное мальчишеское безумие, какие-то наклейки или что-то в этом роде. А ты вдруг бросился ко мне, залез ко мне в постель, обнял меня, прижался всем своим маленьким худеньким тельцем и сказал: «Мамочка, мама, мне так жалко тебя, ты ТАК страдаешь!» Знаешь, сыночка, я очень боялась, что ты тоже начнёшь употреблять наркотики. Я достаточно перевидала в своей жизни наркоманов во втором поколении. Если бы мне пришлось услышать от своего ребенка что-то подобное: «Мама, набери мне пару кубиков ширки и вмажь меня», я, наверное, пошла бы и удавилась. Это было очень тяжко, сыночек. Я не могла найти удобного положения в постели, очень сильно болели места последних инъекций. Я снова выползла на кухню, нашла два реактора – пузырька, в которых готовится «крокодил». Я налила в них воды и прокипятила на пламени зажигалки. Эта смывка помогла мне ещё на час, но к несчастью, я как-то неудачно укололась в руку и рука, а потом и шея с этой стороны очень сильно отекли, так, что я не могла согнуть руку в локте, а отек на шее начал мешать мне дышать. Было безумно жалко моих бедных кошек, они не могли понять, почему я так скупо отмеряю им корм, неужели я больше не люблю их? И бедняжки ластились ко мне и заглядывали в глаза…

Франя, я понимаю, что мне надо было открыть окно и орать не своим голосом, звать на помощь и так далее, но я понимала, что последствия будут непредсказуемыми. Тем более, что ты и твой дед мне ясно сказали: «Довольно позора». И я подумала тогда, что если я привлеку внимание людей, они вызовут ментов, будет шум-гам и всё закончится публичным скандалом… Я могла умереть… и сейчас не факт, что выживу.

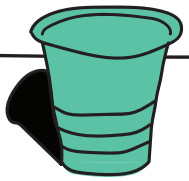
Временами я начинала бредить, мне казалось, что кто-то пришел… я разговаривала с какими-то людьми, а потом оказывалось, что нет никого… Я испачкала постель, потому что тело мое меня не слушалось больше… Мальчик мой, я плохо помню те двое суток до момента, когда я услышала, как ключ повернулся в замке. Рома Танк встретил эту сладкую парочку Гену и Ларису. Они чувствовали себя хозяевами жизни! Рома говорил потом, что они смеялись, когда рассказывали, как воровали у меня деньги… как били меня, беспомощного больного человека, который приютил их, кормил и поил. Самым смешным им казалось то, что они закрыли квартиру на ключ, а ключ швырнули в сугроб возле подъезда. Танк полтора часа лазил в снегу,

искал ключ. Он рассказывал, что не узнал меня, когда зашёл в квартиру. По его словам, на кровати лежала смерть и в зубах держала то, что осталось от твоей мамы… Что было потом? Рома напоил меня горячим сладким чаем.. Да, он, слава Богу, дал мне уколоться. Потом помог привести себя в порядок, накормил почти насильно, я почти трое суток ничего не ела, но мне не хотелось… А то, что было дальше, ты знаешь. Танк позвонил тебе, потом деду… Я не знаю, сынок, почему он все это делает для меня. Он за мной ухаживал, как за ребенком. Кормил, мыл, следил за тем, чтобы я принимала лекарства. Доставал для меня наркотик. Он спас мне жизнь. Как я смогу отплатить ему за его доброту и милосердие? Вот так и живём, мальчик мой. Утром Рома приходит, помогает мне встать на костыли, ведёт в ванную, кормит завтраком… потом у нас начинается бесконечная варка «крокодила»… Нам нужно делать укол каждые три-четыре часа с перерывом на обед и ужин… Мы ждём, когда настанет наша очередь и нам сообщат, что можно ложиться на подбор дозы. Наркотик у меня сейчас есть постоянно. Но на мне нет живого места от уколов, и почки совсем не хотят работать…

Сынок, мальчик мой… Я очень хочу ещё немножко пожить.. Понимаешь, очень пожить хочется… Я очень прошу тебя. Ты уже тысячу раз спасал меня, вытаскивал из всевозможных передряг… Я была плохой матерью! Прости, прости меня за то, что я тогда была на кумарах и не пошла с тобой в цирк, а ты ревел и просил меня, ты ужасно хотел увидеть бегемотов и слонов… Прости, что, когда мы пошли покупать тебе твой первый костюм, я была в невменяемом состоянии, и тебе было за меня стыдно в магазине… Прости, что я украла у тебя мобильник и продала его, чтобы купить дозу… Прости, что у тебя не было отца… Прости меня за всё, сыночек, спаси меня! Договорись, чтобы меня скорее взяли на программу. Я боюсь, что я не доживу до этого. Я медленно умираю. Я очень боюсь смерти. Мальчик мой, спаси меня, прошу тебя, я так хочу жить!

…Я дожила, к счастью, я осталась жива. Я принимаю «Метадон». Я жива. Я хожу без костылей. Это был долгий процесс, но я пришла в себя. Рома Ткаченко в последний момент отказался становиться на программу… не знаю, что его остановило. Мне он сказал что-то невнятное про работу, перспективу и о том, что он еще не готов к такому шагу…Через месяц он умер от передозировки...

НЕТЛЕННЫЕ ТВОРЕНИЯ



НАТАЛЬЯ ДОРОФЕЕВА

Меня зовут Дмитрий, мне 39 лет. Родился и живу все эти годы в Украине, в Донецкой обл., г. Горловка. Это шахтерский город с претензией на звание «Угольного Вавилона» Донбасса с населением около 300 тысяч человек. Родители мои, мать и отец, обыкновенные образованные люди, не имеющие вредных привычек, даже никто не курит. Этот факт лично у меня вызывает восхищение, учитывая, что они пережили как созависимые люди. И взгляды на жизнь вроде бы здравые. Не скажу, что меня плохо воспитывали. С раннего детства пытались мне привить все самое важное, что нужно человеку для жизни. Но что-то пошло не так! Скорее всего меня окружали неправильные люди. Ну, а как еще? На тот момент моей жизни, а было

мне 15, когда я начал курить «траву», с «правильными» мне было не интересно «тусить». Так сказать не хотел быть «ботаном». Ну, а потом все, как и у большинства людей, кто начал употреблять наркотики, где-то в 18 я попробовал тяжелые наркотики – ширку (опиум ацетилированный) и ВСЕ…. Я попал в лабиринт своей пагубной страсти.

Первый год своего употребления я жил в твердой уверенности, что у меня все под контролем. В тот момент мое употребление носило больше эпизодический характер, чем систематический. И когда мои друзья, которые уже сидели на «системе», рассказывали о «кумарах» (абстинентный синдром), я им не верил, даже не то, что не верил, просто не понимал, о чем они говорят. А самые близкие выражали соболезнования, как будто Я УМЕР… А я смотрел на них как на идиотов. Если бы я знал, что меня ждет впереди и какую огромную цену придется заплатить, то, конечно, с большим удовольствием «тусил» бы с «ботанами»!

Только спустя некоторое время я понял, что мои друзья имели в виду! Лет через 8 моего употребления я УСТАЛ, так как было от чего – от «кумаров», проблем с милицией, сопутствующих заболеваний. Но самое тяжелое для меня было, да и остается по сей день, жить двойной жизнью. С одной стороны, я и моя страсть, с другой – мои родные и близкие мне люди. С годами начинаешь понимать, почему некоторые люди, находящиеся в розыске и вынуждены скрываться, через время сдаются. Причин, конечно, много, но одна из них – ДВОЙНАЯ ЖИЗНЬ.

Большая часть общества относится к наркозависимым людям по меньшей мере с презрением, а то и вообще с ненавистью. Сколько раз люди из нашего сообщества за свою жизнь слышали фразу: «Лучше бы ты пил, чем употреблял наркотики!» Почему лучше? Кто это решает, что лучше, а что хуже? Если человек после трудной рабочей недели в пятницу вечером собирается с друзьями в баре или дома, выпивает пару бутылок пива или вина, весело проводит время, а потом едет домой – это считается нормально, ну стоит в этом примере алкоголь заменить наркотиками… С точки зрения обычных обывателей, собрались «нарики», жди беды. Всегда к наркозависимым относились более предвзято, чем к алкоголикам. Я с этим не согласен! Не думаю, что от тех людей, кто живет под «синим» флагом, меньше вреда. Но для них все условия, на каждом шагу магазин или ларек, где они могут легально удовлетворить свою «жажду». Кому я сочувствую, так это «планокурам». В развитых странах уже по-другому смотрят на «каннабис» и все, что с ним связано: я имею в виду легализацию. Я надеюсь, что в нашей стране я застану еще при жизни то время, когда будут учитываться желания и потребности сообществ (на законодательном уровне)... Я немного отвлекся, вернусь к тому времени, когда я устал употреблять...

В жизни каждого зависимого человека наступает момент, когда он касается самого дна своей зависимости. И когда это время приходит, надо делать выбор – или обитать на дне, или же приложить усилие, чтобы вернуться к нормальной жизни, к жизни без наркотиков. Человек не рождается зависимым, это ненормальное состояние. Это все равно как родиться слепым или потерять зрение впоследствии. Так как я родился и жил часть своей жизни без наркотиков, с годами начинаешь скучать по временам, когда обращал внимание на цвет неба, буйство красок весной и красоту увядание осени, когда просыпаешься утром с хорошим настроением и у

тебя ничего не болит, когда не сверлит мозг вопрос, где взять деньги на очередную «раскумарку». Скучаешь по всему этому так сильно, что хочется завыть, особенно ночью, когда не спишь на «кумарах». А самое страшное, что после 20-летнего служения «опиумному культу» забываешь, когда ты и наркотики были не совместимы. Я редко встречал людей, которые через 10–20 лет употребления не мечтали и не пытались найти выход из этого лабиринта!

Некоторые из тех, кто будут читать эти строки, скажут: «Да это ты так хотел бросить, или у тебя нет силы воли». На это отвечу избитой фразой: «И сила есть, и воля, а вот силы воли, нет!» Если серьезно, я пробовал многое, детокс + психолог (3 раза), пробовал «на сухую» спрыгивать в ребцентрах... Несколько слов о ребцентрах... Часто бываю свидетелем, когда в разговорах или обсуждениях темы «Как спрыгнуть с наркотиков», мнения делятся на два лагеря – это приверженцы программ ЗПТ и сторонники «ребиков». Люди из первой группы часто кричат, что там бьют, удерживают силой. Я был в нескольких ребцентрах, не буду рекламировать, но я ничего такого не видел. Бытовые условия конечно «хромали», я имею ввиду цену-качество; но для меня на тот момент важно было бросить употреблять, поэтому я «не заморачивался» вопросом быта. Мой личный рекорд ремиссии 3 года. Это было хорошее время. Но стоило мне выйти оттуда и снова «срыв». И что самое мерзкое, что адский ад употребления становится более изощренней, во всех смыслах. После каждого «падения» подыматься каждый раз все трудней и трудней. Даже, когда в очередной раз умирала моя вера, вера в свои силы, оставалась надежда, что обязательно будет шанс, главное его не упустить. Появление в моем городе программы ЗПТ для многих и стало именно этим шансом.

Люди из нашего сообщества ко всему официальному и бесплатному привыкли относиться по меньшей мере с подозрением, а то и вовсе с недоверием. Ну вот скажите, что хорошего у нас в стране можно было получить бесплатно? Я уверен, что многие ответят: НИ-ЧЕ-ГО !!!

Все хорошее «халявное», то ли из-за менталитета нашей нации, то ли из-за халатного отношения отдельных должностных лиц к своим обязанностям, всегда тщательно скрывалось от широких масс. Наверняка многие сталкивались с тем, когда люди, поставленные на определенные должности, делали все, чтобы тебя озадачить. Увы и ах!!! Такова была суровая реальность работы врачей на сайтах ЗПТ в нашем городе изначально. Первые клиенты программы напоминали мне человека, который решил первый раз в жизни окунуться зимой на праздник Крещения – в душе понимаешь, что дело это хорошее, но все равно как-то «стремно». Одни кричат, что обязательно заболеешь, другие – наоборот, подбадривают, а на предложение присоединиться отказываются. И вот ты заходишь в холодную воду потихоньку, шаг за шагом, а друзья и просто зеваки стоят и смотрят, чем это закончиться. Так было в начале работы программы, когда человек, выполнив все условия, становился клиентом программы ЗПТ, а потом «залипающим» его видели товарищи, а тот факт, что он не потратил ни копейки, имел эффект разорвавшейся бомбы. И начали люди идти толпами!

Условно я поделю их на две группы. **Первая группа** и поначалу самая многочисленная – это те, кто шел просто за «халявной расскумаркой». В основном это были малолетки, которые «сидели» на «трамале» (таблетки из группы опиумных анальгетиков) или какое-то время покололись «крокодилом» либо «ширкой» (опиум аце-

тилир). А также те, кто не мог уже находить ежедневно деньги на очередную дозу. А деньги это были не маленькие.

Вторая группа менее массовая – это, как правило, были люди взрослые, семейные пары, те, кому употребление надоело и мешало жить, работать. Эти люди становились на программу именно для того, чтобы «спрыгнуть». Дозы они себе не нагоняли, подбирали себе именно такую дозировку, чтобы не «кумарило». Многие клиенты из этой группы через 1–2 года успешно выходили из программы и трансформировались в общество. Я лично знал семейную пару, ребята плотно до программы сидели на «ширке», к нам приходили в организацию на группы самопомощи, там я с ними и познакомился. Как только появилась возможность встать на программу, они этим шансом воспользовались, потому что мечтали жить без наркотиков и о том, что смогут завести детей, в общем полноценно жить. И они успешно шли к своей мечте!.. Да, кстати, Аня родила девочку и дала ей имя Ева... Все желания достижимы, если сильно этого захотеть, но только надо приложить усилия. Многие ребята с программы нашли работу, самое сложное было для них – это подогнать рабочий график под время выдачи терапии. Но ничего, кто хотел, тот находил возможность совмещать (для них очень важно, чтобы не узнали на работе о том, что они стоят на программе ЗПТ, так как в широких массах информация о программах ЗПТ очень скудная, и многие услышав высказывание по типу: «Да это наркоманов наркотиками лечат», или «Это Америка специально молодежь на наркотики подсаживает»).

В целом, стигматизация нашего сообщества со стороны общества, к сожалению, еще слишком велика. Ну, а что делать? Все новое всегда принимается настороженно и с опасением. И как говорится: «Собака лает, а караван идет»!

Но все так устроено, что все хорошее рано или поздно заканчивается и закачивается неожиданно… Это был 2015 год, год, когда наша страна начала разваливаться. Эти события так или иначе изменили судьбы всех украинцев. Мало кого эти события не коснулись. А что касается нашего сообщества потребителей, то нас эти события затронули в первую очередь.

Я бы закрытие программы ЗПТ в нашем городе (временно оккупированном) сравнил бы с началом второй мировой войны, то есть без ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ! Люди пришли утром на сайт, все было как всегда... Препараты получило где-то 10–15 человек, затем вышла медсестра и с серьезным выражением лица сообщила: «Остальные могут расходиться… программа закрыта». И все! Странно эту новость было слышать из уст медсестры, это было похоже на злую шутку. Все опешили от услышанного. Люди, конечно, начали возмущаться, скандалить. Но вышли непонятные особи в военной форме с оружием, и… люди начали расходиться. Приводить какие-либо доводы и аргументы было бесполезно, а тем более спорить с лицами, не испорченными интеллектом, было опасно и бессмысленно, так как они ничего не решали. Это был своего рода геноцид!!! Эти препараты для нашего сообщества были жизненно важные. Выхода было три: 1) Уезжать на территорию, подконтрольную Украине; 2) Возвращаться опять к употреблению уличных наркотиков, так как «кумарило»; 3) «спрыгивать» на сухую, но в тот момент «Детокс» в наркологии не делали. Согласитесь, эти варианты, предложенные клиентам программы ЗПТ временной администрацией – бесчеловечны.

Вот люди и начали – кто переходить на уличные наркотики (я знаю 2 случая суицида: ребята просто свели счеты с жизнью, поскольку не могли терпеть боль), кто-то начал употреблять алкоголь. Хочу вам сказать – разница поразительная. На территорию, подконтрольную Украине, уехать возможность была у единиц. Это я опускаю ситуацию с милицией по отношению к ЛУН, достаточно просто не понравиться или слуха о том, что ты употребляешь, и «блюститель порядка» кардинально изменит твою жизнь не в лучшую сторону. В такой ситуации наше сообщество ЛУН на оккупированной территории находится и в настоящее время.

Можно много спорить о плюсах и минусах программ ЗПТ, но я хочу выразить свое мнение. Как инструмент для лечения наркозависимых и профилактики ВИЧ, эта программа хороша. Возможно, в каких-то моментах не доработана. Неплохо, если бы с сайтами сотрудничали центры занятости, реабилитационные программы (адекватные). Все можно доработать и добиться большей пользы от этих программ. Но надо учитывать мнения и потребности тех, для кого это делается. Ничего для нас без нас!!! ЗПТ можно сравнить с маком и атомом, ведь сами по себе эти вещи нейтральны, можно создавать лекарства и электростанции, а можно – наркотики и ядерное оружие. Все зависит, как этим воспользоваться!

Но, а мне, к сожалению, приходится как-то перебиваться. И надеяться, что у нас в Украине скоро наступит мир! И у меня снова будет право делать выбор, каким способом справиться со своей зависимостью, и человеческие инструменты, которые мне в этом помогут!

Всем Мира и удачи.

ПОХОЖДЕНИЯ СВЯТОГО ПАТРИКА... ЛЮБИТЕЛЯ ЖИЗНИ И КАЙФА ИЗ КИШИНЕВА

«СВЯТОЙ ПАТРИК»

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Зовут меня Пётр. Родом я из Молдовы – г. Кишинёв. Хочу рассказать личную историю … Моё первое знакомство с инъекционным употреблением произошло в Одессе. Шёл 1989 г. –легендарный район Палермо, куда я прибыл со своими дружками Андреем и Виталиком за возможностью покидать лохов и сладко пожить. Прибыли мы на дизеле Кишинёв-Одесса, в тамбуре которого, покуривая крутые Мальборо, и познакомились с двумя мадмуазелями, общение с которыми и продолжилось под добрый косячок… Поднявшись по обшарпанным ступеням двухэтажного старинного здания с уютным внутренним двориком и, войдя в одну из квартир, моему взгляду предстал самый настоящий притон, в полном смысле этого слова, с угнетающей обстановкой. Нас провели на кухню, где у плиты стояла девушка – на одной конфорке,

высаживая ханку на корж, а на второй – подогревала молоко для грудного ребёнка. Кислого не было, корж отбили кровью и нам предложили вмазаться… Оказалась, что девчонки туда за этим ехали, а мы были за любой кипешь… Меня вмазала Таня в дальней комнате… и те первые пять точек показали мне мир блаженства, который я не знал до этого…, но это длилось недолго, через 20 минут это сменилось лёгким ознобом, а далее – и жёстким «Трухазолом». За это время я мысленно пару раз прощался с жизнью. Мои чувства перемешивались как в калейдоскопе – страх, ужас, паника … И я себе сказал, что если останусь жив, то к этой гадости больше никогда не притронусь. Наверное, именно здесь я и поймал все профессионально – наркоманские болячки –ВИЧ и гепатит С. Когда я пришёл в себя, то был зол и побил ковшиком всех, кто забыл про меня в той комнате… А что с них взять, они сами все перевмазались и забыли про меня… Можно было так и сдохнуть, и никто бы не почухался. И данного обещания я держался 3 года, пока не попал в одно чудное место…

ПИ….ЕЦ ВСЕМУ – «СТАВЬ БОЛЬШЕ…»

Шёл второй год моей второй отсидки в замечательной зоне Бронешты. Я только поднялся в лагерь после 11 месяцев в карантине, прочувствовав на себе систему 66….6 месяцев пкт (бура) и 6 пятнашек (шизо) за то, что не хотел работать в карантине да и вообще… «Пускай работает железная пила – не для того меня мама родила». Меня встретили как полагается: банька, новые вещи, еда церковная и отдых… И достали баянчик с кубышечкой широчки на ангидриде, для дорогих гостей… Вкололи половину… Мне стало так кайфово, и я прохрипел – «Пиз….ц всему – Ставь больше! И когда я оказался по концу срока в Буре на кумаре, до меня дошло выражение «Кто попробовал слезу Аллаха – будет плакать всю оставшуюся жизнь!» В Буре я еще малёха покололся и с горем пополам перекумарился через лесенку! Но полтора последних года в зоне у меня пролетели как один день! Я вышел с четким осознанием, что «Все…! Я больше не колюсь!!!... Но меня не хватило и на 3 месяца!!».

СТАТУС

Прошло три месяца, как я вышел! Был август 1994 года, самый сезон, я начал опять двигаться и оказался в марте 1995 года в инфекционной больничке Кишинева (Тома Чорба) с острой формой обострения гепатита С, меня привезла туда скорая помощь в реанимацию. Ещё чуть-чуть и было бы поздно, у меня была трансиминация 14,6! Я кое-как оклемался, и тут началось – мол надо пересдать по новой кровь, потому как не могут узнать один результат, типа кровь свернулась! И через 2 недели меня обрадовали, но сначала мою мать, а потом мне сказали: «Парень, у тебя СПИД!»

Я выбежал сказать, что они гонят на меня, но они настояли еще раз сдать кровь для подтверждения окончательного диагноза! Было мне тогда 21 год, и сказали мне те врачи, что я проживу от силы два года. Было дикое желание у меня тогда кинуть им гранату в кабинет. С того момента прошло больше 22 лет, я жив и здоров, а врачей тех нет давно!

НЕРЕАЛЬНЫЕ ПРОГОНЫ!

Меня на следующий день перевели в другое отделение № 5, там была отдельная палата с выходом и тремя кроватями на всю Молдову! И табличкой на окне «Осторожно, СПИД!», а также испуганными глазами других людей и медперсонала! Меня записали в смертники, и я пошел в отрыв! Началась эта пластинка, что мол надо напоследок кайфонуть, и пошли нереальные прогоны. От чувства безысходности я начал жить по полной – каждый день как последний. Там в больничке у меня возникла мысль, что только одно мне поможет выжить – опий! И так прошло ещё пять лет! Каждый день в погоне за очередной дозой, были поездки по селам и беготня за кислым. Как у многих других на территории бывшего СССР, заезды к барыгам и дикий страх остаться на кумаре или без денег! Были безумные поступки и разные нереальные прогоны и ситуации, где я мог с жизнью распрощаться! Одна навязчивая идея, где достать и употребить, найти пути и способы достать еще, было два передоза! Была у меня на тот момент девочка – звали ее Катей, тогда один подонок дал ей вмазаться, пока я был в больнице, очередной раз перекумаривался с понта, а проще говоря, сбивал дозняк. Она меня постоянно пыталась вытянуть из торбы, и когда вышел с больнички, она уже сама пристряпалась на 5 точек! Так мы с ней и проторчали, пока я не сел в тюрьму в очередной раз.

26 ИЮНЯ 2001 ГОДА

Это был самый тяжелый день в моей жизни, меня приняли мусора и закрыли тогда, предварительно разбив мне голову и сделав сотрясение мозга. Из-за побоев в КПЗ меня не хотели принимать и закрыли в приёмник-распределитель на бешеном кумаре с БОМЖами пока побои пройдут. Потом было 3 месяца КПЗ и пытка кумаром месяц с дозой 35 кубов домашнего, бешеный синдром отмены и сотрясение мозгов, разбитая голова; думал тогда, что не выйду из этого состояния! Никогда не думал, что в своей жизни буду радоваться, как дитя маленькое, переводу в тюрьму, туда я попал как на курорт. Там еще 3 месяца принудлечение (статья 59). И мой выход прямо под новый 2001 год на свободу – подарочек в тюрьме в 20 ноль-ноль за 4 часа до Нового года! Вот повезло мне тогда, если бы меня тогда не закрыли, я бы умер в тот же год! Но осознание этого пришло потом! А тогда была страшная обида на всех! 26 июня – второй мой день рождения!

ОЗТ. ПЕРВАЯ МОЯ АРВ-ТЕРАПИЯ

Вышел я и опять проупотреблял с переменным успехом до августа 2007 года…, Я слышал про Метадон, мне звонили домой и предлагали пойти… Я пошел из интереса типа на детокс, чтобы взять какой-то тайм-аут! Меня все достало на тот момент, и это для меня был реальный выход из ситуации. Мой детокс затянулся почти на 5 лет! Мне попался очень стоящий Врач Лилия Федорова! Это решение я считаю самым важным в моей жизни, благодаря которому я жив! До сих пор жив. Она мне

объяснила, что в моём случае ОЗТ поможет начать лечение моей зависимости и очень важно было АРВ-лечение, которое мне поможет сохранить здоровье. У нас в 2011 году до лета на АРВ-терапию не брали с ОЗТ, говорили, что мол идите сначала перекумарьтесь, а потом АРВТ. Слава Богу, что не так сейчас. Это был один из первых моих основных мотивов, что послужил для моего выхода. Надоело быть привязанным к сайту, ходить каждый день как проигранному, особенно по выходным и по всем праздникам. Там надо было за 1 час успеть. И надоела безнадега, и мусора каждый день. Они, когда им не хватало что-то для плана, ходили ЗТешников цепляли и вешали на них всех собак и штрафы беспонтовые, типа они работают… Это был какой-то тупик в моей жизни, и я увидел, что можно попробовать жить иначе. У меня была куча свободного времени, а как с ним поступать я не знал. На тот момент не было возможности социализироваться для клиентов и не было выдачи на руки ОЗТ, и еще много чего, но и механизма не было выйти плавно через детокс.

ТРИ ПОПЫТКИ ВЫХОДА ИЛИ КЛЯТЫЙ МОЗАХИСТ

К маю 2010 я окончательно устал от каждодневного хождения в медучреждение и где-то к 10 числу созрел к первому эксперименту над собой. Я сбил с января дозу с 80 миллилитров до 20 кубов и принял решение перестать принимать «Метадон». Первую неделю я еще ходил к кормушке, психологически раскумаривался, у меня за последние годы выработался рефлекс как у собаки. Мне, как ни странно, становилось легче, вся веселуха началась на 7 день кумара… Не было жестко, просто слабость, постоянный гон от недосыпания и всякие бредовые идеи. Я постоянно ходил и гонял, чтобы устать физически – это были незабываемые 3 недели моей жизни, очень психологически мне тогда помогли. И вот каким-то чудом прошли 62 дня моей первой ремиссии, и я уже потихоньку начал спать по пару часов. На 63 день я стал себе рассказывать, что надо один раз вмазаться по сезону, чтобы хоть один день поспать и дальше с новыми силами начать менять свою жизнь, после чего опять улетел с июля до октября и пришел 1 октября опять сдаваться. Пробыл на программе до 15 марта 2011 года. На этот раз я ушел с 5 кубов и через 15 дней чувствовал себя как огурчик. Я лег в нашу больничку, чтобы назначили мне АРВТ после того, как перекумарился. Мне пошла первая линия с «Эфовиренцом». Когда меня выписали, через 2 дня я вернулся обратно – у меня начала слазить кожа с лица и рук, куда попадало солнце, была такая не типичная побочка. Я провалялся в этой больничке почти 44 дня. Выписался к концу мая с другой терапией, но я ее не начинал. Так я еще протусовался еще две недели. Опять меня до сентября засосало так, что я опять в торбе на свой день рождения 27 сентября на бешеном кумаре! Снова вернулся на «Метадон» в 3-й раз, но на очень короткий срок – на 2 месяца, до конца ноября. На этот раз я ушёл очень легко с 5 кубов и без детокса тоже за 2 недели бессонных ночей, был опыт и желание выйти. Все свои эпопеи про выход из ОЗТ надо описать в другом рассказе.

РЕМИССИЯ + СОЦИАЛИЗАЦИЯ

Этот период моей жизни длился больше 3 лет (даже сигареты не курил). До моей поездки в Тбилиси (Диалог Высокого Уровня) в сентябре 2015, где и закончилась моя ремиссия и моя семейная жизнь (но это тоже для другого рассказа). За это время мне удалось первый раз в жизни к 40 годам устроиться на работу легально, даже начать платить налоги – это вообще для меня не реально! Принять активное участие в расширении сайтов ОЗТ по всей Молдове, внести изменения в протокол лечения ОЗТ для получения препарата на руки клиентами, что сейчас работает. Расширение списка препаратов (Бупренорфин), сейчас он тоже есть в планах внедрения (Медицинский Героин), как препарат ОЗТ. Вот так будет стимулом вернуться обратно в ЗТ. Также скромное участие моё в изменении РЕПРЕССИВНОЙ наркополитики в Молдове в сторону либерализации и декриминализации поднятия суточных доз хотя бы на половину как европейских – это программа минимум! В этом направлении идет работа. Еще в планах создание Дроп-ин-Центров и комнат для безопасного употребления. Набрался много знания и опыта, начал применять их в жизни и использовать свои старые таланты в новом русле, и это очень помогает в проведении переговоров и достижении поставленных целей для меня и моих друзей, которые меняют наши жизни в лучшую сторону.

КОНТРОЛИРОВАННОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ

Этот период моей жизни начался в сентябре 2015 года. Моё данное употребление не вызывало серьёзных последствий, я не залазил в торбу, не терял работу, меня не арестовали, мне не приходилось воровать и обманывать близких, у меня не было проблем со здоровьем. Я всегда остаюсь ответственным и беру на себя ответственность за свою жизнь и жизни моих близких. Я научился не зацикливаться на мысли, где достать, употребить и найти способы достать еще. Научился кайфовать без последствий для себя и окружения, радоваться жизни и идти вперед. За 2 с половиной года я покайфовал около полутора месяцев, когда хотел и по полной – это был кайф! Может это мой самообман... Будут какие-то проблемы или трудности, у меня всегда есть выход, Рецепт, который мне подходит лично, если что – могу поделиться!

ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС!

У меня на данный момент появилось много друзей из разных стран, большое количество единомышленников. Есть своё мировосприятие, которое я не собираюсь никому навязывать. Маленькие радости в жизни, за которые я очень Благодарен! Любимая работа, но это больше хобби, учитывая те копейки, которые мне за неё платят, но я рад, что она у меня есть. Также есть возможность всегда вернуться на ОЗТ, а если не сработает мой Рецепт, тем более там сейчас есть выдача на руки и расширенный список ОЗТ, и возможности путешествовать по миру, без ограниче-

ний. Первая причина, по которой я ушел из ОЗТ, это была привязанность к сайту и не было выдачи на руки; сейчас такого барьера нет. Мы зарегистрировали сеть ЛУН в Молдове, надо её активно включить в отстаивание прав ЛУН в Молдове, изменение репрессивной наркополитики и законодательства в сторону декриминализации употребления и отмены наказания за социальный сбыт... Я не верю в реабилитацию в изоляции человека от среды, где он живет. Буду работать в том направлении, чтобы в Молдове была Легализация ПОТРЕБЛЕНИЯ ПОД КОНТРОЛЕМ ГОСУДАРСТВА, ЧТОБЫ ЛЮДИ НЕ ТРАВИЛИСЬ КАКИМ-ТО СУРОГАТОМ, чтобы человек, достигший определенного возраста, мог спокойно купить в специализированных магазинах или аптеке. Чтобы развивались сервисы для людей качественные, а не для «галачки», чтобы на первом месте были люди, человеческая жизнь и ее качество. Есть много работы.

ЭПИЛОГ

Всего этого не было бы в моей жизни сейчас, если бы я не попал в 2007 году на программу ОЗТ. И меня бы уже давно не было на этом свете. Огромная Благодарность тем людям, кто придумал эту программу и начал внедрять ее по всему миру. Я очень рад, что она у нас есть и развивается! Мой младший брат с 2007 года и по сей день на программе, и я рад, что Он жив и здоров благодаря ей. Что она у нас в МОЛДОВЕ бесплатная, нет листа ожидания и перебоев с ПРЕПАРАТАМИ ЗА ЭТО ВРЕМЯ. Рад за возможность поделиться своей личной историей, не факт, что она кому-то поможет. Это был первый мой такой опыт написания. Так что прошу любить и жаловать. Вот как-то так… с наилучшими пожеланиями, Ваш Святой Патрик) из Кишинева – любитель жизни и кайфа. Спасибо, что вы есть!!! Мои дорогие!!! Люблю Вас!!!

30.03.2018 ГОДА

Это краткая моя личная история. Возможно, будет продолжение в виде книги или мемуаров…

ПРО ЭТОТ, НУ, КАК ЕГО...

НИКОЛАЙ ТУПОНИЗОВ

Удивительно, что под артиллерийским залпом
шприцово-игольных канонад не утихла твоя половая сущность.
Регрессия, сублимация, «хрено-регре-мация»…
Ох, и Фрейд! При всём уважении к отцу психоанализа,
напрочь разрушу его теорию о важнейшей роли ОСНОВНОГО
ИНСТИНКТА… Этого… Ну, как его?
«Мальчик – девочка», «пестик –тычинка», «самец – самка»?
С Э К С У А Л Ь Н О Г О !
Точно, именно, его! Поехали:

Кому, какое дело, что каждый человек, «не рождается в полной мере и часть своей жизни проводит как бы, в теле матери, – погрузившись в ночной сон»? Ха – ха –ха! Это рядовой среднестатистический труженик треть жизни проводит во сне. А, натранквилизированный опиушник? Он совсем не рождается – НИКОГДА! И поскольку, опиат погружает в фазу глубокого сна, только, при приёме доз, гораздо превышающих терапевтические, то на подмогу приходят вышеупомянутые «транки», снотворные, гетероциклические… В общем, любые «сЕдативные», от которых, «лучше СиДЕТЬ, чем, стоять, и лежать, чем сИдеть».

Это не я, а Черчилль констатировал. Да, так и сказанул, не вынимая сигару изо рта, чем дал повод пошутить Зигмунду: «Иногда сигара во рту является просто сигарой». Старик сам сиги полюблял, навалив морфы, или коксом разнюхавшись… Инстинкт его тоже достал.

Из вышеизложенного видно, что «ТАКСО-МАН» спит постоянно. Все его действия ограничены и направлены только на приобретение яда (кража, обман медработников, нелегальное приобретение), и пропаливание одежды, постельного белья сигаретой. А, всем этим можно заниматься даже во сне… Лунатизм? И как, при подобном раскладе быть с регрессией? Наврал дедуган, а, ведь, сам-то, не понаслышке знаком был с разнодействующими видами наркотизации? Морфа, кокс, ах, золотые времена, помню, как сейчас!

ПО ФРЕЙДУ

Неравнодушие З. Фрейда к кокаину
В середине 19-го века…
Мечты под эйфорию у камина –
Лечить подобным средством человека.

Конечно, это же смешно!
…Эксперименты с белым порошком…
В себя полез, в других.
О, как ужасны люди!

Инстинкты выложил на блюде,
А, я пишу про это стих.
После недолгой паузы
Займусь психоанализом:

Я тоже наркоман,
Ведь, за наркотики сижу.
Своей вины не нахожу,
Лишь, потому, что я баран!

О, Господа присяжные, поверьте, –
Такой же, я желаю смерти,–
От морфия, на склоне лет,
Как умирал безумный Фрейд!

СВЕЖИЕ КРЕСТЫ

К блеклым крестам и свежим могилам
По дороге от смерти, спасшей меня,
Я спиртом иду, подкрепив свои силы,
Где меня ожидают былые друзья.

В тёмных рамках уныло знакомые лица
Наблюдают за мной в этот траурный день.
Вышел я на свободу, чтоб с вами проститься –
Перегнуть пополам свою грешную тень.

Я под утро уйду, говорив, лично с каждым,
Извиняясь за то, что остался один.
Поделясь откровенно своим чем-то, важным,
Не забыв, как в былом от судьбы уходил.

На увядший венок меня вырвало спиртом
Со слезами, хотя их не видел в тюрьме.
Отдыхайте, родные, спокойствие, мир вам,
Иногда вспоминайте в аду обо мне.

Понимаю, что долго, увы, не придётся
Оставаться без вас в этом мраке и снах,
Ведь, один по любому всегда остаётся,
Чтоб петлять в этом мире на риск свой и страх.

Кто подумать бы мог, что так быстро редеют
Наших нищих, но гордых душ младые ряды…
И обратно всплывает из лиц галерея –
Из глубокого омута грешной воды.

* * *

Юрий Островерх,
Как ни странно, но, все мы
Подвластны «синдрому отмены».
Судьба, чтоб не пошла насмарку,
Почаще практикуй ПЕРЕКУМАРКУ.

Заинтригованный «литературным детищем» цивилизованных потребителей широкого ассортимента кайфа, любезно предлагаемого «дилерами» (барыгами) абсолютно всех социальных ступеней, снова внял факту катастрофической нехватки подобных изданий. Не ясно, а медперсонал, задействованный в выдаче препаратов ЗПТ, почему не избежал «гребёнки сбытчика»? Их частенько можно видеть, страдающих от умело подогнанных деяний под ту же 307-ю статью? Неужели снова на углях правосудия практикуется известное и поднадоевшее всем блюдо?! В этом случае ни клятва Гиппократа, ни молитва не помогут, гораздо эффективнее практикующий, мало-мальски опытный адвокат. Судья любой квалификации в пух и прах способен разбить

высосанные из пальца факты, но, вопрос в другом, а нужно ли им это? Слава Богу, прошли времена, когда по десяткам дел проходили одни и те же закупщики и прочая нарко-шваль, не брезгующая раскумариваться за счёт «доблестного ОБНОНа». Иуда Искариот уже добрых полвека перестал считаться самым ярким в истории примером ПРЕДАТЕЛЬСТВА. В теперешнее время он бы тихонечко стоял в сторонке и нервно курил, даже не пытаясь въехать в суть происходящего. «Овёс нынче дорог», но, на верёвку и мыло 30 серебряников хватит в любое, экономически непригожее время.

Хоть к изданию «Ш л я п а и баян» я не имею никакого отношения, хочу извиниться перед читателями, которых наркокарьера обязывала прибывать в местах не столь отдалённых, но достаточно недоступных, коль вышеупомянутое название воспринимается без всякой критики. Искренне надеюсь, что, весь трудовой коллектив «Шляпы», не имеет никакого отношения к сексуальным меньшинствам? А «феня», «сленг», «жаргон» наибогатейшего русского языка очень разнообразен и изменчив. Вот и получается, что неприличный синоним «не насторожил тюремных старожил», который уже добрых четверть века имеется у слова «ШЛЯПА». Или, может я болван и не узрел суть в умышленном употреблении вышеупомянутого? Простите, но, «шприц и х…й» как-то не очень подходит аля названия газеты известного направления и с понятной целью.

Вышеизложенное не совсем попадает (если быть точным, то «совсем не попадает») под требующуюся тему «П Е Р Е К У М А Р К А». Но проза тем и хороша, что «эпистолярное искусство», вымирая гораздо скорее мамонтов, но медленнее, чем «человек разумный», даёт возможность втиснуться в щедро предложенные редакторские рамки.

Мне в райотделе мент сказал,
(когда я с ним остался),
– «Твоя вина ни в том, что крал,
А в том, что ты ПОПАЛСЯ»!

Фемида, так и говорит,
Что, «Сядет тот бедняга,
чей поскромнее аппетит,
того посадят на кол»!

Да, всё-таки, как здорово, что судьба почти всегда даёт нам второй шанс (а бывает не только один…и еще, ох, как бывает)! Безоблачное детство. Его хрустальные хрупкие осколки многим дороги по-своему. Развитие мышления, умение разговаривать, и главное – НАИВНОСТЬ. Детство – это время любви. Любви такой разной, не имеющей аналогов. ЛЮБОВЬ самой милой и заботливой мамочки, материальная забота, которой разлагает СЫНОВНИЕ социальные устои не хуже любой «лёгкой» наркоты. Остаться при этом средне статическим эгоистом ни так уж плохо. До блохасто–ушасто–хвостатых «ТВАРЕЙ БОЖЬИХ», что не мешает употреблять в пищу последних.

ХАРЕ[1]

От «материального» отказ –
Это круто и здорово!
Откроется «ТРЕТИЙ ГЛАЗ»,
В седую бороду.

А вдруг, не философия,
А правда, белая!?
От мяса и от кофия
В отказе смело я.

Но, что-то не даётся мне
Ни медитация,
А, мысли в грешной голове
Про мастурбацию.

Но, уважаю Кришну я,
С Прабхупадом.
Но, эта жизнь не для меня,
Хоть буду гадом я!!!

Если б в раннем детстве, сидя на горшке, заиметь привычку читать Фрейда, то к годам семи ты бы сам уже составил безупречный психологический портрет. Ведь в столь раннем возрасте поразмыслить хотя бы о «СУБЛИМАЦИИ» (Многие ценные для нас культурные завоевания были достигнуты благодаря ограничению (или полному отказу(!)) сил сексуального влечения). «СЦИЛЛ» и «ХАРИБД» могло бы совсем не быть. Уверен, что тысячи вундеркиндов прекратили бы в одночасье пользоваться горшками и не застревали бы на этапе а н а л ь н о г о развития, чтобы в будущем явиться отважным и предприимчивым отроком, подкованным для великого юношества.

Осколки юношества – это обвёртки конфет, тысячи пустых пивных банок (на каждые 100 пивных приходится 1 бутылка водки, 3 – вина, 1/3 – коньяка или шампанского), глазниц пустых конвалют, ещё вчера являющимися «кодеина содержащими» (или кодеина – фосфата) П Р Е П А Р А Т А М И. «Каждому своё». Но, «своё», то, есть, ни у каждого. Поэтому откинем в сторону умозаключения и рассуждения, аналоги которых давно созревают в черепных коробках почти каждой среднестатистической единицы с анархической закваской, и вспомню середину 90-ых прошедшего столетия. Заранее заверив читателя в правдивости изложенного. Имена, прозвища, географические названия, буду изменять, как всегда. Уверен, что эта «конспирация» не мешает читающим «героям» узнавать себя (что случается время от времени). А отсутствие побоев у автора (у меня, то есть) является показателем п о л о ж и т е л ь н о й критики в адрес читаемого Вами произведения.

На этом, извиняясь за не четко прослеживаемую сюжетную линию, возьму на себя смелость окончить это многословное вступление. Эпистолярная пачкотня бывает гораздо утомительней, чем устная словоохотливость.

[1] одно из тысячи имен индуистского Бога.

Антология «ОПИУМНЫХ ДИНОЗАВРОВ» началась давненько. На пяток, а то и десяток лет ранее, когда в Москве проходила грандиознейшая олимпиада. Москва считалась мировой столицей социализма, и вот-вот ожидался коммунизм. Все в это свято верили и трепетно стремились, кто как мог. Я, почти уверен на 100%, что «слоёной интеллигенции» и меломанам 1980 год стал трагичен невосполнимой утратой, смертью талантливейшего самородка Владимира Высоцкого. Не будем выяснять, какой и м е н н о недуг (или болезненное пристрастие) погубили непревзойденный гений, но это уже ни так уж важно:

Поэт живуч своим твореньем.
Он мёртв – живы СТИХОТВОРЕНЬЯ!

Поэма, как ТЮЛЬПАН,
Стих про любовь, как РОЗА…
Букетом экзотическим нам стал
Отрывок долгожданной П Р О З Ы.

Мне в то времечко было 5 лет и в ближайший десяток лет об «инъекционной наркомании» я имел такое отдалённое представление, какое имеет о сельском хозяйстве мажорно-столичный индивид, посещающий хореографические курсы имени Леонардо Да Винчи, со всей серьёзностью предполагая, что «творог» и «фарш» добывается из вареников и пельменей, обильно произрастающих на деревьях в раскидистых садах с плодородной почвой, на которую всегда была богата «Рідна Україна».

«Динозавры опиума», которые на момент моего рождения уже вкушали радости полового созревания, величались «макоедами». Пару чайных ложек соломы натощак были вполне ощутимы для организма, не знакомого с процессом расщепления молекул опиума на составные алкалоиды героина. Выходит, что до начала 80-ых у нас наркомания имела вполне безобидный вид. Опера при обыске молотый мак принимали за «древесную тырсу» или опилки, подходившие как нельзя лучше для кошачьего туалета. А марихуана вполне прокатывала за целебный зелёный чай! Сейчас с умилением думаю о подкованности первых ОБНОНовцев, которые на сей момент так возмужали, обзавелись штатом кинологов со своими питомцами. И ещё хочу сказать, что ни в уголовном розыске, ни в отделе убийств никогда не была так беспредельна «липовая» раскрываемость преступлений. Этот парадокс понятен всем, «кто в теме», хотя и близкие, и друзья, и родные последних стали подкованы в этом против своей воли, неся тяжеленный крест, оказывая материальную и моральную поддержку осуждённым. Хвала нашим Матерям и Женам, которые разочаровываясь, всё же не прерывают отношения с отбывающими в МЛС! Зачастую, у женщин ДУХА и НАДЕЖДЫ гораздо более, чем у «нерадивых – неоднократно судимых»… Мужья, сыновья, уважаемые отцы семейств, порой каждому приходилось не зарекаться от «тюрьмы» и «сумы». Но у Всевышнего на каждого из нас имеется своя роль, несмотря на то, что в большинстве своём – людишки ну очень хреновые актёры.

Не укажу на конкретный год, когда предприимчивые цыгане стали торговать ширкой, но к концу 80-ых, благодаря цивилизации, ацетон заменил растворитель № 646 и ангидрид, уровняли ацетилированный опий с героином, на котором уже сидели торчки всего мира. В 93-ем я первый раз в жизни лечился от опиумной наркомании. Кто помнит то время, тот согласится в правоте Вашего покорного слуги. Лечение длилось ровно три недели, и за это время пациентов так нашпиговывали тяжелыми транквилизаторами, снотворными, обезболивающими, что первые три дня казались вполне комфортными. Потом начинались проблемы с жидким стулом, мандраж и беспощадно наступающая бессонница. Четвёртые сутки считались самыми непредсказуемыми – обострялся болевой синдром, пропадал сон, даже, если до ушей нашпигован калёсами. Поэтому, чтобы избежать суицидов, конфликтов и прочей ненужной шумихи, дежурный врач имел полномочия откорректировать лист назначений тяжело больных. Помню, как сейчас – к «недетской» жмене таблеток (от «радедорма» и «реладорма», до «реланиума» и «сибазона») наливали кому пол, а кому целую мензурку «натрия аксибутирата». Старые каторжане вспоминали, что «аксибутират» уж очень схож с «атаминалом натрия», который в 80-ые легально выдавали на «Крытой тюрьме». Что вполне понятно, поскольку в подобных «заведениях» без эмоциональной разгрузки того, и гляди конфликты с паножовщиной ждать себя не заставят.

Как я был наивен в то время! После долгожданной выписки мне одного «цыганского раствора» было катастрофически мало. Какого бы качества не был раствор (самовар или зелье, прошедшее ангидридовую баню, «ханка» из млечного сока медицинского сорта мака), всё равно организм требовал «колёс».

Не буду лазить в дебри памяти, поскольку каждый наркозависимый принимал попытки бросить опиаты. Некоторые с помощью мягкой наркоты, другие – в компании с «зелёным змеем». Способов есть много, но, эффективней, чем ЗПТ, я не встречал. И вот ещё один интересный факт – в тюрьме, где недоступны услуги нарколога (сам-то врач имеется, но вот его «волшебный чемоданчик» с нужными препаратами, увы…), процесс перекумарки происходит вполне безболезненно. Сначала думал, что эта «шиза» поселилась индивидуально, только в моей, неоднократно вструшенной и «видавшей виды» головушке. Но, общаясь с арестованными, у которых арест помимо воли забирал возможность 3-5 раз наркотизироваться, убеждался, что в условиях «телевизора», ИВС, СИЗО абстинентный синдром проявляется в терпимой мягкой форме. И именно сейчас созрела психологическая ситуация для изложения одного забавного случая.

До горизонта расселись поля медицинские.
«Опием» пахнут плантации, кровью – земля…
Я до пробела прочёл все транскрипты латинские,
Фармокопеи лекарственного словаря.

Солнце в июльскую пору пространство тонирует,
Зелень отборных коробок растёт высоко.
Я догадался, ведь, это Земля мастурбирует,
С маковых бошек спуская своё молоко.

Хоть убей, но, не вспомню в каком году это происходило?! Конец 90-ых – 2000-х? В райотделе тогда арестованных по закону больше 3 дней держать нельзя было. Мрачные стены с незабываемой «шубой». Узкие лавки вдоль стен, вместо нар. Импровизированный туалет из пластиковых бутылок, в таких же баклажках хранилась питьевая вода.

В вышеупомянутых апартаментах я уже «загорал» третью неделю. Санкцию на арест для меня выбил инспектор по надзору. Не знаю, как появилось в деле три нарушения и неоплаченный штраф, но, реальные «ПОЛГОДА», я знал, что получу. ИВС и СИЗО принимать меня не торопились. Кроме открытого свища на правом лёгком, имелись порезы на запястьях, а это как минимум ВКК (врачебно консультативная комиссия) с обязательным присутствием психиатра, практикующего на соответствующей кафедре. В общем, все три смены дежурных изрекали в адрес инспектора нецензурную ругань и прямые угрозы, если он сам не найдёт выход из этой ситуации. Скажу откровенно, этому аресту я был рад, как никогда. Та «жопа», в которой я прибывал больше полугода грозила не только предполагаемой смертью от обострившегося цирроза. В других райотделах на мне висели пару краж по второй части, и ещё «плавала» 229 со значком 6. В совокупности весь этот «ливер» тянул на добрую трёшечку или четвёрочку, по сравнению с 6-тью месяцами лишения свободы за нарушение надзора – я счастлив был. Проснулся и разомлел от мысли, что не нужно никуда бежать, что-то «нарывать», потом откидывать за гроши, и так целые дни напролёт. Долги не отданы по причине от меня не зависящей, а кумар он и в Африке КУМАР! Будем бороться всеми возможными подручными средствами, хотя и о «невозможных» и «не подручных» тоже забывать нельзя.

ПОЕЗД

Мой поезд дополнительный
Бежал, стонали шпалы.
В простое был недлительно,
И всюду его ждали.

Ни перхоть подколёсная,
Ни сорванный «стоп-кран»,
Не в силах паровозу
Мешать тянуть состав.

Вокзалы. Люди. Станции…
Дурной свободы КРИК!
…Менялись декорации,
Но впереди – ТУПИК!

На двадцатый день пребывания в «телевизоре», «кумар» поднял белый флаг. И наконец, сообщил об общей к а п и т у л я ц и и (распространяющийся практически на все органы, психическое и физическое состояние). И вот в одно из таких («НОВЫХ» пробуждений) имел честь лицезреть о-о-оочень давнего приятеля. Звали его Сержем, а Хатой величали потому, что он хоть и не брезговал кражами, попадаю-

щими под 2-ю часть статьи 140-ой, но частенько менял профиль на часть 3-ю, не боясь преписочки-«проникновение», а «старт» у неё был сразу с 5-ти лет, кажется. Надеюсь, что полнейший «бардак» в моём сарае не коснулся памяти? С того момента кодекс менялся уйму раз, и я буду апеллировать формулировкой тех давних времён, чтоб самому не ошибиться и уважаемого читателя (который, уже проникся ко мне симпатией, коль не бросил читать эту увертюру), не вводить в заблуждение...

- Хата, а, ты каким ветром сюда занесён? – Поинтересовался я, обнимая нового сокамерника.

- Да вот, опять моё увлечение музыкой не довело до добра. Имеется три доказанные «балалайки» (авто магнитолы) по району, а они предлагают взять пару «третьих частей»… Хрен его знает? – продолжал рассуждать новоявленный меломан. – Те три доказанных эпизода точно мои. Там и «заявы» присутствуют… Но, с пяток эпизодов, – не унимался Серж, подогревая свою «словоохотливую риторику «трамадолом» в коктейле с «транками».

- Мне показалось, что самые страшные дни ты уже пережил, а Колян? Сон глубокий, депрессняка не наблюдаю, хотя, это не надёжные симптомы выздоровления. Но, думаю, что по пяток «красно – белых» найдётся на ближайшие три дня. Что скажешь на это, Колян?

- Не удивляйся, Серж, но у меня тут скоро будет маленький юбилей, благодаря кое-каким сменам. Они и кайфа мне с собой дадут, и пару баллонов в стекле загонят, лишь бы я уговорил смену ИВС принять меня до ближайшего этапа на тюрьму. Так, что «Ближе к ТЕЛУ» как изрекал Мопассан! Мой «трэм» съеден пару дней назад. Я хотел заехать на тюряжку, имея рецепт и назначение с резолюцией главврача областного МСЭКа, но увы. Я повесил голову и слушал приключения Хаты, рассказчик-то он был хороший, но памятью не блистал, поэтому некоторые истории приходилось слушать по нескольку раз.

- Серж, ты спишь? Нет, втыкаю и соображаю, как быть с чужими эпизодами? А, ты чего в потолок уставился? – Поддержал беседу Хата, ворочаясь на неудобной лавке, где спать получается, когда тело изобразит букву «С». Слава Богу, что не нужно извиваться в виде

английской «S». Если вдруг надумаешь вены раскоцать, то и меня буди. Будем пробивать «маргарин» на лбу оперов из ОБНОНа любыми способами. Эта была последняя фраза Хаты, которую я слышал перед провалом в грезы сна.

Утро началось с бодрого и громкого голоса Хаты.

- Слышь, Колян, а ты действительно за нарушение административного надзора сюда попал? – Услышав из моих уст историю, с которой наш любезный читатель уже знаком, Хата залился таким гомерическим смехом, что я засомневался в его психической полноценности.

- Ты, Коля, мне случай один напомнил, хотя это «не случай», а больше похоже на «патологию». Тем сроком честь имел сиживать с типом, у которого было ровно 10 судимостей и все, как одна за надзор. Пробовали посчитать, и вышло без малого 15 лет!!! Слава Богу, что сейчас за надзор могут посадить только один раз и не больше, чем на полгода.

На третьи сутки Хате стало совсем нехорошо, мой кумар по сравнению с его бедой насморком показался. «Трамадол» он глотал жменями, но прибывший врач выписал только 3 пачки, и то в камеру их не пропустили, и каждая смена выдавала на сутки по 5 штук.

На пятый день на нас вроде как собрали все нужные документы. И поехали мы «закоцанные» в наручники на ИВС. Для Хаты это была первая поездочка, а я с дюжину раз точно уже ездил. Хата слёзно уговаривал конвой ИВС принять его без необходимой справки от психиатра. Коль имеются порезы на запястьях, то будь любезен предоставить бумагу, что можешь содержаться в камерной системе. Мне было понятно желание Сержа скорее добраться до тюрьмы – там люди сидят годами и с появлением мобильной связи «открылись просторы доселе невиданные». А как порой мало нам нужно для счастья?

Сдав три человека в спецприёмник, конвой шутил, советуя Хате настраиваться, как минимум, на трёхнедельное пребывание в райотделовском «телевизоре». Два конвойных и водитель решили заехать по какому-то «срочному делу». Выходили они по очереди и возвращались с улыбкой на лице и перегаром. Нам ослабили наручники, но мы так замёрзли и хотели в туалет, что отказались от предложенных 50 г разбавленного спирта.

- Гони быстрее, – то и дело каждые пять минут ворчал Серж, угрожая справить малую нужду прямо в машине.

- Помощник! Бегом сюда, ИВС снова двоих не приняло. Своди их в туалет сразу, чтоб потом мозги не компостировали.

Хату отстегнули от меня, и он поскакал в туалет. А я присел на лавку в «родной» камере и попросил не закрывать, чтоб хоть немного проветрилась от специфического шнэка, который если унюхал, то уже никогда не забудешь.

Хата вполне быстро появился из туалета, и мне показалось, что его распирает от чего-то такого… В общем я уже забыл, как сильно хотел в туалет, «проколотил понты» и всё думаю, от чего у Сержа на лице застыла неописуемая гамма переживаний?

По прибытию из туалета Хата сам убедился, что мы заперты и за нами никто не смотрит через решетку.

- Колян, смотри! От увиденного я потерял дар речи: ПИСТОЛЕТ МАКАР, С ПОЛНОЙ ОБОЙМОЙ ПАТРОНОВ!

Как выяснилось позже, этот нерадивый помощник дежурного решил сходить по большой нужде. И чтоб тяжелая кобура с пистолетом не притягивала брюки к грязному полу, просто снял её и положил на трубу умывальника. Дежурный крикнул, чтоб тот людей бежал принимать. Вот он и пошёл и сам отвёл в туалет к своему табельному оружию. Хата хоть и «на кумаре», но в той ситуации упускать такой шанс было нельзя.

Кроме оп....го лица помощника дежурного всё шло своим чередом. Ствол нам давал ряд преимуществ. И вот мы два торчка (точнее сказать один, у меня на днях должны были начаться «ложные кумары», но до них нужно ещё дожить). Не буду описывать все строимые нами планы, но там был и захват заложников (опера в то время всегда носили кобуру и запасную обойму при себе), и поездка в Чечню на Икарусе,

стоящем прямо возле центрального входа райотдела. Конечно же, я предложил прострелить себе бедренные кости, а с таким увечьем, скорее всего, актируют по состоянию здоровья.

Добрых три часа мы ломали головы. Уже в Дежурной части начался, какой-то нездоровый ажиотаж… И мы с Хатой подумали, что вызванный на нас СПЕЦНАЗ – это не самое страшное. У меня статья до полгода, у Хаты – с двух лет. Разве это повод усугублять своё ещё не совсем хорошее состояние.

Я остался очень рад, когда начальник ОБНОНа чуть не упал в обморок при аудиенции с глазу на глаз. Они и не думали торговаться, перевели в соседнюю камеру. А там нас ждали полнющие пятикубовые шприцы. Мне моих 5 кубов хватило на два дня. Хата вполне успешно вытягивал из оперов то, что у них всегда имелось якобы для ОПЕРАТИВНОЙ РАБОТЫ СО СПЕЦ КОНТЕНГЕНТОМ.

Как ни странно с Хатой с Токмачки мы освободились в один день. Ему порезали срок в связи с амнистией, а мои полгода пролетели быстро. Об одном сожалею– зачем я снова укололся, когда был уже практически здоров? Снова пришлось проходить муки ада. Но уже в СИЗО, в более комфортных условиях и с медикаментозной поддержкой психиатра Григорича. Мы называли его Карлсоном по внешним сходствам, с которым он был как близнец.

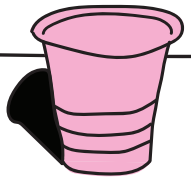
КАРЛСОН

Чернобровый, в меру плотный,
Вроде как, «в расцвете сил».
По тюрьме, паря свободно,
С нами доктор говорил.

Что сегодня беспокоит?
Сон плохой, опять невроз?
Всем ли делают уколы?
У кого какой вопрос?

Спасибо, неизвестный читатель, что дочитал до конца моё правдивое повествование. Это всего лишь одна глава из «ЗАПИСОК ПРОНИЗЛИВОГО КОЛИ ТУПОНИЗОВА».

Какое-то время я размышляла, о чём же мне написать?



НАТАЛЬЯ КАРГАШОВА

Я не пациент ЗПТ, а пластиковый стаканчик до недавнего времени ассоциировался у меня с любителями спиртосодержащих жидкостей. И я решила, что напишу о трансформации своего отношения к метадоновой программе...

Так сложилось, что я человек зависимый. Моя наркотическая зависимость была длительной (23 года) и тяжёлой. Для всех. Особенно, для меня. Именно поэтому, когда мне повезло обрести свободу, я была категорична! И считала ЗПТ такой же вредной и опасной зависимостью, как и зависимость от уличных наркотиков. Что я, пожалуй, признавала, что исключается риск инфицирования ВИЧ и разными другими «прелестями», сохраняются вены и уходит игломания, что совсем не обязательно. Всё остальное я отвергала напрочь. Начальству на работе объявила, что

ни при каких условиях я не буду ориентировать потребителей в программы ЗПТ. Спасибо начальству, оно отнеслось к моему решению с пониманием и ни на чём не настаивало.

Помню, как мне было трудно давать консультации на тему ЗПТ. И всё моё отношение к этой программе было яркими красками написано на моём лице. И вот, в один прекрасный день, мой путь на аутрич проходил мимо будки, в которой буйно торговали «семечкой». Моё внимание привлёк высокий, худощавый парень, который размахивал двухлитровой, пластиковой бутылкой «отработки» (растворитель, который был использован для приготовления «ширки») и угрожал продавцу семечек расправой через сожжение. Каково же было моё удивление, когда в этом стрёмном персонаже я узнала своего знакомого, перспективного спортсмена, умного парня, хорошего человека, любящего мужа, жена которого тоже была в зависимости, и трепетного отца малолетнего ребёнка по совместительству… И тогда я впервые подумала: «Вот он край… Вот это случай, когда программа ЗПТ, возможно, лучшее решение, которое в настоящий момент поможет стабилизировать жизнь семейной паре». И мы начали работать… Начали с мотивационного консультирования, где я красочно рассказывала о возможностях, которые откроются перед людьми, стань они пациентами программы ЗПТ. Каково же было моё удивление, когда я видела расширяющийся спектр плюсов, которые несёт в себе заместительная терапия.

Ребята очень скоро согласились, что ЗПТ для них – хорошая возможность. Мы двинулись дальше. Было трудно! Впрочем, как всегда в Харькове. Пришлось объединять усилия, знания и ресурсы людей, работающих в данном направлении. Продавили! В итоге, семейная пара на ЗПТ, стабильна, ведёт активную социальную жизнь и строит планы на будущее.

Вторым оказался мой близкий друг… Назовём его Федей. Нас связывали длительные дружеские отношения, общее криминальное прошлое и, само собой разумеется, инфицирование ВИЧ. В своё время мы вместе проходили реабилитацию, однако Федя недолго оставался в ремиссии и через год оказался в совершенно плачевном состоянии.

Однажды, благо, мы живём в соседних домах, я обратила внимание на то, как Федя резко и сильно похудел. Я отреагировала мгновенно и устроила ему допрос с пристрастием, понимая, что причиной является что-то серьёзное и крайне опасное. Друг оказался не промах и скрыл появление уплотнения с голубиное яйцо в подмышечной впадине. О нём мне рассказала его мама, которую я случайно встретила на улице на следующий день. Я забила тревогу. Началась работа... Фтизиатр ≥ хирург ≥ онкодиспансер ≥ снова хирург (вскрытие уплотнения, подозревали нагноение лимфоузла) ≥ фтизиатр (слава Г-споду, фтизиатр у нас лучший! Она сразу отправила Федю в ПТД сдать соскоб из свежевскрытого уплотнения) ≥ ЖДЁМ…

Получаем неутешительный диагноз – ТБ. Казалось бы… Всё! Диагноз поставлен. Дальнейшая госпитализация и немедленное лечение. Однако, не всё так просто у нас в Харькове! И того, что из соскоба вырос лес палок Коха, совсем недостаточно для госпитализации и немедленного назначения лечения. Нужна какая-то комиссия начмеда для утверждения этого самого диагноза! Сейчас мне очень жаль, что в Майкрософт Вордс нет стикеров или, на худой конец, смайлов, которые облегчают выражение эмоций на бумаге! Раздражённо-топчущийся, с приподнимающейся

вырывающимися струйками пара крышкой, мозг сейчас был бы кстати. Окей, мы ждёмс, пока уважаемый медицинский совет во главе с начмедом соберутся и утвердят установленный лабораторным исследованием диагноз. А собираются они, в зависимости не знаю от чего, раз в две недели, а то и в месяц.

Где-то в это же время звонит мне Федина девушка и рассказывает о странном поведении оного. Друг галлюцинирует, заговаривается и явно бредит. Учитывая, что всё это на фоне температуры 40, я начинаю паниковать. А когда я паникую, я умею поставить на уши буквально всех. Так случилось и в этот раз. Зато на следующий день наш парень лежал в отделении ПТД.

Однако это был не конец. Нужно было решить проблему с синдромом отмены. Без её решения, друг-товарищ Федя каждый день выбирался из ПТД с температурой 40 в мороз -20, ехал на добычу лекарства. В этот самый момент я опять остро осознала, что сейчас наркотик это именно лекарство для него, позволяющее находиться в лечебном учреждении и принимать противотуберкулёзную терапию, а не болтаться по морозному городу в поисках «счастья». Снова помогла программа ЗПТ, сайт которой был при данном ПТД.

Снова началась работа! Инструктаж клиента. Телефонная перепалка с доктором-наркологом при ПТД, который обвинял нас в том, что мы сориентировали клиента на метадон, поддержка доктора-фтизиатра из ОЦПБС… И ура! Задача решена! Убито одновременно несколько жирных зайцев!..

Федю хорошо пролечили, он посвежел, набрал вес, анализы нормализовались.

К огромному сожалению, этот рассказ без хеппи-энда, но это уже другая история… Примерно в это же время в Харькове начинаются массовые смерти от «отруєння невідомою речовиною» (цитата из заключения медэкспертов)… А те, кому не повезло умереть сразу, какое-то время ходят, покрытые выпуклыми, багровыми пятнами, потом паралич и смерть… Смерть за смертью…

От смерти невозможно абстрагироваться. Я думаю, что те, кому это удалось, просто убили в себе что-то. Или кого-то…

И вот, на каком-то этапе, я, на грани нервного срыва, беру на аутрич пачку заявлений на ЗПТ и начинаю агитацию. Когда я делаю то, во что верю, этому начинают верить все. Я возвращалась в кабинет с пачками написанных клиентами заявлений. Клиенты были подробно проинформированы о каждом шаге, который приблизит их к ЗПТ, а значит даст им шанс на продление жизни и сохранение здоровья. Но Харьков же… (в советское время в Харькове родилась гениальная группа «Чиж & Ко», которая посвятила нашему городу песню под названием «В старинном городе Обломове»…).

Иногда мне кажется, что мало что изменилось с того времени… Заявления так и лежали, растущими пачками… Очередь в программу ЗПТ росла с каждым днём, миновать её можно было имея личные отношения с одним из докторов-наркологов либо заплатив 300 долларов через посредника….И ещё одним вариантом стать участником программы ЗПТ была смерть уже действующего пациента. Так и остаётся по настоящий день…

Осложнилась ситуация для людей, живущих с ВИЧ и ВГС. По понятным только работникам СПИД-центра причинам, расширения на сайте при ОЦПБС не только не предвидится, но всё руководство центра активно сопротивляется любому упоминанию о расширении программы.

В листе ожидания на данный момент 15 человек, практически все они с третьей-четвёртой клинической стадией ВИЧ-инфекции, осложнённой различными заболеваниями. Остальным желающим стать участником программы ЗПТ сразу говорят: «Нет возможности, даже не начинайте!»

Причина понятна! Нет запроса – нет необходимости расширения! А ведь все мы помним время, когда наши пациенты все получали адекватные дозы и у них не было необходимости доедать различную аптечную дрянь, которая вызывает глубокую и необратимую энцефалопатию, особенно у пациентов с ВИЧ-инфекцией, или докалываться ещё большей дрянью из уличных закладок…

Лично мне странно наблюдать такую недальновидность со стороны медиков. И я не хочу раздумывать над причиной их поведения.

Я думаю, что если у вас есть личные противопоказания к работе, за которую вы получаете зарплату, то у вас всегда есть вариант найти работу без противопоказаний. Однако доктора ОЦПБС в Харькове пытаются переделать «снижение вреда» под свои стандарты…

А сейчас я хочу вспомнить тех, кто так и не дождался своей очереди на ЗПТ…

Юра… Светлый, добрый, весёлый человечек… Передозировка и смерть…

Саша… Искренние, глубокие, голубые глаза… Трофические язвы соединились в кольцо на обеих ногах и кожа, чуть ниже колена, отгнила и опала к щиколоткам гармошкой… Несколько недель мучений, которые невозможно представить, и смерть…

Игорь… Необыкновенно острый, живой ум. Масса разнообразных талантов. Тромбофлебит, трофические язвы, сепсис, смерть…

Рома… Красивый, высокий, дерзкий и избалованный ребёнок. Передозировка и смерть…

Миша… Всегда улыбающийся добряк… Инфекционный эндокардит. Операция на сердце прошла успешно. На реабилитации в кардиоцентре не смогли стабилизировать кровяное давление, кровоизлияние и смерть…

Саша… Любящий отец троих детей… При нашем знакомстве плакал, просил помочь лечь на реабилитацию. После реабилитации практически сразу же вернулся в употребление. Осложнение диабета, кровоизлияние, смерть…

Оксана… Необыкновенной красоты женщина! Ей бы на обложки журналов! Любящая, заботливая мать красивущей девчушки… Передозировка коктейлем опия с солью… Частичный паралич, затем полный, через несколько дней смерть…

Виталик… Интеллектуал… Не смог смириться со смертью любимой женщины. Тромбофлебит, септическое состояние, ампутация ноги, смерть от болевого синдрома сразу же после выхода из наркоза…

Андрей… Внимательный, очень спокойный и уравновешенный парень, отличный водитель, любящий сын… Сепсис, вызванный золотистым стафилококком, множественные поражения лёгких, осложнённый плеврит, смерть…

Рома… Парень из соседнего дома… Красивый, добрый, очень заботливый… Всегда поднесёт тяжёлую сумку до дома и постоит с ребёнком три часа в очереди за акционными пакетами «лайф»… Тромбофлебит, септическое состояние, смерть… Его лайф не выиграл в акции…

И всё это менее, чем за год… Больно и горько… Все эти смерти, которые я, так или иначе переживала, пытаясь договориться сама с собой, послужили толчком к размышлениям. Лучше всего я умею понять и принять ситуацию, когда я примеряю её на себя... Я начала примерку и моё богатое воображение сразу предложило мне несколько возможных вариантов дальнейшего развития моей жизни... Некоторые из них откровенно напугали меня. Когда я задумалась о том, что буду делать, то вдруг поняла, что в случае острой необходимости, я прибегну к помощи наркотиков. Именно помощи! Думаю, вряд ли кто-то поспорит с тем, что в обезболивании им нет равных. И тогда меня вдруг озарило, что будь в моё время программа ЗПТ, моя жизнь могла бы сложиться совершенно иначе. Без ВИЧ и ВГС... Без острого сепсиса, который я чудом пережила. Я не жалею ни о чём. Я люблю свою жизнь. Именно она сделала меня такой, какая я есть. Именно ВИЧ-статус стал толчком к развороту на 180 градусов.

Однако насколько комфортнее было бы моим родным и близким, будь я на ЗПТ, вместо уличных наркотиков. Насколько спокойнее и увереннее была бы моя дочь, которая очень пострадала от моей зависимости. А главное, насколько бы раньше пришло осознание, что я – хороший человек, что есть счастье и радость и, что есть перспектива, смени я в своё время шприц на пластиковый стаканчик. И есть снижение вреда, а именно ЗПТ, которое является палочкой-выручалочкой для людей, которые не хотят или не готовы бросать наркотики в настоящий момент.

Есть проблемы и трудности, предстоит масса тяжёлой, кропотливой работы по изменению сознания людей, принимающих решения, и общества в целом. И «Пластиковый стаканчик» можно считать символическим флагом большой кампании под названием «Снижение вреда», одним из основных и успешных инструментов, которой является программа ЗПТ.

И есть я. Человек, осознавший всю нужность и важность программ ЗПТ. А значит, готовый гордо поднять наше прозрачное знамя!

шанс

ДЕНИС ШЕПЕЛЬКОВ

Я снова вижу! Я вижу не чёрно-белые тона и размытые безликие фигуры, а вижу солнечный свет, вижу неподдельную радость на лицах детей, вижу Божественную красоту наших девушек; я снова вижу всю палитру красок нормальной человеческой жизни.

Я снова слышу! Я слышу не раздражающий белый шум, плач матери, или "голоса демонов", а слышу детский смех, живой и звонкий, как весенний ручей. Я слышу шелест листьев и пение птиц. Я слышу радость и воодушевление в голосе людей, которым я не безразличен. Я слышу течение нормальной человеческой жизни. Я снова чувствую! Я не чувствую больше разъедающее душу чувство вины, за то, что подвел не только себя, но и тех, кому я по-настоящему дорог, и кем всегда буду любим, больше не чувствую пустоту внутри и ощущение вечной жажды и голода,

которые не преодолеть. А чувствую, что я ещё не прошёл точку невозврата в искусстве саморазрушения, и Судьба протянула мне руку помощи. Я буквально кожей чувствую, что обрёл второй, и, возможно, последний шанс. Я вновь чувствую своё сердце, которое долго было замуровано, которое вырвалось на волю и вновь хочет любить, обжигаться, прощать и биться-биться-биться. Я чувствую, что снова живу нормальной человеческой жизнью.

У каждого своя история падения. И вот вам моя…

Первые шаги, как и у всех, начались с травки, затем коллективное поедание «Трамадола» с приятелями, и хоть по своей вине, хоть по дьявольскому замыслу эта дорога привела меня к героину. Но не всё так плохо, ибо от первого укола до кумаров в моём случае прошла вечность, т.к. мне повезло познакомиться с девушкой в Москве, благодаря которой я несколько лет и не помышлял о замутах. Просто эта девушка была офицером ФСКН по Москве, и мои к ней чувства не позволяли её обманывать в этом. Лишь после того как всё рассыпалось, демон по имени Героин напомнил о себе, и как всегда АБСОЛЮТНО случайно оказался передо мной в самый трудный период и очень-очень быстро наверстал упущенное за эти несколько лет. Зато, благодаря нашему роману, в Москве родилась и живёт девочка Маша, и только ради этого я без колебаний повторил бы всё заново, даже зная финал. Затем началась нескончаемая чехарда спрыгиваний с хмурого (героина) на мёд (уличный метадон в камнях) и наоборот… В конечном итоге я был должен деньги девятерым из десяти коллег. С каждым днём на работе меня видели всё реже и реже, отношения с девушками практически были сведены к нулю, и картина мира становилась всё мутнее и мутнее… Но однажды, очнувшись в районе Выхино, в тёмном сыром подъезде, через шесть часов после укола я увидел толпу людей, врачей, полицейских, при этом не увидел у себя ни цепочки, ни денег, ни телефона, ни часов, ни остатков мёда...

И только врождённое актёрское мастерство помогло мне убедить копов в том, что я жертва клафелинщиков, и не уехать на Бутырку. Через две недели я тарахтел в поезде…

Долго-ли, коротко-ли, но вернувшись в родной шахтёрский городок на востоке Украины, я приступил к методичному самоуничтожению и оказался не просто на дне, а в такой глубокой клоаке, что само дно было где-то высоко надо мной!!! И понимание того, что я в полной заднице, пришло ко мне тогда, когда я на винтовых отходняках обнаружил себя в собственной 3-х комнатной квартире, которая без преувеличений превратилась в хаотическую свалку, и что у меня в 21-м веке нет ни одной грёбанной вещи, которую можно воткнуть в розетку!!! А ведь я не самый плохой человек, не сказать, что дурак, но одинокий, жалкий, грязный, голодный. Тогда я понял, что пришло время выбирать... Выбор очень прост: жизнь или ... то, что жизнью назвать трудно.

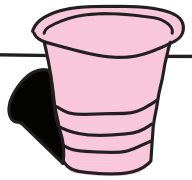
Я выбрал жизнь и решил стать на программу в своём городе. Мой товарищ тогда уже несколько лет был пациентом ЗТ и просто не мог смотреть как мои, точнее наши, с позволения сказать "друзья" каждый день помогали мне разрушаться. Зная, что я по сути добрый и безотказный человек, просто рвали из меня те средства, которые мне высылала мама на продукты, одежду и тому подобное, а потом шли к себе домой, раскумаренные, с чувством выполненного долга, где их ждали семьи,

горячая еда и прочие элементарные вещи, которых я был лишен. А по пути домой не гнушались обсудить моё жалкое существование и "искренне недоумевали", как же так можно вляпаться. Он практически силком отвел меня к врачу и, сдав анализы, я стал в очередь на ЗТ, ибо ни ВИЧ, ни ТБ у меня не было тогда и нет сейчас, что я воспринимаю не иначе как чудо. Но в своём городе мне не довелось стать на ЗТ, так как началось гибридное вторжение прокремлевских вооруженных группировок в восточные районы Украины. Мой город имел для них стратегическое значение, и поэтому был захвачен одним из первых. То, что началось после оккупации, трудно было представить в самом бредовом кошмаре!!! Наркозависимых людей, тем более ВИЧ-положительных, могли убить без проблем, и только благодаря врачам с ЗТ эти уроды разрешили довыдавать пациентам тот «Метадон», который был в наличии и всё!!! Больше никаких поставок, никаких программ, ибо ишь ты, что удумали, бесплатно наркоту в больнице получать. Все случаи произвола, а порой, звериного беспредела, даже не стану описывать, потому что по сей день пытаюсь понять, откуда в людях столько зла и ненависти. По городу ходили казачьи патрули в сопровождении местных ренегатов, которые всю жизнь прокололись и без малейшего зазрения совести укажут на тебя пальцем в толпе! Многих моих знакомых избивали до полусмерти лишь за то, что у них были мутные глаза или проколы на руках. Короче полнейшая жесть, и я реально боялся выйти из дома.

Но мой приятель, который уже стоял на программе, на протяжении более чем 2-х месяцев, рискуя здоровьем и жизнью, каждый день умудрялся оставить и принести мне половину своей дозировки. Он просто спас меня. Иных мнений быть не может. И вот осенью 14-го после Минского договора о мире, по программе Альянса о помощи потребителям из Крыма и ОРДЛО, мой товарищ решил ехать в Днепр. Я поехал с ним... Благодаря сотруднику Днепровского подразделения Альянса Дмитрия Ч., я максимально быстро лёг в ДОНД на подбор дозировки. Та помощь, которую нам оказывали по приезду, трудно переоценить, и благодаря Небесному проведению и помощи людей, я и такие как я, получили шанс жить.

Лично я вновь обрёл себя, собрал воедино сотни осколков, и просто знаю, что всё это обязывает меня дышать полной грудью, прожить долгую счастливую жизнь и больше не возвращаться в свой личный ад. Я даже сигареты курить бросил. И точно знаю, что теперь у меня всё будет хорошо!!! И переходя непосредственно к ЗТ могу сказать, что этот «маленький стаканчик» символизирует собой ШАНС!!! Шанс не сдохнуть от передоза в каком-нибудь занюханном подъезде! Шанс избавиться от постоянной тревоги о завтрашнем дне! Шанс не совершить глупую, а, порой, и роковую ошибку, и оказаться там, куда не совсем охота попасть любому адекватному человеку! Шанс исправить уже допущенные ошибки, для кого-то вернуть работу, для кого-то вернуть любимого человека, да и просто не тратить всё своё время, силы и средства на поиск того, что является причиной твоих бед! И, наконец, это шанс осуществить мечту! Хотя-бы одну! Я не знаю, что ещё можно добавить, кроме того, что хочу пожелать всем, чтобы рядом был хотя-бы один, но настоящий друг! Чтобы понятие "настоящая любовь" для всех и каждого было не каким-то абстрактным понятием, а объективной реальностью! Чтобы наши родители оставались живы и здоровы! И чтобы у каждого было то, ради чего ему стоит жить, и посылать старуху с косой куда подальше, потому что есть дела поважнее! Желаю каждому максимально использовать свой ШАНС.

НЕБО ЗАТЯНУЛО ТУЧАМИ ...



ТАТЬЯНА РУБАН

Небо затянуло тучами. Моросил противный дождь. От сырости в бараке дышать было невыносимо, казалось, что воздух материализовался. Все женщины пребывали в состоянии повышенной нервозности. Ждали «большие звезды».

- Ленуся, может чайку подварим? – безжизненным голосом пролепетала Маринка, поднявшись со стула и поддерживая себя за поясницу.

- У меня уже сил нет никаких. Я так долго любимого из армии не ждала, как эту комиссию, – она хотела продолжить свою шутку, но тут дверь распахнулась, и в секцию влетела завхоз с перепуганными глазами:

- Внимание, идут, – рявкнула она и стала возле двери, как часовой на вахте.

Все, кто находились в жилой секции, повскакивали и замерли. Казалось, они даже дышать перестали.

- Да что же вы встали как вкопанные, не надо делать вид, что мы ждем кого–то, – прошипела завхоз, даже не обратив внимания, что сама стоит по стойке «смирно», и продолжила, – Кто сказал, что мы ждем кого-то? Разве это не наша повседневная жизнь?

Женщины захихикали, но тут же, умолкли, так как послышались шаги по коридору.

- Рота в ружье, – попыталась пошутить Марина, но тут же осеклась, наткнувшись на испепеляющий взгляд завхоза.

Было слышно, как несколько человек прошли мимо жилой секции и зашли в кабинет начальника отряда.

Через пару минут они вышли из кабинета в сопровождении начотряда, что-то рассказывающей взволнованным голосом скучающей комиссии. Про бытовые условия, в которых находятся женщины, отбывающие срок наказания, то есть зэчки.

Начотряда, располневшая женщина средних лет, раскрасневшаяся от нервного напряжения, казалось, прилагала все усилия, красочно описывая какие в колонии отменные бытовые условия, что быт в лагере чуть ли не на высшем уровне. И с этой красивой сказкой уводила непрошенных гостей подальше от ужаса реальности.

Трое мужчин в штатском в сопровождении начальника колонии и красноречивой отрядной покинули барак.

- Все девочки, можно расслабиться, – заулыбалась Марина.

- Теперь можно и чайку попить, не оглядываясь, – одарив очаровательной улыбкой завхоза, стоявшую возле двери, после проскользнула мимо и упорхнула в конец коридора, где располагалась «кухня». Под этим словом подразумевался небольшой стол возле туалета и две розетки.

Барак начинал оживать, напряжение в котором находились женщины, в течение дня проходило, лагерная жизнь входила в свое русло. Целый день, проведенный в ожидании «гостей», приостановил повседневную жизнь обитателей колонии. И каждая из женщин старалась наверстать упущенное. Благо, основная масса осужденных еще находилась в рабочей зоне на производстве. В жилых бараках было мало людей. В основном те, которые освобождены от работы по состоянию здоровья, завхозы (осужденные, которые следили за сансостоянием жилого помещения), их шныри и по несколько человек не работающих.

В бараке находилось пять отрядов, в каждом из них в среднем 100 человек. На такое количество женщин существовал «умывальник», небольшая комнатка с пятью рабочими кранами с холодной водой, туалет с тремя рабочими унитазами и «кухня», она уже была описана. Поэтому каждая из женщин, находившаяся в бараке, старалась воспользоваться бытовыми условиями до прихода основной массы осужденных с рабочей зоны.

До конца рабочей смены оставалось чуть больше часа, надо торопиться, чтобы не

выстаивать, толкаясь в очереди к заветным розеткам, умывальникам. Сходить в туалет без сопровождения толпы, которая стоит возле тебя, танцуя, когда ты сидишь на унитазе, выслушивая реплики по поводу долгого пребывания в отхожем месте. Все вместе взятое, вроде как и мелочь, но довольно таки возбуждающая нервную систему. И когда есть возможность избежать столпотворения, каждая из осужденных старается ею воспользоваться.

И сейчас надо было поторопиться, так как привычный ритм лагерной жизни был нарушен визитом какой-то комиссии.

Из какой области было это начальство, никто не знал. Администрация колонии старалась не посвящать осужденных, какое начальство их посещает. Это считалось лишним. Вот, к примеру, скажи этим женщинам, что в колонию прибудут люди из санэпидемстанции, обязательно найдется кто-то разговорчивый и взболтнет что-то лишнее, подскажет, куда заглянуть надо. Ведь осужденные женщины, а у женщин, как известно, язык за зубами не держится. А тем более за этими стенами, одним словом – спецконтингент. Так и норовят всунуть свой нос куда не надо. Те, что поумнее, конечно, рта не раскроют, понимают, что не стоит усложнять себе и без того не легкую жизнь за этими стенами. Жалуйся – не жалуйся, изменить ничего не удастся, лишь навлечешь на себя гнев администрации. А с администрацией лучше жить мирно. Когда по шапке не бьют, то и живется спокойней. А так как люди все разные, дураков тоже хватает, особенно в этом учреждении. Сами спокойно не живут и другим мешают. Дай им волю высказаться, так они такого наплетут, что находятся не в колонии, а в спецлагере для уничтожения людей. Что никаких условий для жизни нет, что лишили их самого элементарного. Не понимают, что высказывания эти вряд ли что изменят, выслушают и не более. И даже если обнаружат какие-то нарушения, то все это администрация объяснить сможет, а если что-то и не сможет, то сильно не пострадает. А вот за это не сильно, сильно могут пострадать сами же зэчки. Что-что, а учить, как надо жить в колонии, администрация умеет.

Сегодняшнее мероприятие с высокими чинами прошло, можно сказать, успешно. И как только «гости» скрылись за воротами КПП, все с облегчением вздохнули. Даже погода к концу дня стала налаживаться, прекратился противный моросящий дождь, небо посветлело и сквозь оставшиеся тучки стало пробиваться солнышко.

Несмотря на то, что на улице было еще сыро и прохладно, из бараков начали выходить женщины. Солнышко манило под свои лучи, и многие откликались на его зов. Локалка заполнялась людьми. Кто-то выходил покурить, кто-то попить чайку, а кто-то просто прогуляться. Оставшиеся в бараках суетились, спешили перемыться, приготовить кушать и все прочее, до прихода основной массы людей с рабочей зоны. Небольшой стол возле розеток обступили женщины, которые при помощи кипятильников жарили, варили, подогревали. К тому, что в зоне не было электроплиток, все давно привыкли и, несмотря на неустанную борьбу администрации с осужденными по поводу применения кипятильника как электроплитки, все умудрялись готовить. Женщины – народ изобретательный, и несмотря на какие-либо преграды стараются скрасить свое пребывание в лагере. Это относится, конечно, не ко всем обитателям колонии. Есть и такие, что опускают руки и медленно превращаются не понятно в кого, но об этом отдельно. Мне кажется, что я слишком часто перескакиваю от одной темы к другой и это лишь от того, что много хочется

поведать читателю. Но я исправлюсь и постараюсь быть последовательной.

Вернемся к нашим женщинам. И чтобы читателю было легче ориентироваться в моей писанине, внесу некоторые пояснения. Мне хочется, чтобы люди хоть немного имели представление, что такое женская колония. Естественно, охватить все у меня не получится. Поэтому я опишу проживание в этих местах лишь нескольких женщин, но по ним читатель сможет понять в целом специфику пребывания в колонии. Я постараюсь показать не самую привлекательную часть жизни со всех ее сторон.

Возвращаюсь к своему повествованию.

Маринка, молодая, интересная женщина 27 лет, немного скандальная, но умеющая держать себя в руках и при необходимости пойти на компромисс, хлопотала возле розетки, демонстрируя свои кулинарные способности и перекидываясь шутками с рядом стоявшими. Попить чайку с Ленусей так и не удалось, время поджимало. Очень хотелось, несмотря ни на какие высшие чины, встретить своих девочек с работы со всем готовым.

Марина хлопотала на «кухне», отправив Ленку наводить порядок в «кильдиме» (жилая площадь осужденных).

Лене шел 19 год, в колонию она прибыла недавно с «малолетки» (колония для малолетних преступников), где провела 2 года, после чего с раскруткой (добавление срока наказания за нарушение режима содержания в колонии) приехала в колонию для женщин не первой судимости. Оставалось ей пару месяцев до освобождения с малолетки, но увы, произошло «недоразумение», как она сама говорила. А это «недоразумение» заключалось в драке, с тяжкими телесными, повлекшими за собой суд, с внутризоновской раскруткой. Ленкина потерпевшая чуть было Богу душу не отдала, но к счастью выжила. Воспитатели недоумевали, как такой спокойный ребенок как Леночка, мог поднять руку, да еще как поднять? Девочка, пробыв в воспитательной колонии для малолетних, зарекомендовала себя с положительной стороны. Хорошо работала, училась, принимала участие во всех культмассовых мероприятиях и тут, такая драка. Сама Леночка на этот вопрос отвечала однозначно – сорвалась. По каким причинам был этот срыв объяснять не желала, а никто и не настаивал. Одно не понятно, как такая положительная девочка, почти до конца срока наказания находилась на малолетке и не была освобождена по УДО. Администрация не хотела расставаться с таким хорошим подростком или на то были другие причины? Как бы там не было, Ленка за драку, дополнительно получила 3 года. Она была девочка общительная и быстро влилась в коллектив. Родственники Леночку не забывали, регулярно приезжали на свидания, волновались, чтобы единственный ребенок не голодал, старались обеспечить всем необходимым. И этими стараниями пользовалась не только Леночка, но и многие другие из круга ее общения. Но это продолжалось не долго. Ленусей заинтересовалась одна женщина, которая в лагере выполняла роль сильного пола. Звали ее Сергиенко Наталья Петровна, так ее отец с матерью нарекли. Здесь же ее окрестили Сергей Петрович, для близких, Сережа, видать фамилия сыграла роль. Даже администрация обращалась к Сереже как к пареньку. Мне кажется, многие контролеры забыли настоящее имя Сереги и это потому, что трудновато было обращаться к ней как к женщине. Наташа не только потеряла свое имя, но и все женское и не только внешне, но и в душе.

Сереже было около 30 лет, половину из которых она провела в заключении. Опыта для очарования женского пола было предостаточно. Так что она без особого труда покорила юное сердечко Ленуси. Отношения между ними были настолько близкими, что со стороны они выглядели как два голубка. Леночка, несмотря на молодость, была очень внимательна к своей партнерше, исполняла каждый ее каприз и в награду за это получала страстные ночи любви.

Возможно, читателя это удивит, но это одна из реальных сторон колоний. Однополый секс процветает как в мужских лагерях, так и в женских. Природа требует свое. И многие на этот зов откликаются. Так что ничего удивительного, что молодая девушка, толком не испытав настоящих чувств, ответила на внимание Сережи. Женщина рождена быть матерью, женой, забота о своей семье – ее долг. Лишая женщину свободы, ее лишают семьи. Потребность отдавать свое внимание, побуждает ее к созданию однополой «семьи». Думаю, мои объяснения не сильно утомляют читателя. Я, конечно, понимаю, что далеко не всем интересна эта сторона нашей жизни. И если вам скучно читать мою писанину, то лучше не продолжать. Ленуся заканчивала наводить порядок, а вернее будет сказать, убирать лагерное «положено». Так как спальное место осужденной должно выглядеть так – простынь, одеяло, подушка. Еще одна простынь служит покрывалом. Белый цвет простыней создает впечатление чистоты, я так думаю. В колонийской жизни это называется «белый режим». Так как половина осужденных не имеют помощи со свободы, не имеют самого элементарного, мыла для стирки белья – это во внимание не берется. Главное создать видимость порядка. А что скрыто под белыми простынями, это никого не интересует. Правда последнее время осужденные один раз в месяц стали получать хозмыло – один кусочек на два человека, шампунь 4–5 пакетиков одноразовых на 1 человека и гигиенические прокладки, аж 6 штук на каждую женщину. Возможно, ли половиной куска мыла целый месяц мыться, стирать свои вещи и постельное белье? Мне бы это не удалось. Теперь попробуйте представить, что у некоторых скрывается под белой простыней. Может я слишком придирчива ко всему. Но никак нельзя лишая человека свободы, унижать его достоинство. А наши тюрьмы и лагеря только на этом и построены. И в процессе моего рассказа, я думаю, читатель это поймет. Леночкины хлопоты заключались в том, чтобы из своего спального места и места своей подруги сделать, насколько это возможно, уютный уголок. Кровати стояли рядом, их разделяла тумбочка, и если с одной стороны кровати и с другой стороны второй кровати повесить простыни, которые служат «белым рейдом», то получается совсем как маленькая квартирка. Таким образом, осужденные пытаются оградиться от окружающих. Простынь – это конечно не стена, но хотя бы зрительно создаешь видимость стены, а в этих условиях – это много. И хоть опять же это не положено, тем не менее, желание иметь хотя бы свой уголок, заставляет «положенное» нарушать. Так что как только осужденные приходили с рабочей зоны в жилую секцию, между кроватей опускали «стены», стараясь хоть как-то уединиться. Леночка колдовала над своим гнездышком. На тумбочке появилась цветная салфетка и любимая самошитая игрушка, небольшой мишка, предметы из неположенных. Постели были застелены пестрыми банными полотенцами, что заменяли покрывала. На пол лег кусок от старого одеяла, вместо коврика. Лена аккуратно сложила Сережины вещи, чтобы та переоделась после работы, взяла сигарету и пошла помогать Марине.

- Мариночка, тебе помочь? У меня в кильдиме уже порядок, – подойдя к столу и обращаясь к Марине, сказала Лена.

- У меня тоже уже почти все. Супчик готов, вода на чифер закипает. Забирай кастрюльку с супом, иди в кильдим и накрой одеялом, чтобы не остыл, пока чай попьем. Сейчас наши дамы придут, а у меня постели «по белому», – Марина нервничала, время поджимало, а вода закипать не торопилась.

- Давай я чай доварю, а ты иди, убирай белый режим, – предложила Лена.

- Как-нибудь сама доварю, иди лучше суп накрой, – с раздражением бросила Марина.

Спорить было бесполезно, да и желания никакого не было. Лена глянула на часы.

- Мариночка, мы все успеваем, не злись, тебе это не идет, – беря кастрюльку и уходя пропела Лена.

Марина, провожая взглядом Ленку, подумала, «подожди девочка, посмотришь, какие у тебя нервы будут, когда ты хотя бы пару лет проведешь в этих стенах». Вода в кружке закипела, Марина засыпала чай и пошла в жилую секцию. В это время прозвенел звонок в рабочей зоне, оповещая осужденных готовиться к съему с работы. Обычно, когда работы было достаточно, по звонку начинали только собираться. Убирать рабочие места, продукцию. Сегодня работы практически не было. Так, по мелочам, подошивали кое–что, и не явись в этот день комиссия, людей бы выпустили со швейки, не дожидаясь конца рабочей смены, так как делать на производстве им было нечего. А так как лагерь посетило высокое начальство, этого делать было нельзя. Все были обязаны находиться на рабочих местах и что- то делать, хотя делать было нечего. Вся готовая продукция ушла на склад еще в 12 часов дня. Тем не менее, все должны были находиться на рабочих местах и создавать видимость работы, на случай, если начальство изъявит желание заглянуть на производство. Вот и маялись женщины несколько часов, не зная, куда себя деть. Так что звонка ждали все в боевой готовности. И когда он прозвенел, все были собраны и сразу же заторопились на выход. Построение, проверка по картотеке прошли быстро. Все спешили скорее покинуть работку. Нервное напряжение хуже физического труда утомляет. А денек сегодня выдался напряженным для всех и для осужденных, и для администрации. Контролеры тоже торопились поскорее закончить все построения и пересчеты. Все нуждались в отдыхе. Ворота с рабочей зоны распахнулись, женщины по-бригадно выходили с производства и расходились по баракам. Несмотря на нарушения обычного ритма жизни, Марина и Леночка действительно все успели и ожидали своих дам на улице возле барака с кружкой горячего чифера. Сережа с Лелей зашли в локальный участок, и Ленуся с Мариной заулыбались. Все-таки приятно, когда тебя ждут. Все четверо присели на корточки и пустили кружку с чаем по кругу, при этом бурно обсуждая пройденный напряженный день. Леля была возмущена тем, что с рабочей зоны не выпускали и все томились, слоняясь без дела. Что в течение всего дня на производство поступал ложный сигнал «идут», а в конечном итоге так никто и не дошел. Поделившись друг с другом событиями дня, попив чайку под сигаретку, женщины пошли в барак. Сережа обняла Леночку за талию и повела в семейное гнездышко. Марина с Лелей последовали за ними. Идя в жилую секцию по коридору, Марина окликнула подруг.

- Молодые, после трапезы встречаемся в «кинозале» (кинозалом называлась небольшая комнатка, где стоял телевизор) – сегодня боевичек какой-то.

- Нет девочки, мне сегодня в рабочке боевичка хватило. Целый день в боевой готовности, так что на сегодня все культмассовые мероприятия отменяются. Женщины разошлись по своим кильдимам. Зайдя в свой уголок, Леля переоделась в домашний халатик, взяла полотенце, мыло и отправилась в умывальник. Марина поставила табуретку в проходе между кроватей, которая заменяла столик, и начала приготовления к ужину. Леля, выстояв очередь в умывальнике, быстро ополоснулась под холодной водой, эта процедура приятно успокаивала, несмотря на то, что за спиной стояло несколько человек, ожидавших крана. Леля старалась не обращать внимания на окружающих. Она иной раз поражала всех своим спокойствием. У многих складывалось впечатление, что нервы у Лели отсутствуют. Она почти никогда не повышала голос. Всех поражало, как две такие разные женщины как Марина и Леля уживаются вместе. На фоне Лелиного спокойствия Марина выглядела истеричкой. Тем не менее, обе женщины не только уживались, они дополняли друг друга. Даже разница в возрасте, Леле было 37 лет, не отражалась на их взаимоотношениях. У обеих были не маленькие сроки. В колонию они прибыли с небольшой разницей и сразу же как-то нашли друг друга. Вместе они были уже пятый год. За это время никто, никогда не видел и не слышал, чтобы между ними были какие-то инциденты или скандалы. Своего рода, это была идеальная пара. В колонии вообще-то такое бывает редко. Женщины сходятся не надолго. И я думаю это связано с тем, что у каждой срабатывает подсознание – все это временно, никому жизнь устраивать не надо, а необходимо как-то выжить в этих стенах. У большинства на свободе остались семьи, изоляция эта пусть даже длительная, но временная. И если даже осужденные между собой кто-то с кем-то делит кусок хлеба или даже ложится в постель, то я думаю, это происходит от желания человека не быть одному. Потребность в общении, в утолении своих физических потребностей, многих толкает обзавестись «семьей», это я еще мягко высказалась. Глядя на эти семьи, на их взаимоотношения, невольно срывается фраза, «за неимением горничной, трахают дворника». Возможно, я неправа, но лучше быть самой, чем с кем попало, но это мое мнение и я не вправе его кому-то навязывать. Читая дальше, вы сможете убедиться, что Леля с Мариной были не только редкой парой, а в своем роде даже необычной для этих стен. Помывшись, Леля вернулась в кильдим.

- Лелечка, давай кушать, а то супчик остынет, а подогреть его в ближайшем будущем возможности не предвидится, разве только через тяжкие телесные, – пошутила Марина, наливая Леле суп в небольшую мисочку.

- В столовую сегодня на ужин не идем, не хочется брать штурмом кусок хлеба. Целый день как пружина на взводе. Я Верке дала пару сигарет, она нам хлебушек со столовой заберет, так что сегодня отдыхаем. Вериными услугами пользовались не многие. За умеренную плату она могла сходить в столовую и принести хлеб, постирать по мелочам, посторожить сохнущее белье на сушилке, так как кражи с бельевых веревок в колонии процветают, одним словом, помочь по мелочам. И делала она это не всем, а только тем, кому симпатизировала. Марина с Лелей относились к любимчикам, тем более при случае они никогда не забывали угостить Верочку то сигареткой, то чайку насыпать, подкинуть что-то из продуктов, при этом «опла-

чивая» каждую услугу. Помощи со свободы у Веры не было, вот и приходилось ей зарабатывать таким образом. Но даже при сильной нужде Верочкина клиентура не пополнялась.

- Я могу делать что-то только для «своих», – поговаривала Вера. И свои это качество в ней ценили. Чтобы Вера не делала, она это делала добросовестно, что редко встретишь среди «помогающих». Пока Марина с Лелей ужинали, в Ленкиной семье назревала драма. Что послужило поводом для скандала ни Ленка, ни Сережа сами понять, скорее всего, не смогли. Соседи, которые находились за «стенкой», тоже ничего вразумительного объяснить по этому поводу не сумели. Наташа, соседка «молодых», впоследствии рассказывала Маринке, что сначала начался разговор на повышенных тонах, затем полетела посуда. Драку успели предотвратить. Шум с кильдима и летающие тарелки сразу привлекли к себе внимание окружающих. Добровольцы по тушению страстей нашлись мгновенно, нарушителей покоя быстро растянули в разные стороны, несмотря на явное их нежелание. Весь этот аттракцион занял не более пару минут. Так что, подоспевшим Леле с Мариной, предстала картина в образе залитой слезами Ленуси и раскрасневшейся от ярости Сережи.

- Что здесь происходит? – раздался голос завхоза, направляющейся в сторону Ленкиного кильдима, но Марина преградила ей путь.

- А вот и Светлана, а я уже хотела за тобой бежать. Мне тут эти наглые морды доказывают, что мужчинки, которые с хозяином ходили, были по гражданке одеты, а я говорю, что в форме они были. Ты ведь возле двери стояла, видела их? – Марина настолько правдоподобно это высказала, что у всех сложилось впечатление, что сейчас именно об этом шел разговор и не было никакого скандала.

- Нет, Мариночка, ты заблуждаешься, в форме был только хозяин, а гости наши в гражданском, – подыграла ей Леля.

- Хватит, успокойтесь, подняли такой шум из-за какой-то ерунды. Вам что, больше заняться нечем, как только глотки рвать, что аж Светка прибежала. Со стороны можно подумать, что у нас в секции убивают кого-то. Хотите подискутировать, идите на улицу, дайте людям отдохнуть.

- Расходитесь, – высказалась старшая секции.

Все выглядело настолько убедительно, что Света растерялась, она с подозрением обвела всех взглядом. Благо Сережа с Ленкой не попали в поле зрения. Вся бригада сыграла этот спектакль отлично. Зачем выносить сор из избы, поругались, помирятся, обычный семейный скандал. Так оно и получилось, девочки помирились, правда, не без участия Лели. Сразу же, как только завхоз покинула секцию, Леля подошла к Сереже.

- Идем ко мне в кильдим, поговорить надо, а ты Мариночка завари чайку, Ленку с собой возьми, – обратилась она к Марине.

- Идем вояка, – повела она Сережу в свой кильдим.

Марина, как ни в чем не бывало, взяла кипятильник, кружку: «Ленусь, бери чаек, идем заварим».

- Никуда я не пойду, – насупилась Лена.

- Ты что хочешь, чтобы я сама погибла смертью храбрых за розетку? Ну, подружка, ты даешь, не думала, что ты бросишь меня в трудную минуту.

- Не до шуток мне Марина, за что она меня так? Что я плохого сделала? Меня папа с мамой никогда не били, а она на меня руку хотела поднять, – слезы давили Ленку, но она силилась держать себя в руках, говорить старалась тихонько, чтобы окружающие меньше слышали.

Марина подошла к Ленусе, взяла ее за подбородок и посмотрев в ее полные слез глаза сказала: «Успокойся, пойдем умоешься, сварим чайку, а потом поговорим. Не надо, чтобы люди видели твои слезы, не давай им лишний раз перемалывать твои кости», – и она была права. За этими стенами все обсуждалось, переворачивалось и преподносилось в таком цвете, что порой поражаешься, на что только способны женщины. Какая у них бурная фантазия, все раскрашивается, преувеличивается насколько хватит фантазии. А у каждой она своя. Лена утерла слезы, набрала в легкие воздуха, как перед прыжком с трамплина, и уже более уверенным голосом произнесла: «И правда, чего это я? Пошли на кухню».

- Слышу голос разума, – заулыбалась Марина. Девочки вышли с кильдима. Леля с Сережей сидели на кровати и тихонько разговаривали, вернее, больше говорила Леля, а Сереже была отведена роль слушателя.

- Я не знаю и знать не хочу из-за чего произошел скандал, меня интересует, как ты могла на Ленку руку поднять? Она еще девочка совсем. Оглянись вокруг себя, сколько моральных уродов. Все человеческое в грязь превратили. Ленка, она же, как губка, все в себя впитывает. Как хорошее, так и плохое. Ей еще не один год эту школу проходить придется, так что не стоит брать на себя роль учителя в преподавании ей уроков «как стать моральным уродом». Если ты уж решила, что она будет возле тебя, то должна быть снисходительна к ней, к ее молодости. А нервишки, они у всех у нас не в порядке. Вот скажи, ты хоть раз видела, чтобы мы с Маринкой руки распускали?

- Да вы же с Мариной уже сколько лет вместе, притерлись друг к дружке. Вам даже разговаривать не надо, с полувзгляда друг друга понимаете, – заулыбалась Сережа.

- Дура ты, думай хоть, что говоришь, притерлись. Слово-то какое подобрала. Не терлись мы. Мы свои отношения как дом, по кирпичику строили. И старались, чтобы этот дом был прочным, чтобы никакие стихии не смогли его разрушить. У меня кроме Марины нет никого, я живу для нее. Такое раз в жизни бывает – Леля замолчала, взгляд устремился куда-то вдаль, она что-то вспоминала и Сережа не решалась нарушить эти воспоминания. Женщины сидели молча, на какое-то мгновение Леля ушла в свое прошлое, вспомнила, как первый раз увидела Марину. Бригада пришла с рабочей зоны, Леля зашла в свой кильдим и обнаружила, что верхняя шконка, которая была пуста, занята. На ней лежала чья-то скатка.

- Это я, – услышала Леля голос за спиной.

Она оглянулась, перед ней стояла молодая девушка и улыбалась.

- Сегодня этап распределили, меня к вам кинули. Здесь было свободно, я кинула скатку, но если что-то не так, я перелягу.

Марина взялась было за матрац, но Леля остановила ее.

- Если тебя устраивает это место, можешь ложиться, только хочу тебя предупредить, я покой люблю, желательно «гостей» сюда не водить, – Леля заулыбалась, видя, как Марина покраснела от ее слов, но быстро овладела собой и ответила, – Хорошо, договорились, все свои дела буду решать на стороне. Можно мне растелиться?

- Конечно, – Леля отошла в сторону, пропуская Марину к шконке. Ее поразило, как эта молодая женщина свободно разговаривает с ней. Было такое чувство, что они не первый раз друг друга увидели. Леля взяла сигарету и пошла на улицу, давая возможность новенькой расположиться. Тогда Леля не подозревала, что эта новенькая станет для нее самым близким человеком. Леля отогнала воспоминания и вернулась в реальность, она посмотрела на Сережу:

- Я тебе вот что скажу, если тебе Ленка не нужна, лучше оставь ее, не надо калечить ее психику, тут и так инвалидов хватает. Но я думаю, она тебе нужна, она еще не испорченная, с нее лепить можно что угодно. Вот и действуй. Чем больше хорошего ты ей дашь, тем больше получишь взамен. Идем попьем чайку, а потом разберетесь. Женщины вышли на улицу, где их уже ждали подруги. Темнело. Воздух был сырой, чувствовалось, что вот-вот начнется дождик. Марина заулыбалась, увидев Лелю не одну. «Воспитательная работа проведена»,– подумала она. – Уже чай остыл и дождь сейчас начнется, давайте пошевеливайтесь, – поторопила она подруг.

- Быстро только кошки рожают, – пошутила Сережа, – спешить надо медленно, правда Леночка? Вот я только чуть было не поспешила, – она посмотрела на Лену.

- Девочки, давайте чай пить, а то остынет совсем. За мир во всем мире, – Марина подала кружку Сереже. Та, сделав пару глотков и передавая кружку Лене сказала: «Ленусь, ты меня извини, я не хочу, чтобы мы ругались». Так за чаепитием восстановился мир. Все-таки влияние окружающих играет свою роль и не малую. Окажись сейчас рядом кто-то другой и все могло повернуться в другую сторону, а так как Марина со своей стороны провела беседу с Леной о взаимопонимании, терпении, сглаживании острых углов, а Леля со своей стороны, в семью пришел мир. Умение сглаживать конфликты дано не многим. А тем более за этим забором, где у большинства женщин нервная система не в порядке, психика нарушена, конфликтные ситуации вспыхивают очень часто. Порой, даже самые уравновешенные теряют над собой контроль, и как хорошо, когда рядом есть «громоотвод».

Женщины после «мировой» кружки чифа разошлись по своим «домам».

Оставшийся вечер прошел спокойно. Все занимались своими делами. И когда объявили «отбой», почти все находились на своих спальных местах. Наконец-то закончился беспокойный день.

Ночь убаюкивала своим спокойствием и тишиной. Правда тишина эта была относительная. Почему? Я сейчас постараюсь объяснить. Представьте себе небольшое помещение, в котором находится в среднем около 100 человек спящих. Разные возрастные категории, с разными заболеваниями. Каждая из них, где-то в полуметре находится друг от друга. И вот эта спящая масса начинает «оживать». Кто-то во сне начинает разговаривать. А кого-то могут посетить ночные кошмары, которые сопровождаются неистовыми криками. Некоторые могут поскрипеть зубами или издать трель из заднего прохода. Как вам такая музыкальная шкатулка? С таким сопровождением не каждый сможет спать богатырским сном. А если еще нервишки

подгуливают, что тогда? Но, тем не менее, каждый старается уснуть, несмотря ни на что. Хуже если человек слишком чувствительный. Но как бы там ни было, это самое спокойное время суток в колонии. Спящие находятся в своих снах, а бодрствующие – пользуются отсутствием в реальности спящих. Есть возможность спокойно написать письмо, выйдя в коридор, сидя на стульчике. Либо, лежа на шконке, помечтать или уйти в воспоминания. И естественно занятия сексом в основном предпочитают ночью. Мне всегда были интересны те люди, которые проектировали лагеря, все эти условия создали умышленно? До какого уровня надо довести человека, чтобы он осознал свое преступление, учитывая еще разновидности преступлений. Ведь условия и режим содержания у всех осужденных одинаковый, несмотря на то, как преступил закон человек. Нет, абсолютно никакой разницы между убийцей, вором, укравшим белье с веревки, наркоманом, гробившим свое здоровьем и т.д. Единственное различие – это сам срок наказания. Недаром, в воровских кругах колонию называют «академией». Действительно «высшая школа». Не случайно, большинство осужденных, пройдя ее, повышают свою квалификацию. Попав в лагерь, допустим за кражу соседской курицы, и получив, к примеру, один год, очень большие шансы подучиться у окружающих, более опытных граждан, не такому примитивному «обогащению». И в будущем сыграть по «крупнячку». Прям, сознательное выращивание преступного мира. Почему никто над этим не задумывается. И таких вопросов у меня, прошедшей эту школу, ох, как много. Только жаль, задать их не кому. Как говориться не царское это дело, в дерьме копаться. На много проще закрыть все это под семью замками, за высокими заборами и колючей проволокой. И не стоит сейчас голову забивать, какими-то зэками. И никому нет дела, что зэки эти, такие же люди, ничем не отличающиеся от остальных. Почти все мы в какой-то степени преступаем закон. Недаром есть пословица, «от тюрьмы и сумы никто не застрахован». Хотя бы поэтому стоило задуматься всем, что такое тюрьма и какие там условия жизни. Только у нас может существовать такая формулировка «временное лишение свободы на 15 лет и длительное свидание на трое суток». Вот, немного повозмущалась. И таких возмущений ох, как много накопилось за время, проведенное за теми стенами, но не все сразу.

Давайте вернемся к нашим женщинам.

Весна в этом году выдалась ранняя, но капризная. Солнце дразнило своими лучами, оно то согревало, то предательски пряталось за тучи, которые рассыпали мокрый снег с дождем вперемешку, что создавало неприятную слякоть. Если к этому добавить еще порывистый ветер, то коктейль, созданный природой, получался не из приятных. Потом вдруг появлялось солнышко, как бы извиняясь за доставленные неудобства, оно вновь радовало нас своими теплыми лучами. И так, за один день, удавалось побывать во всех временах года. Но, как бы не капризничала природа, весна чувствовалась, согревала и волновала все живое. Весной природа оживает, просыпается от долгой, зимней спячки. И, несмотря на всякие там авитаминозы, весна приносит радость. Все вокруг зарождается, обновляется, расцветает. И глядя на все это, невольно испытываешь возбуждение. Как прекрасна жизнь в своем зарождении. Серые тона сменяют яркие краски молодой листвы, первых цветов. Душа переполняется непонятным волнением. Весна – время влюбленных. Новые чувства, новые ощущения, все как будто впервые. Столько хорошего – и все это о весне. Хотя я не отношусь к поклонникам этого времени года, моя пора это осень,

но сейчас речь не обо мне. За этими стенами весна приобретает немного другой оттенок. Здесь чувства радости чуточку видоизменяются в горькую радость. Тяжеловато мириться с тем, что все прекрасно, но оно не для тебя. Все твое существо тоскует за жизнью, увы. Все хорошее, доброе, искреннее, осталось за пределами этих стен. Но что-то все-таки осталось. Пусть его немного, чуть-чуть, но оно есть. Человек – это такое существо, которое умудряется выжить в любых условиях, даже самых скверных. Так и мы женщины, стараемся не только выжить, но и жить наперекор всем и всему. Потому что мы не бездушные существа. Мы женщины.

Вот и сейчас весна нагоняет тоску, но все равно радует ее тепло, ее ароматы. Еще пару дней и наступит первый весенний праздник, день женщин.

Да… Там в другой жизни это радует. Там… нас поздравляли, дарили подарки, мы были любимыми. Здесь…нам приходится этот праздник делать самим себе.

И как бы не старались его испортить местные власти, это будет праздник, пусть не так как хотелось, но он будет. Невзирая на ежедневные, предпраздничные шмоны, при которых не обыскивается, а просто-напросто выворачивание на изнанку всего, что можно вывернуть: начиная с матрасов, тумбочек и заканчивая душой. Даже не понятно, по каким причинам это все делается. Я думаю, что ничего запретного давно в лагере нет. Что кроме пилочки для ногтей и заточенной жестяной пластинки, которая хлеб режет с трудом, ничего найти не удается. Иногда еще что-то из предметов гигиены, типа маникюрных ножничек. И это те запрещенные вещи, которые всегда были необходимы женщине. Чем страшнее мы будем выглядеть, тем страшнее нам покажутся годы, проведенные в этих стенах. Наверно так посчитали люди, которые придумали эти лагерные законы и ограничения. И женщины стараются всеми силами обходить эти законы. А тем более праздник, даже в лагере праздник. И если нет возможности, чтобы тебе его дали, надо брать самим. Вот и делают его сами себе, поздравляют друг друга, ходят друг к другу в гости. Наши девочки тоже готовились к празднику. Вечером, после трудового дня, собрались вчетвером обсудить все приготовления.

- Мариночка, а что мы будем делать – торт или пирожное? – Ленку больше всего волновал сладкий стол.

- Ребенок, успокойся, для начала давай подумаем, что мы имеем из продуктов, а потом будем решать.

Две пары начали обсуждение «праздничного стола». На это времени ушло не слишком много, так как каждая готовилась к празднику заранее и оставалось только уточнить кое-какие детали.

Глядя на это все, нельзя не восхищаться выносливости, терпению, изобретательности и жизнелюбию многих женщин. При этом они стараются скрасить то, что казалось не подлежит никаким краскам. Сколько надо мужества, чтобы не сломаться, не превратиться в бездушное существо, когда на каждом шагу сталкиваешься с вечными проблемами, лишениями, моральными стрессами и еще кучей всяких негативных явлений. И где бы человек не находился, он старается создать себе условия для жизни.

Вечная борьба. Пусть у каждого она своя, но борьба. Каждый борется за свое. Вот

и наши женщины вели борьбу со своим положением. Старались в меру своих сил скрасить свое пребывание за забором. Я уверена, что многие читатели меня не поймут, для чего я это все расписываю. Кому интересна жизнь каких-то никому не нужных женщин. Но таких женщин в нашей стране сотни тысяч, а это не мало. Все они разные, но они люди. Я не хочу сказать, что в лагере находятся безвинные жертвы. Совсем нет. Здесь не мало и таких, которых вообще надо в клетках держать. Так как преступления все разные, только почему они все одним словом называются. Нельзя все одинаковой меркой мерять, никак нельзя.

Я опять ушла от темы, давайте вернемся.

До 8 марта оставалось два дня, настроение было предпраздничное, если можно так выразиться. Радовало хотя бы то, что 8 марта день свободный от работы на производстве, а учитывая, что таких дней в колонии было очень мало, то это радовало. Дело в том, что в колонии работа была не стабильной, как и вся наша жизнь. Временами работы не было вообще, но последние месяцы, швейное производство было слишком загружено. Фабрика работала круглосуточно, и были такие моменты, когда бригады не выходили с производства по несколько суток, прерывая работу только выходом в столовую. Спасибо, что хоть кормили. Бригадиры получали срочные заказы, и всеми правдами и не правдами продукцию надо было выгнать. И выгоняли. Умудрялись часок другой вздремнуть где-нибудь в цеху и опять садились за машинку. Удивляло, откуда только брались силы все это выдержать. Гнали выпуск. Все потихоньку возмущались, но работали. Никого не интересовало, болен человек или нет, нужно было выжить. Были случаи, когда женщины падали, теряли сознание, но ничто не могло остановить требование администрации производства. Начальство напрягало бригадиров, а они в свою очередь бригады. Неподчинение могло повлечь за собой плачевные последствия. Никто не хотел нарываться на неприятности. А если и находились некоторые экземпляры, не желающие подчиняться, то если психологически воздействовать не удавалось, то практиковалось физическое «промывание мозгов». Либо бригадир, либо «помощник» бригадира вызывал для разговора куда-нибудь в укромное место и простым народным методом отбивал нежелание работать. Администрация на такие вещи закрывала глаза. На что не пойдешь ради производительности труда. Правда, последний месяц был не такой загруженный, в основном работали по восемь часов, иногда перерабатывая 4–5 часов лишних, но это полегче суточных переработок. Выходных не было очень давно, последние – на Новый год. Вот и ждали женщины 8 марта, как большой праздник, так как администрация пообещала общеколонийский выходной. И спасибо, обещание свое сдержали.

Наши героини в предпраздничные дни работали по восемь часов, поэтому в свободные от работы часы к празднику подготовились можно сказать не плохо. Все перестирали, перегладили. Произвели полную ревизию в своем скромном имуществе. Подготовили друг другу подарки. Хлопотали с праздничным столом, так что праздник встретили не плохо. День прошел действительно празднично. Попили чайку со сладостями, а самое главное, целый день отдыхали. Ходили в «кинозал», валялись в постелях. Единственное, что огорчило, так это то, что день прошел очень быстро. Опять начались трудовые будни.

Весна этого года выдалась тяжелой как для осужденных, так и для администрации.

Слишком много новшеств вводилось в режим содержания, произошли перемены в уголовном законодательстве, в процессуальном кодексе. В общем, весь лагерь находился как под электрическим током. Осужденные почему-то ждали перемен в лучшую сторону, в надежде на срезку сроков, смягчения режима, но их ожидания не оправдались. Администрация в свою очередь тоже толком ничего объяснить не могла. На все вопросы был один ответ, «нет распоряжения свыше». Единственное, что было известно, так это то, что всем вернули льготы. У людей появился шанс уйти из лагеря на колонию, поселение и условно досрочное освобождение. Но это при условии, что не будет нарушений по режиму содержания в колонии. А заработать нарушение в лагере раз плюнуть. Не так стал, не там закурил, нарушил форму одежды и еще целая куча всяких капканов. И администрация в этом преуспевала. Нет, чтобы стараться людей выпроводить из этих мест, так наоборот, стараются удержать, зачем только?

Дармовая рабочая сила? Скорее всего, что да. Где еще можно так использовать народ. На каком предприятии будут работать по три смены и получать за это копейки. А какие финансовые операции проворачиваются в лагерях. И все это безнаказанно. Я не разбираюсь в финансовых вопросах и то, слишком наглядно все выглядит с оплатой труда и пр. Даже в том, что, например, никому не оплачиваются часы работы, как это должно быть. По закону заключенные работают 8 часов, шесть дней в неделю. На каком предприятии не оплачиваются сверхурочные часы, ночные смены и рабочие выходные дни? Я думаю, ни один человек не захотел бы работать и ничего за это не получать. А здесь тебя никто не спрашивает, работа в лагере поставлена на уровне добровольно-принудительного порядка. И попробуй поинтересоваться, почему так, а не иначе. Разъяснят, конечно, и так разъяснят, что пропадет интерес вообще чем-то интересоваться. И во избежание нарваться на всякого рода неприятности вынуждены все это стойко выдерживать.

Вот еще интересная вещь, форма одежды.

Законы меняются и нам надо этих законов придерживаться. Но почему у нас власть такая не устойчивая. Меняется как погода. То разрешат, то запретят. Никак не могут определиться. Одно время осужденным разрешили кое-какие вещи вольного образца, а теперь вроде как опять запретили. И что самое интересное, когда была зима и стояли морозы, людей выгоняли на улицу для проверки количества осужденных, можно сказать полураздетыми. Так как если помощи со свободы нет, то колония теплыми вещами на всех не располагает. Телогрейки, которые положены как форма одежды, выдавались в таком виде, что глядя на них, хотелось оплакивать их бывших хозяев, которые эти телогрейки пережили. А что поделаешь, если у колонии нет средств для обеспечения осужденных. И ничего, что почти круглый год лагерь шьет телогрейки на заказы, для разных заказчиков, для себя пошить нет средств. Но это все ерунда, нам здесь на танцы не ходить, главное чтобы тепло было. Ведь одна телогрейка на голое тело не согреет, что-то надо и под нее поддеть. Спасибо разрешили свитера вольного образца, а то кроме форменного платья нельзя ничего было. Правда, если по состоянию здоровья тебе тепло надо, то администрация разрешала свитерок одевать. Для того, чтобы тебе потеплее одеться разрешили, надо хотя бы туберкулезом болеть. А пока ты здоров, это не обязательно. Но сейчас спасибо, не знаю кому, но все же решили разрешить одевать теплую

вещь, не дожидаясь туберкулеза. Правда, свитер должен быть под платьем, но хоть так. Теперь что-то опять меняется, видать кому-то из законодателей показалось слишком хорошо. Всех хотят одеть как в армии – в одну единую форму. И что самое интересное, когда солнышко пригрело и впору сбросить с себя эти лохмотья, усилено стали требовать зимнюю форму одежды. На улицу из барака выходить без телогрейки, платка и сапог строго запрещено. И ничего что жарковато. Пар костей не ломит. И попробуй выйти в тапочках на улицу при температуре +15, нарушение обеспеченно. Вот и думай, что дороже, шанс выйти раньше из этих стен или всякие такие мелкие неприятности. И таких мелочей масса. Смотришь на все и думаешь, зачем так издеваться над людьми? Разве может нормальный человек мириться со всем этим и никак на это не реагировать? А если еще нервишки подгуливают, тогда вообще караул. Вот и получается, терпишь, терпишь все эти довольно-таки неприятные моменты в жизни, а потом на какой-нибудь ерунде как сорвешься, что, когда в себя приходишь, не можешь понять, как это произошло. Столько в тебе злобы, обиды и еще всякой разной гадости насобиралось, что если все выплеснуть, страшные вещи получаются.

И вот сейчас весь лагерь был как комок нервов. Казалось, еще чуточку подлить масла в огонь и так полыхнет, караул, что может произойти. Хотя я думаю до этого дойти не должно. Женщины народ выносливый, терпеливый. Просто обязаны выстоять. Не без того, бывают небольшие вспышки, но самое главное, чтобы эти вспышки быстро тушили. А вот если нет, то происходят страшные вещи. Не так давно в лагере произошел случай, точнее даже сказать ЧП. Так как такие случаи происходят не так часто. У одной женщины с сушилки (не большое помещение для сушки белья осужденных) пропали трусики. Несмотря на то, что много осужденных сидит за воровство, воровать в лагере по негласным законам нельзя и переступивших этот закон считают самыми последними. Но как бы там ни было, кражи происходят довольно часто. И тем, кого ловят за руку, не позавидуешь. Обычно проштрафившиеся ищут защиты у администрации, а иногда и попадают под самосуд. А расправиться с виновными – это женщины могут и довольно-таки умело.

Во время посещения бани, когда все одевались, хозяйка своего нижнего белья обнаружила свою вещь на одной «даме». На вопрос, откуда у тебя трусики, та ничего вразумительного не ответила. В бане ничего выяснять не стали, отложили продолжение разговора до прихода в барак. Когда весь отряд вернулся в жилую секцию, все ожидали развязки, но к всеобщему удивлению никто эту тему раскачивать не стал. Все тихонько пошушукались и успокоились, чего не ожидала хозяйка злополучных трусишек. По селектору объявили отбой. Зона затихла, люди легли отдыхать. Валюша, хозяйка своей вещи, готовила сюрприз для своей обидчицы.

Женщины легли вместе, выжидая полного затишья барака. Решили подождать пару часов, пока все уснут. Подружки, обнявшись, перешептывались, шутили, а когда затронули тему о Наташе (на которой были ворованные трусики), то планировали слегка проучить, чтобы впредь неповадно было чужие вещи брать. Знал ли кто, чем это «проучить» закончится? Наверно нет, но не буду забегать вперед.

Около часа ночи, Валюша с Верой вышли в туалет покурить. Прикурив сигарету и дав прикурить подруге, Валя спросила.

- Ну что? Сейчас буданем Наташку или еще рановато?

- Конечно сейчас. Уже все сны смотрят, я ее пойду, подниму и приведу сюда. Здесь и поговорим и пойдем баиньки. А то я уже спать хочу, – зевнув, высказала свое мнение Вера.

- Рановато еще, ну, ничего, зачем кота за хвост тянуть. Иди, буди ее, я вас здесь жду.

Вера затушила сигарету и направилась в жилую секцию «делать подъем».

Она тихонько прошла между шконок, мирно спавших. Подошла к спящей Наташе, тихонько разбудила ее.

- Идем покурим, поговорить надо, – шепотом сказала она Наташе.

- И давай быстренько, пару слов и будешь дальше спать. Я тоже уже лечь хочу.

На эти пару слов Наташа и купилась. Разговор будет быстрым, можно встать, успокоила она себя и, поднявшись с постели, последовала за Верой.

Когда они вдвоем зашли в туалет, Валя стояла возле окна и мило заулыбалась вошедшим женщинам, что основательно выбило Наташу. Она ожидала увидеть Валю злой, рассерженной, но никак не улыбающейся.

- Подойди ко мне, чтобы я голос не повышала, а то люди спят, – спокойным тоном позвала Валя Наташу. И та, не подозревая, что кроется за этим спокойствием, подошла к Вале.

В туалете не было света, так как лампочка давно перегорела, а заменить на новую никто не спешил, обходились освещением фонаря с улицы. А что поделаешь, если зона не располагает средствами, чтобы обеспечить помещение лампочками. Хорошо, что фонарь находится возле окна и можно видеть очертания унитазов, чтобы мимо не сесть. Поэтому в полумраке Наташа не могла видеть, что в руках у Валюши был железный прут. А если бы и видела, то все равно это ничего не изменило.

- Наташа, ты разве не знаешь, что чужое брать нельзя. Не порядочно это, тебя разве родители не учили, что воровать это плохо, к добру не приведет.

Наташа молчала, опустив глаза.

- Что же ты молчишь? Я ведь тебе вопрос задала. Или ты со мной разговаривать не хочешь? Надеюсь, ты знаешь, что такое «крыса» и как с ними поступают?

- Валечка, извини меня, бес попутал. Я виновата…, – это все, что она успела сказать. Валя с размаху ударила Наташу прутом и рассекла ей голову. Кровь потекла по лицу. Все произошло так быстро и неожиданно, что даже Вера сразу растерялась, но совсем не от того, что Валя ударила Наташу. Она растерялась при виде крови. Это было лишнее.

- Валюша, ты с ума сошла, где ты этот прут взяла? Посмотри сколько кровищи от этой суки, так и на новый срок раскрутиться не долго. Тем более с твоей статьей (Валя получила свой срок за тяжкие телесные ст. 101). Не надо быть такой эмоциональной, дай я сама с ней поговорю.

Наташа стояла, держась за голову, ее лицо и рубашка были залиты кровью.

- Девочки не бейте, прошу вас, давайте это решим как-то по-другому, – взмолилась она.

- Сейчас мы все решим, в этом можешь не сомневаться. А ну, красавица, подними рубашку, хочу твои телеса лицезреть, – с иронией сказала Вера.

- Поднимай, поднимай, не заставляй меня нервничать.

- Зачем? – спросила Наташа.

- Сейчас я тебе скажу зачем, поднимай!

Наташа подняла рубашку, понимая, что сейчас сопротивляться бесполезно.

- Глянь, Валюша, она в твоих трусиках и очень даже прекрасно себя чувствует, а напрасно. Снимай трусы, дрянь! А то ты слишком к ним привыкла. Сейчас ты у меня их есть будешь. Снимай, тварь!

Наташа послушно сняла трусы, надеясь своей покорностью смягчить свою участь.

- А теперь пока ты их не съешь, отсюда не выйдешь. И можешь мне поверить, что ты их съешь. Ты эти трусы на всю свою жизнь запомнишь. Ешь, не стесняйся, – поторапливала она Наташу.

- Девочки не надо, пожалуйста, такого больше не повторится, – взмолилась Наташа.

- Это же надо, прям детский сад. Я больше не буду. За свои поступки надо отвечать, так что не заставляй применять силу.

Валя выхватила трусы из Наташиных рук и поднесла к ее рту: «Ешь, крыса!»

- Что ты с ней панькаешься, – Вера сняла пояс со своего халата и набросила его на шею жертве. Затянула пояс так, что Наташа стала хрипеть и цепляться руками за воздух. Ноги подкосились.

- Я тебя отсюда живой не выпущу, пока ты эти трусы не проглотишь.

Наташа из последних сил старалась не потерять сознание, но силы стали ее покидать.

В это время Вера попустила пояс, давая возможность несчастной набрать воздуха. Наташа хотела закричать, но не успела, чьи-то руки стали запихивать в рот злополучные трусы. Она попыталась сопротивляться, но силы были не равные.

Дальше все происходило как в кошмарном сне. Ее били, душили, оскорбляли. Наташа была в полусознательном состоянии. Единственным желанием было умереть.

- Лучше убейте, только не мучайте, – шептала она озверевшим женщинам. Но это только еще больше вызывало у них ярость.

- Ты слишком много просишь, даже не надейся, что ты умрешь. Ты обязательно будешь жить, только инвалидом, об этом мы позаботимся, даже не сомневайся, – прошипела ей Вера на самое ухо.

- Смерть для таких блядей, как ты – это слишком шикарно. Веруня, подержи ее бестолковую голову. Мне все же очень хочется, чтобы она мои трусишки проглотила, – Валя окинула взглядом туалет, – где эти чертовы трусы, куда они делись?

- Вон возле унитаза, – указала Вера рукой.

Пол был весь в грязи, смешанной с кровью. В этой всей возне трусики превратились в грязную тряпку. Валя подняла с пола то, что недавно было нижним бельем, и

стала запихивать всю эту грязь Наташе в рот, она засовывала их ей в самую глотку, разрывая рот. Эта экзекуция вызвала у Наташи приступ рвоты. Но ничто не останавливало обезумевших мучителей.

Не известно, чем бы это все закончилось, если бы в туалет не зашла сонная Света. Переступив порог туалета и увидев фрагмент из фильма ужаса, только наяву, Света моментально проснулась.

- Бабы, вы чего? С ума посходили? Вы что наделали? Ой мамочка, вы вообще соображаете, чем это все закончиться? Теперь мусора затягают. Господи, что же это такое твориться? – причитала она. А картина действительно была не для слабонервных.

Наташино тело представляло из себя что-то страшное. Вся в крови, ссадинах с изуродованным от побоев лицом, она задыхалась от запихнутых в рот трусов.

- Вытащи у нее тряпку изо рта, она сейчас задохнется, – приказным тоном сказала Света. – Я сейчас позову контролеров, если вы не прекратите.

Женщины выпустили Наташу из рук, и та рухнула на пол.

- Приведите ее в Божеский вид, пока люди не поднялись, – сказала Света и вышла из туалета.

«И надо же мне было подняться именно сейчас. Теперь мусора затягают. Вечно я куда-то влезу»,– мысленно ругала себя Светка, идя по коридору. Возле двери в жилую секцию она столкнулась с завхозом, по всей видимости направлявшейся в туалет.

«Да, девочки по-моему серьезно вляпались, эта сейчас всех на ноги поднимет», – подумала Света и пошла ложиться.

Не стоит вмешиваться в чужие дела, так считают многие. Меньше хлопот себе наживешь. Как только Света вышла из туалета, Вера с Валей потащили Наташу к шлангу, включили воду, и стала ее отмывать от крови.

- Кажется, мы немного перестарались, хоть бы она не завернулась, – высказала свое мнение Верка, глядя на распухшее лицо Наташи.

- Такие суки живучие, да и, думаю, за нее до хрена не дадут. Зато впредь неповадно будет на чужое зариться. А тебе, я вижу, ее уже жалко стало. Да? Не знаю, может я жестокая, но я бы таких блядей давила, как котят, на куски бы рвала, чтобы другим неповадно было. Все хватит ее прихорашивать, надо еще пол помыть, – Валя почему-то даже не нервничала, хотя прекрасно понимала, что бесследно такая расправа не пройдет. Даже холодная вода не приводила Наташу в чувства. Женщины подтянули ее к стене, усадили Наташу на пол. Валя села на корточки, рядом с безжизненным телом и закурила, а Вера начала смывать со шланга кровь.

Дверь в туалет была открыта и завхоз, подошедшая к туалету и увидевшая всю картину, не стала себя обнаруживать, что не составило ей труда, так как женщины настолько были увлечены «Своими делами», что не заметили, как завхоз подходила к туалету. Постояв, послушав разговор между женщинами, она развернулась и пошла к внутреннему телефону.

Подняв трубку и услышав на том конце повода «дежурная часть», она не представ-

ляясь, сказала: «Срочно пришлите контролеров в третий барак, если я не ошибаюсь, тут в туалете кого-то прибили», – и, повесив трубку, вышла из барака на улицу ждать контролеров.

Прошло около получаса, пока они соизволили явиться. Увидев завхоза 10-го отряда, старший смены спросил: «Что за ночные шутки? Мартыненко, это ты звонила?»

- Если это шутка, мы сейчас вместе посмеемся. Идите в туалет, – завхоз пропустила контролеров в барак и последовала за ними.

Вера услышала шаги по коридору и выглянула из туалета.

- Валюха, мусора. Что же нам теперь с ней делать? – перепугано спросила Вера.

- Мы и так уже все сделали. Теперь пусть ею мусора занимаются, – Валя поражала своим спокойствием.

- Что здесь происходит? Кто это сделал? – Сергей Васильевич, старший смены старался говорить спокойно.

Сережа в колонии работал недавно и с таким случаем столкнулся впервые. Драки в лагере происходили довольно часто. И заканчивались они самое большое, парой синяков. А чтобы так изуродовать, в его практике это было впервые. В голове не укладывалось, как такое могут сделать женщины?

С Сергеем были еще две дамы при погонах, которые застыли с раскрытыми ртами, глядя на изуродованную Наташу. Из оцепенения всех вывела Валя.

- Что уставились? Забирайте ее, она еще живая. Может ей помощь медицинская нужна, а то еще загнется. А вы стоите любуетесь, – глядя на растерянных контролеров, иронично сказала Валя.

Сергей Васильевич посмотрел на Валю.

- Чья это работа? – выдавил он из себя.

- Моя, – равнодушно ответила Валя.

- Сережа, ей скорая нужна. Вопросы будешь задавать потом.

- Мартыненко, позови кого-нибудь из своих, пусть отнесут это в санчасть, – он показал на Наташу.

- А вы отведите осужденную в дежурную часть, там разберемся, – дал распоряжение контролерам по поводу Вали Сергей Васильевич.

- Иди в секцию, я сама все им объясню, – сказала Валя, повернувшись к Вере.

- Идемте, гражданочки контролеры, – Валя пошла на выход из барака.

К утру весь лагерь знал о случившемся. Наташу увезла скорая помощь, на вольную больницу. Валю закрыли в ШИЗО, до прихода начальника колонии. А Вера ожидала развязку в бараке.

После утренней проверки начались разбирательства по поводу ночного инцидента. Валю допрашивал сам начальник оперчасти. Она пояснила из-за чего и как все произошло. Единственное, о чем она умолчала, так это то, что Вера была с ней. Валя утверждала, что Вера подошла тогда, когда Наташа уже была избита. А так как

больше свидетелей не было, кроме Наташи, на этом все и остановилось. Наташа пока ничего сказать не могла. Видимо администрация сама была заинтересована замять это происшествие. Для начала Вале дали полгода ПКТ, а Веру наказали лишением ларька за то, что не вовремя оказалась в туалете. Когда женщинам объявили решение меры наказания, хозяин сказал, – Молите Бога, чтобы ваша потерпевшая осталась жива, чтобы на этом все остановилось.

К счастью Наташа выжила. Вера сильно нервничала, если Наташа изъявит желание привлечь к ответственности своих мучительниц, но не хотелось «раздувать огонь», виновных придется привлекать к уголовной ответственности. Что она рассказывала работникам колонии, никто не знал. По возвращению из больницы в лагерь этот вопрос не обсуждался. Наташа сама пресекала малейшие вопросы по этому поводу. В скорости этот случай вообще стали забывать… Случаи такого рода в лагере происходят не часто. За семь лет, которые я провела в колонии, подобного рода ЧП случались раз десять. То из окошка выпадают, травятся, глотают гвозди, спицы и т.п. И в основном, никому до этого дела нет. Почему так произошло? Что привело человека к такому поступку? А сколько жизней уносит лагерь, за несвоевременное оказание медицинской помощи? Хотя, что можно говорить за лагеря, когда на свободе люди так же умирают, не сумев оплатить медицинские услуги. Кончают жизнь самоубийством, не в состоянии содержать себя и свои семьи. Все это болезнь нашего общества. Жуткая, реальная жизнь.

Но во всем есть как плохое, так и хорошее. Всегда, везде, выживает сильнейший.

Человек всегда, в любых условиях должен оставаться человеком. Любое проявление слабости чревато последствиями. Такова жизнь. В наше время, самое главное, быть морально сильным человеком. Жаль, что это не всегда получается. Ну, что ж, наша жизнь противоречива. В ней много плохого, но много и хорошего. И даже здесь, за высоким забором находятся люди, не утратившие свои хорошие качества. Умеющие даже в этих условиях, оставаться порядочными, добрыми людьми. Пусть их не так много, но они есть.

Создавая мир, Господь вложил в него всю свою любовь, а любовь – это самое прекрасное, что есть в мире. Жаль только, что не всем это качество дано. Если бы люди ко всему относились с любовью, наша жизнь была бы прекрасна. Но, увы, там, где есть добро, обязательно есть и зло. Там, где любовь, рядом ненависть. Постоянная борьба света и темноты. А может так и должно быть? Может это все задумано свыше? Если бы все было слишком гладко, стало бы скучно жить. Как бы хотелось знать ответы на все интересующие вопросы. Хотя все знать, было бы тоже не интересно.

Да, изоляция людей от общества в тюрьмы и лагеря заставляет проходить сильную психологическую нагрузку. И когда, пройдя через все это, человек не сломался, не растерял все светлое, что у него есть, несмотря ни на что, остался человеком, заслуживает восхищения. Таким людям, наверное, не страшен никакой жизненный шторм. И такие люди есть, и это радует.

Очень хочется описать одно интересное мероприятие, которое происходит весной. Чем это интересно читатель сейчас поймет.

Что такое выборы кандидатов в депутаты знают все. А на каком уровне это происходит в лагерях, думаю, даже не подозревают.

Лично меня всегда интересовал вопрос, кому пришла в голову «умная мысль», дать право голоса заключенным. Если бы люди знали или хотя бы одним глазком посмотрели на эти «выборы», то это ошибка была бы сразу исправлена. Когда наблюдаешь это зрелище со стороны, (а это действительно зрелище), то поражаешься, насколько люди могут быть деградированными, во что превращает человека длительная изоляция. За кого можно отдавать свой голос, если не имеешь ни малейшего понятия, про какие-то там партии, депутатов. Что это такое и с чем его едят. Для колонии выборы – это своего рода праздник, так как в этот день рацион питания в столовой улучшенный. И для поднятия духа, зэкам с гуманитарной помощи выделяется по пачке сигарет, чтобы голосовалось веселее. В те годы, когда агитация была поставлена на широкую ногу, администрация объявляла, за кого надо голосовать, и ничего самостоятельно решать не приходилось.

Сейчас же агитация стала прямо-таки уголовно наказуема, и предоставили как бы самим решать, кого выбирать. Ограничились рекламами и вывешиванием плакатов с фотографиями и программами партий и кандидатов. Плакаты вывесили за пару дней до выборов, чтобы осужденные могли ознакомиться кто, что предлагает.

С этих вот плакатов начался весь аттракцион.

Осужденной женщине поручили расклеить все это добро на стены ограждения между локальными участками. Все дружно бросились на помощь. При расклеивании половина плакатов исчезла не понятно куда (на личные нужды), а те, которые расклеились, собрали возле себя немало народа. Не знаю, возможно, я и ошибаюсь, но я не видела ни одной женщины, которая прочитала предлагаемую программу хоть какой-то партии. Все рассматривали фотографии представителей, споря между собой, кто из них симпатичней и у кого какие недостатки во внешности. И это я выразилась в очень мягкой форме. Со стороны эти смотрины напоминали посещение аттракциона «комната смеха». Не знаю, что так всех смешило, но собравшиеся тыкали пальцами на фото и ухохатывались, сопровождая непристойными шуточками. Когда я за всем этим наблюдала, пришла в голову мысль, что просто необходимо, чтобы это видели кандидаты в депутаты и знали кому дали право голосования. Я не хочу сказать, что все, кто находятся в колонии – умственно отсталые, не образованные женщины, совсем нет. Но, деградированных, глупых, не образованных женщин большая половина. Предвыборные дни пролетели, наступил день выборов. С самого утра у всех было приподнятое настроение. Во-первых, это был выходной день, никто не шел в рабочую зону. А выходной в колонии – это уже праздник, как я уже говорила. Плюс к этому праздничный завтрак, обед и ужин (для многих, заканчивался расстройством желудка). После общеколонийской проверки, всех поотрядно повели в помещение, где, когда-то размещался спортзал, а в настоящее время отвели место для голосований. Не буду описывать всех подробностей, на каком уровне все это происходило. Скажу в двух словах. Перед входом в теперь уже зал голосования всем напомнили, за кого надо проголосовать. Затем началось самое интересное. Создавалось впечатление, что многие впервые на таком мероприятии. Не могли понять, что и как делать с этими бюллетенями, куда их бросить. Администрация, улыбаясь, терпеливо подсказывала, что делать. Но как бы там ни было, пусть с трудом, но выборы прошли. Голосование закончилось во второй половине дня. Оставшаяся часть дня позволила расслабиться. Так что, мож-

но сказать, полдня выходного стали досугом осужденных.

И опять пошли трудовые будни. Правда, с работой начались перебои. На производство выходили не многие. Большая часть осужденных находилась в жилой зоне, людям некуда было себя деть. И еще частые посещения различного начальства не давало покоя. «Белый режим» становился чуть ли не ежедневным, что очень выматывало и оголяло нервную систему. Это сильно отражалось на взаимоотношениях между осужденными. Женщины конфликтовали между собой по разным мелочам. Не редкими стали стычки с контролерами, которые со своей стороны требовали соблюдения режима содержания, а зэчки упорно его нарушали. Если это можно назвать нарушениями.

- Когда же мы с себя эти тряпки снимем? – застегивая телогрейку, вздыхала Марина.

- Потерпи еще не много, осталось два денечка, и переходим на летнюю форму, – успокаивала ее Леля.

- Надо же такое придумать, на улице +18, а нам надо ходить в сапогах, фуфайках и платках. У меня отечность на ногах, это видно из-за сапог. Лелечка, когда мы освободимся из этого ада? – причитала Марина, выходя с Лелей из барака.

- Хватит капризничать, идем на лавочке посидим, пока наш отряд построится.

Шло построение на обед. Контролер, Светлана Ивановна, стояла на выходе из локального участка, выстраивала отряды по пять человек и проверяла форму одежды.

- Застегнитесь, оденьте платки на голову, – повторяла она, как попугай.

Женщины в свою очередь язвили ей потихонечку между собой, но застегивали телогрейки и натягивали платки. Зачем лишний раз нарываться на неприятность.

- Марина, Леля! Идемте, наш отряд строится, – крикнула Ленка, стоявшая с Сережей возле ворот.

- Идем, кроха моя, – Леля взяла Марину за руку и женщины пошли в строй.

Построившись по пятеркам, отряд пошел в столовую. Получив разносы с обедом, четверка села за стол. В это время к ним подошла Вера.

- Лена, тебя на свидание вызывают. Селектор разрывается, а ты тут от тарелки оторваться не можешь.

Лена уронила ложку.

- Наверное, что-то случилось, ко мне не должны еще приехать.

- Не паникуй, может, соскучились, а ты уже всякую ерунду думаешь. Кто у нас сейчас из контролеров на комнатах свидания? – спросила Сережа.

- Васильевна вроде, я видела как она с КП (контрольный пункт) шла, – высказалась Вера.

- Какая разница, кто на свидании, пошли, – обратилась Лена к Сереже и пошла к выходу из столовой. Сережа последовала за ней.

Возле КП Лена с Сережей встретили Светлану Васильевну, контролера, которая работала на комнатах свидания.

- Светлинская, сколько можно тебя искать по зоне, я уже твоих родителей завела на свидание, а тебя найти не могут, – возмутилась Светлана Васильевна.

- Мне только что сказали, Васильевна. У меня что-то случилось, что мама приехала? – спросила Лена контролера.

- Не задавай глупых вопросов. Случилось то, что к тебе на свидание приехали отец с матерью. Пошли, у меня уже обеденный перерыв начался, а я все за вами бегаю. А ты Сергиенко, иди в локальный участок, мы дорогу без тебя знаем, – заулыбалась Светлана Васильевна.

- Иди Сережа, увидимся после свиданки, – Лена чмокнула свою подругу в щечку и пошла за контролером.

Пройдя через КП и зайдя в комнату для обыска, Светлана Васильевна торопливо бросила Ленке, – давай Светлинская я тебя посмотрю, а то я спешу.

- Так может «без посмотрю», что меня смотреть, даже не знала, что на свидание пойду, – пыталась обойти неприятный обыск Лена.

- Не можно. Раздевайся.

- И чего это вы Васильевна такая несговорчивая, – начала раздеваться Лена.

Обыскав осужденную, контролер завела ее на комнаты свидания, где Лену уже ждали родители.

Мама хлопотала на кухне, спешила приготовить покушать. Отец ждал Лену в комнате. Когда Лена зашла в комнату свидания и увидела отца, первым был задан вопрос: «Что случилось? Где мама?».

Увидев дочь, Ленин папа заулыбался, глаза наполнились слезами горькой радости. Он подошел к дочери, обнял ее.

- А что должно случиться, доченька? Мы с мамой соскучились и приехали. Мама на кухне, где ей быть?

Лена освободилась от объятий отца и побежала на кухню.

Валентина Николаевна (мама Лены) стояла возле электроплиты, на которой жарилось, варилось несколько кастрюль и сковородок. На кухне находилось пять женщин. Осужденная Мария Петровна, 53 лет от роду, ее дочь Наташа, приехавшая к матери на свидание, и еще две женщины пенсионного возраста, мамы непутевых дочерей, отбывающих наказание. Каждая была занята своим делом. Валентина Николаевна что-то помешивала в кипящей кастрюльке, когда дочь налетела на нее.

- Мамочка, родненькая, что же вы с папой меня так пугаете, приехали, ничего не написав, – со слезами на глазах причитала Ленка в материнских объятьях, целуя в щеки, по которым текли слезы.

- Доченька, любимая моя, дай я хоть гляну на тебя, как ты здесь, моя маленькая? – Валентина Николаевна гладила дочь по голове, как маленького ребенка, то прижимала к себе, то отстраняла, рассматривая любимое чадо. Все, кто находился на кухне, замерли. Сцены встреч и расставаний близких людей всегда трогательны. И каждая из женщин, находившаяся рядом, испытавшая на себе всю горечь таких минут, старалась как бы раствориться в воздухе, чтобы не помешать, не дать почув-

ствовать близким людям, что они не одни. Дать возможность выплеснуть свои эмоции, не оглядываясь на посторонних. Такое взаимопонимание людей, скорее всего, происходит из-за общего горя. Так как, что для осужденных, что для их близких, посещающих их родственников, это своего рода горе. Какую радость может принести встреча со своими близкими, зная, что они находятся в местах лишения свободы? Я думаю, это можно сравнить с посещением близкого вам человека в больнице. Много ли радости приносит встреча со своими родителями, детьми, братьями и сестрами, находящимися на больничных койках? Вы же не перестанете любить своего родного человека потому, что он болен? Так происходит и в таких ситуациях, когда ваш близкий попадает в тюрьму. Бывают, конечно, случаи, когда родители отказываются от своих чад, преступивших закон. Либо – дети от своих родителей, совершивших преступление, но таких случаев не так много. В основном, родственные связи берут верх. Редко какая мать сможет вырвать со своего сердца человека, которому дала жизнь. Пусть этот человек будет даже страшным убийцей. Она по-прежнему, будет любить свое дитя. Так уж мы устроены.

Когда всплеск эмоций немного утих, кухня стала оживать.

- Леночка, иди папе помоги сумки разобрать, а я сейчас приду, – обратилась Валентина Николаевна к дочери, утирая слезы.

- Мамочка, а давай я тебе помогу и вместе пойдем, – Лена старалась взять себя в руки, понимая, что своими слезами сильнее расстраивает мать.

- Да мне тут помогать нечего. Я поставила сардельки отварить на скорую руку.

- Перекусишь пока, а потом я тебе что-то вкусненькое приготовлю. Иди доченька к отцу, что мы его одного бросили. И я сейчас следом за тобой приду. Иди, иди, помоги папе.

Лена нехотя вышла из кухни и направилась в отведенную для свидания комнату. Чтобы читатель имел представление, что такое длительное свидание осужденных с родственниками, вкратце опишу. Это помещение, где находятся несколько комнат. Каждой осужденной, идущей на длительное свидание с родственниками, выделяется отдельная комната. Весь интерьер комнаты составляет кровать, стол и тумбочки. В помещении находятся общая кухня, туалет, умывальник. Еще должен быть душ, в нашей колонии он не существовал. У нас даже вода шла не регулярно. Но в каждой колонии разный быт. Зато оплата предоставляемого комфорта очень высока. Но, несмотря на все эти недоработки, свидания остаются свиданиями. Родственники вместе с осужденными могут находиться не более трех суток, один раз в три месяца. За такой маленький промежуток времени стараются обо всем переговорить, напичкать всевозможными лакомствами до «не могу». И при возможности разгрузиться сексуально. Обычно все, кто находятся на свидании, становятся одной семьей. Помогают друг другу, делятся всем. Теперь я думаю, у читателя есть поверхностное представление, как проходят свидания.

Когда Лена зашла в отведенную для ее семьи комнату, она застала отца возле огромных сумок. Василий Анатольевич, бывший работник прокуратуры, в настоящее время пенсионер, на заслуженном отдыхе, безгранично любящий свою дочь, слишком тяжело переносил встречи со своим ребенком в таком месте. Вот и сейчас, увидев дочь, Василий Анатольевич настолько расстроился, что слишком ощутимо

прихватило сердечко, срочно надо было найти лекарство.

- Да где же этот проклятый пузырек, – бурчал Василий Анатольевич, переворачивая содержимое сумки.

- Папа давай я тебе помогу.

- Леночка, сходи, спроси у мамы, в какой сумке лежат сигареты, а то я что-то найти не могу, – не поворачиваясь к дочери, пересиливая сердечную боль, попросил Василий Анатольевич. Зачем, чтобы дочь видела отцовскую слабость. «Пока она сходит к матери, я успею выпить лекарство», – подумал Василий Анатольевич, уже держа в руке спасительный пузырек. Лена, ничего не подозревая, отправилась к маме. Как только за дочерью закрылась дверь, Василий Анатольевич облегченно вздохнул и вкинул в рот две таблетки.

- Мама, там отец сигареты найти не может, где они? – зайдя на кухню, обратилась Лена к матери. Валентина Николаевна, взяла кастрюлю с сардельками, обхватив ее полотенцем, чтобы не обжечь руки, направилась к дочери.

- Идем, девочка моя, сейчас мы все найдем.

Когда Валентина Николаевна с дочерью зашли в комнату, Василий Анатольевич лежал на кровати с закрытыми глазами. Она испугано глянула на бледного мужа и осторожно спросила:

- «Все в порядке Вася?».

Василий Анатольевич открыл глаза и улыбнулся.

- Все в порядке дамы, устал немного. Но я в норме. Давай, Валюша, перекусим чего-нибудь. Что мы дочку голодом морим. Да и сами с дороги проголодались, – Василий Анатольевич поднялся и подошел к столу.

- Предлагаю к сарделькам сделать салатик из свежих овощей. Как вы девочки на это смотрите? – Василий Анатольевич взял в руки нож и помидор.

- Папа, давай я салат приготовлю, а ты сядь, посиди.

- Не возражаю, делай дочка, – Василий Анатольевич сел на стул и закурил.

Женщины хлопотали возле стола. Через несколько минут все было готово.

- Папа, иди к столу. Все как в лучших домах, только 100 грамм не хватает, – пошутила Лена.

- Вместо 100 грамм имеется прохладительный напиток, – и Василий Анатольевич достал из сумки и поставил на стол литровую бутылку «Пепси». Это, чтобы твою голову остудить. Семья дружно села за стол.

Василий Анатольевич разлил «Пепси» по стаканам, поднял свой и сказал, глядя на дочь: «За тебя доченька, чтобы ты быстрее была дома», – его глаза наполнились слезами. К горлу подкатил комок.

- Ну, нет, мы так не договаривались. Как за меня, так и траур. Давайте лучше за вас, мои родные. Спасибо, что не бросаете, помогаете мне. Без вас я бы пропала в этом заведении. Здоровья вам, мои любимые родители, – Лена сделала несколько глотков «Пепси».

- Спасибо дочка. И ты себя береги. А мы с отцом пока живы, будем рядом с тобой, – Валентина Николаевна смахнула слезу и сделала глоток.

- Все, мать, достаточно слезы лить. Самое главное, дочка наша жива, здорова. И кошмар этот не вечный. Давай кушать, а не слезы лить. Леночка, расскажи лучше как у тебя дела?

- Никаких дел нет, ешьте. Лучше вы расскажите, как дома? – Лена взяла салатницу и насыпала салат в тарелки родителей и свою.

- А что дома? Все по-прежнему? Сейчас весна началась, мы с папой на даче пропадаем, – и Валентина Николаевна начала рассказывать дочери, как они копали, садили, наводили порядок на даче. Так за трапезой завязался разговор. Дочь спрашивала, родители отвечали. Постепенно напряжение проходило. Казенную комнату заполняло домашнее тепло. Начали шутить, вспоминать различные случаи. Все наелись, но вставать из-за стола не хотелось. Не хотелось нарушать этот семейный уют. Валентина Николаевна начала собирать со стола посуду.

- Вы тут поговорите, а я пойду на кухню, посуду помою, – обратилась она к дочери и мужу.

- Я тебе помогу, – подхватилась Лена, – пусть папа отдохнет, а я с тобой на кухню пойду.

Валентина Николаевна глянула на мужа.

- Идите девочки. А я пока вещи разберу. А то все так и стоит.

- Тогда мы пошли,– Валентина Николаевна взяла посуду и направилась на кухню.

- Папа не скучай, мы не долго, – чмокнув отца в щеку, Лена упорхнула за матерью.

На кухне никого не было.

- Мама, давай я посуду помою, а ты посиди.

- Я сама помою. Ты мне лучше расскажи, как ты тут? – Валентина Николаевна начала мыть посуду.

Лена села возле стола, закурила.

- Ну как я могу тут быть? Как в лагере. Зачем оно тебе мама. Ты же видишь, я жива, здорова, что еще надо. Я живу, как все. Даже, получше некоторых, благодаря тебе с папой. Вы же мне помогаете. Сильно домой хочу. Устала я, – Лена вздохнула и замолчала.

Валентина Николаевна смотрела на дочь и видела, как она изменилась за то время, пока они не виделись. Лена повзрослела. От веселой, беззаботной девочки не осталось и следа. Глаза дочери были наполнены грустью. Сердце матери сжалось от неудержимой боли за дочь. Она чувствовала, что девочка чего-то не договаривает, но расспрашивать больше не стала. Знала характер дочери, пока та сама не начнет говорить, настаивать бесполезно. И Валентина Николаевна решила изменить тему, так как только разговор заходил о Лениных делах, дочь сразу менялась в лице. Видно было, как девочка начинала нервничать.

- Доченька, что тебе приготовить? Может, пельмешек налепим? Ты же их всегда

просила. Я все продукты для них привезла. Давай? – попыталась отвлечь мама дочку.

- Ой, мамочка, я так наелась. Мне сейчас ничего не хочется.

- А сейчас тебя есть никто не заставляет. Пока мы их сделаем, как раз и проголодаемся. Я пойду посуду отнесу, возьму все, что надо, и будем делать. Будем их вместе лепить, ты же всегда любила возле меня крутиться, когда я с тестом возилась. С самого детства. Помнишь? – спросила она дочь.

- Пельмени, так пельмени, – согласилась Лена.

- Только я, наверное, их лепить разучилась, – улыбнулась она матери.

- А мы сейчас посмотрим, как ты разучилась, – взяв посуду, Валентина Николаевна вышла из кухни, оставив дочь одну.

Лена поднялась и потянулась. «Хорошо, когда рядом родители», – подумала она.

В это время на кухню зашел молодой мужчина с чайником в руках.

- Здравствуйте, я не помешал? – молодой человек стоял у порога, не решаясь войти. Лена села и заулыбалась нерешительности парня.

- Что так и будешь стоять у порога? Ты что, в гости ко мне пришел, что разрешения спрашиваешь. Заходи не бойся, не съем.

Молодой человек подошел к плите и поставил чайник. Затем, повернувшись к Лене, сказал: «Вы не правильно меня поняли. Не боязнь остановила меня. Во-первых, я никак не ожидал увидеть здесь такую привлекательную девушку, одну, без присмотра. А, во-вторых, я уверен, что таких как я не едят», – пошутил молодой человек, и, подойдя к Лене, протянул руку.

- Алексей, прошу любить и жаловать, – парень лукаво смотрел на Лену, от чего она почему-то растерялась. Но быстро взяла себя в руки. Не поднимаясь, она протянула руку Алексею.

- Елена. Только любить меня сейчас не обязательно.

- Леша, иди сюда, – послышался женский голос из коридора.

- Приношу свои извинения. Мы еще встретимся и вернемся к нашему разговору, – Алексей выпустил Ленину руку из своей. И пошел к зовущей его женщине. Выходя из кухни, он столкнулся с Валентиной Николаевной, державшей в руках пакет с продуктами.

- Я извиняюсь, – пропустил он Ленину маму и вышел.

- Я вижу, ты здесь не скучала, – улыбнулась Валентина Николаевна дочери, ставя пакет на стол.

Лена сделала вид, что не услышала слова мамы. Взяла пакет и начала выкладывать из него продукты. В скором времени на столе ровными рядами лежали пельмени. Мать с дочерью быстро управились. За разговорами и шутками время летело незаметно. Женщины были так увлечены беседой и стряпней, что не замечали, кто входил на кухню и когда выходил. Они даже не замечали Василия Анатольевича, который два раза пытался зайти на кухню, но так и не решился нарушить женские

разговоры.

- Все, управились, – Валентина Николаевна положила на стол последний пельмень.

- Леночка, ставь воду кипятить, сразу сварим, попробуем, что мы тут наделали. Должны быть неплохие. Ты вон как старалась, даже нос в муке. А говорила, разучилась.

Лена улыбалась, в глазах сверкали радостные искорки. На душе было хорошо и спокойно. На какое-то время забылось, что она в лагере, а это всего лишь свидание. Она мыла руки и поглядывала на стол, где красовались пузатенькие пельмени.

- Какие они у нас красивенькие получились, – Лена набрала в кастрюлю воды и поставила на плиту. Только сейчас она обратила внимание, что на кухне они не одни. Возле плиты стояла женщина. Ее Лена уже видела, когда только зашла на свидание. Женщина в одной руке держала тарелку, на которой развалились только что снятые со сковородки биточки.

- Ой, я вас даже не видела. Вы к кому приехали? – обратилась Лена к женщине, но та даже головы не повернула.

- Мама очень плохо слышит, – услышала Лена голос за спиной. – Лучше спросите у меня.

Лена повернулась на голос. В дверях стоял Алексей.

- Что вы в дверях стоите, молодой человек, входите не стесняйтесь. Хотите мы вас пельменями угостим. Смотрите, какую красоту моя дочка наделала, – Валентина Николаевна показала на пельмени.

- Красота, это ваша дочь, Елена. А за приглашение спасибо. Если вы не против, Валентина Николаевна, можем объединить наш скромный ужин с вашим. И вместе посидим. А то моя сестричка, по-моему, уже заскучала в компании моей с мамой. Как вам мое предложение? – он посмотрел на женщин.

Валентину Николаевну удивило, откуда этот молодой человек знает ее имя? Но он, настолько просто разговаривал, будто они знакомы давно. Этот парень очень располагал к себе. Валентина Николаевна даже сразу не нашлась, что ответить на его предложение. Все свидания с дочерью проходили в тесном семейном кругу. Хотелось обо всем переговорить, подольше побыть рядом с дочерью. Даже спать старались не ложиться, чтобы не терять драгоценные часы. Валентина Николаевна посмотрела на дочь. От матери не ускользнуло, как на Леночкином лице вспыхнул румянец, она почему-то занервничала и стала помешивать воду в кастрюле.

«Если я не ошибаюсь, моей дочери нравится этот паренек,– подумала Валентина Николаевна и, глянув на Алексея, сказала, – Даже не знаю, что вам ответить, молодой человек. Мы с отцом приехали к дочери. Если она не против, давайте поужинаем. Что скажешь, дочка?»

Лена никак не ожидала такого поворота событий. Ей очень хотелось сказать «нет», но она не смогла.

- Мамочка, даже не знаю, как-то неудобно.

- Очень даже удобно. Значит договорились. Как только я накрою стол, я вас позо-

ву. Василий Анатольевич, думаю тоже будет не против. Алексей достал из кармана блокнот и ручку. Что-то написал на листке и подал матери, подождал, пока она прочитает. Прочитав, женщина посмотрела на сына, улыбнулась: «Хорошо сынок, иди, я здесь сама управлюсь».

- Я вас ненадолго покидаю, – обратился Алексей к Лене и ее матери.

«Шустрый паренек», – подумала Валентина Николаевна, когда тот выходил из кухни.

- Ну что, девочка, раз уж мы идем в гости надо в порядок себя привести. Вода уже закипела, так что иди собирайся, а я сварю и присоединюсь, – подмигнула она дочери.

- Чего это мне собираться? Нас что, на свадьбу пригласили? Мы и так с тобой прекрасно выглядим, – Ленка задрала носик.

- То, что ты у меня красавица, в этом я не сомневаюсь, но там все-таки мужчина. Мы же не дикари? – Валентина Николаевна заглянула дочери в глаза.

- Леночка, я тебя не узнаю. Ты никогда халатно не относилась к своей внешности. Что теперь изменилось? – спросила она дочь.

Лена вздохнула: «Иногда мне кажется, мамочка, что во мне ничего прежнего не осталось. Ладно, – она чмокнула мать в щеку, – Пойду собираться».

- Вот это другое дело. Узнаю свою дочь. Там в моей сумочке косметика, – поцеловала Валентина Николаевна свою дочь, – Иди.

Лена вышла, оставив мать на кухне. Как только дочь скрылась за порогом, Валентина глянула в кастрюльку, в которой выкипала вода.

«По-моему, мы с этими гостями и за пельмени забыли», – подумала Валентина Николаевна, посмотрев на женщину, которая дожаривала биточки, хотела к ней обратиться, но вспомнила, что та глухая. Валентина Николаевна собрала пельмени на тарелочку и по штучке стала кидать их в кастрюлю. Мать Алексея повернулась к Валентине Николаевне: «Меня зовут, Ольга Петровна, а Вас, мне сын написал, Валентина Николаевна? Вы, я вижу, к дочери приехали?»

Валентина Николаевна кивнула.

- Мы с сыном тоже к дочке приехали, она здесь уже четвертый год. Но уже ей немного осталось, это последнее свидание. Через два месяца дома уже будет, слава Богу, – Ольга Петровна сняла со сковороды последние биточки.

- У вас, по-моему, пельмени уже сварились, – обратилась она к Валентине Николаевне.

Та, спохватившись, взяла тарелку и начала доставать пельмени из кастрюли.

«А сколько у нас еще свиданий будет в этих стенах», – подумала Валентина Николаевна. Сердце сжалось при мысли, сколько лет ее дочь пробудет в этом месте. «Почему это случилось именно в нашей семье? Разве могла она предположить, что ее ребенок окажется в тюрьме, ведь, они с мужем жили дочерью. Воспитывали, лелеяли свою крошку», – размышляла Валентина Николаевна, даже не заметила, как Ольга Петровна вышла из кухни. Из раздумья ее вывела дочь.

- Мама, что ты так долго? Мы уже с папой тебя заждались. Как я выгляжу? – Ленка слегка подвела глазки, уложила волосы и одела новый спортивный костюм, который привезли ей родители. Лена улыбалась.

- Вот это другое дело. Ты у меня самая красивая, – Валентина Николаевна обняла дочь, – Идем, нас же в гости пригласили.

В это время зашел Алексей.

– Я за вами, милые женщины. У нас все готово, – Алексей жестом пригласил дам.

Валентина Николаевна взяла тарелку с пельменями, вручила ее Алексею.

- Молодой человек, возьмите это, а мы через пять минут к вам зайдем. Какая у вас комната?

- Четвертая.

- Так мы еще и соседи. Мы с Леночкой отца заберем и зайдем к вам, – и женщины ушли к себе.

- Вы, я вижу, уже готовы? – глядя на мужа и дочь сказала Валентина Николаевна. Она подошла к зеркалу, подкрасила губы.

- Как-то неудобно, в гости с пустыми руками идти, – подойдя к одной из сумок она аккуратно открыла ее и достала торт. – Это на десерт по такому случаю. Мы с папой думали вечером сладкий стол сделать. Да, отец? Но раз такое дело. Возьмем его с собой. Вы не возражаете? – она вопросительно посмотрела на дочь и мужа.

- Конечно, нет, мама, – Ленкины глаза светились радостью.

- Дамы, нас ждут. Не красиво опаздывать, – Василий Анатольевич поднялся и пошел к двери. Женщины, взяв торт, последовали за ним.

Не успели они подойти к четвертой комнате, как дверь распахнулась, и навстречу вышел Алексей.

- А я уже за вами шел. Все остывает. Проходите в наши покои, – пригласил Алексей гостей. Гости прошли в комнату соседей. Между кроватей стоял стол, накрытый как на пиршество. Возле стола стояла Ольга Петровна. На кровати сидела молодая женщина.

- Оксана, я даже не подозревала, что ты на свидании. Да и в лагере последнее время тебя не видела, – Лена подошла к кровати.

- Извините, можно я присяду, – обратилась она к Оксаниной маме.

- У кого ты спрашиваешь, присаживайся, мама не слышит ничего, – Оксана усадила Ленку рядом.

- Проходите, присаживайтесь к столу, – обратился Алексей к родителям Лены. – А то девочки забыли, что кроме них в комнате кто-то находится, – пошутил молодой человек.

- Девочки, внимание, с нами наши родители, давайте о них не забывать.

- Леша, уймись, ни о ком мы не забываем. Мы с Леной общались одно время. Правда, Леночка? Оксана сделала ударение на слове «общались».

- А последнее время мы не виделись, меня в другую локалку перевели, – пояснила она.

- Я даже не знала, что тебя перевели, – перебила Лена.

- А тебя это интересовало?

Родители, не понимая ничего, молча сидели за столом, слушая перебранку.

- Все, достаточно, мы вроде собирались ужинать. Прошу внимания. Все, что вы видите на этом столе, стоит и ждет, когда же его съедят. А мы занимаемся не понятно чем. Предлагаю преступить к трапезе, – все одобрительно заулыбались и взялись за вилки.

- Стоп, еще одну минуту внимания, – Алексей наклонился к стоявшей возле кровати сумке и достал из нее литровую бутылку вишневого напитка.

- Ксюха, дай чашки на подоконнике возле тебя, – попросил он сестру.

Оксана подала всем по чашке. Алексей понемногу налил всем напитка.

- Я думаю, что нам не помешает.

Лена взяла чашку в руки и услышала запах спиртного: «Что это?», – удивилась она.

- Это водка. Для аппетита, – заулыбался Алексей.

Ленины родители с недоумением посмотрели на молодого человека. Спиртное, строго запрещалось заносить на свидания, тщательно обыскивали.

- Валентина Николаевна, Василий Анатольевич, не волнуйтесь. Я думаю, если мы немного расслабимся, это ни кому не повредит, – успокаивал родителей Алексей.

- Как вы ее сюда занесли? – удивилась Лена.

- Не задавай глупых вопросов, Лешка у меня фокусник, он из напитков делает горячительные, – хихикнула Оксана, – По чуть-чуть можно, – она подняла чашку и залпом выпила содержимое. Слегка покривившись, она приступила к ужину.

- Чтобы наши дети, всегда были дома и никогда не попадали за эти стены, – Василий Анатольевич, одним глотком опрокинул водку.

Лена посмотрела на маму, обвела взглядом всех окружающих: «За свободу», – поднеся чашку ко рту, она передернулась и выпила. Все остальные последовали ее примеру.

Спиртное сделало свое дело. Перекусив, повторили по чуть-чуть. Разговор оживился, стали шутить, ужин превратился в застолье. Лена, давно не употреблявшая спиртное, быстро опьянела. Родители забеспокоились за дочь. Просили, чтобы она больше не прикасалась к спиртному, но Оксана с Алексеем успокаивали, что не стоит беспокоиться. До утра спиртное выветрится, а сейчас можно расслабиться, так как из контролеров никто не зайдет, не каждый день такое бывает. Это, кое-как убедило. Да и на что не пойдешь ради любимого ребенка.

Ну выпили, посидели, пошутили, что в этом плохого. За разговорами время летело быстро. Не успели оглянуться, как время приблизилось к полуночи.

- Не пора ли нам расходиться? – посмотрев на часы, спросила Валентина Никола-

евна.

- Не мешало бы отдохнуть, – поддержал ее муж.

Леночке никак не хотелось расставаться с компанией, когда еще будет такая возможность?

- Мамочка, ну давай еще посидим. Завтра Ольга Петровна с Лешей уезжают, Оксана в лагерь пойдет, успеем отдохнуть.

- Леночка, ты не права, не будь эгоисткой, родители устали. Да и моим завтра ехать. У меня предложение, пусть родители идут отдыхать, а мы еще посидим. Как вы на это смотрите? – Оксана вопросительно смотрела на родителей. – За Леночку, можете не переживать. Все будет хорошо, я вам обещаю.

- Можно, мамочка? Мы не долго, – умоляюще посмотрела и попросила Лена.

- Что скажешь, отец? – Валентина Николаевна задала вопрос мужу.

- А как же Ольга Петровна, ей же тоже надо отдохнуть? – спросил Василий Анатольевич.

- А мы пойдем на кухню посидим. Все уже спят, наверное. Мама ляжет отдыхать, – нашлась Оксана.

- Хорошо, только не засиживайтесь. Идем мать отдыхать, – Василий Анатольевич поднялся и направился к двери. Валентина Николаевна последовала за ним. Выходя из комнаты, Валентина Николаевна обратилась к дочери: «Леночка, не задерживайся».

Как только родители Лены ушли к себе, Алексей поднялся из-за стола.

- Девочки, давайте перебираться на кухню, пусть мама отдохнет, нам утром предстоит дорога, – он взял блокнот и что-то написал маме. Отдал листочек и начал собирать все, что будут брать на кухню.

- Я думаю, можно ограничиться десертом. Попьем кофе со сладким. А в холодильнике есть мороженное.

- Леночка, тебя не затруднит пойти поставить чайник на плиту? А мы с сестренкой все принесем, – попросил он Лену.

- Хорошо, – Ленка взяла сигарету и пошла на кухню.

- Что ты хочешь мне сказать? Я ведь правильно тебя поняла? Неспроста, ты Ленку отправил. Я тебя, Лешенька, внимательно слушаю. Хотя я даже догадываюсь, что ты мне скажешь. Ты видимо хочешь трахнуть эту малолетку? Ведь так? – Оксана ехидно улыбнулась.

Алексей посмотрел на сестру: «Ой, сестричка, почему ты у меня такая грубая. Я хочу провести с ней немного времени и хочу, чтобы ты нам не мешала. Мы сейчас с тобой пойдем на кухню, ты немного посидишь с нами, а затем пойдешь отдыхать. Договорились? С меня причитается».

Оксана вздохнула.

- Какие слова «провести время» - это что сейчас так называется? А вот на счет того,

что я грубая, это ты не прав. Я вещи своими именами называю. Поэтому хочу дать тебе совет. Не стоит ее трогать. Ленка, девочка впечатлительная, все близко к сердцу принимает. Для тебя это будет ничего не значащая связь, а ее угрызения совести мучить будут. Это она сейчас в невесомости, водочка держит, а проспится? Я не хотела тебе говорить, но коль пошел такой развал, – Оксана замолчала, как бы обдумывая, стоит ли продолжать, – Ладно скажу, а то мучиться буду, что не предупредила. Я с Ленкой одно время делила постель. Не думаю, что после твоего времяпровождения с ней, она будет удобно себя чувствовать. Нам с ней в лагерь выходить, подумай над этим. А там, делай, как считаешь нужным, – Оксана поднялась, давая понять, что разговор окончен. Взяв с собой кофе, сахар, она направилась на кухню, – Мы тебя ждем, – бросила она на ходу.

Пока брат с сестрой вели разговор, Ольга Петровна убрала со стола и обратилась к сыну: «Леша, давай, стол отодвинем, я постель постелю».

Алексей помог матери отодвинуть стол, написал на листочке, чтобы та ложилась отдыхать, взял сладости, сигареты и направился к ожидавшим его девушкам.

Когда он зашел на кухню, девушки хихикали, вспоминая забавные случаи из своей жизни. Лена разливала кофе по чашкам, Оксана курила, сидя на стуле, закинув ногу за ногу.

- Я не лишний, в вашем женском обществе? – поинтересовался Алексей.

Оксана подняла глаза на брата.

- А это с какой стороны посмотреть, – сострила Оксана.

Лена чуть не перевернула чашку, которую подавала подруге.

Оксана пожалела, что сострила, увидев, как Лена вспыхнула при этих словах, и постаралась исправить ошибку. Как ни в чем не бывало, она подвинула стул брату.

- Присаживайся, будем пить кофе, протрезвляться, а то Ленуся пытается начать бить посуду. Бой зеленому змею.

- Ленка, ты только попробуй это пирожное, – она дала подруге пирожное, которое принес брат, – Это мое любимое.

Алексей одобрительно посмотрел на сестру.

- Хотите анекдот к десерту? – не дожидаясь ответа, Алексей начал рассказывать анекдот, при этом ухаживая за девушками.

Леночке намеренно оказывалось больше внимания. Он ее очаровывал своим обаянием, и Оксана поняла, что брат от своего намерения не отказался. За разговорами время летело незаметно. Алексей начал поглядывать на сестру, давая понять, что ей пора отдыхать. Оксана затушила сигарету, зевнула: «Вы как хотите, а я иду ложиться. Надо, немного подремать».

Оксана поднялась, потянулась и направилась к двери.

- Оксана права, пора расходиться, – Лена хотела встать, но Алексей, взяв ее за руку, остановил.

- Давай немного посидим, а то мне что-то спать совсем не хочется, – Алексей мно-

гозначительно посмотрел на Лену. Этот взгляд парализовал ее. Она понимала, что оставаться ей не надо. Что этот человек совершенно ей чужой. Она знала, что мама с отцом не спят, ждут ее. Но она не могла встать и уйти. Природа брала свое.

Алексей встал, не выпуская Ленкиной руки со своей.

- Ты, правда, хочешь уйти? – Алексей приподнял девушку, обнял и накрыл ее губы горячим поцелуем, не дав ей ответить на свой вопрос.

Лена попыталась освободиться от его объятий, но его сильные руки не выпускали ее. Алексей провел рукой по ее спине, ягодицам и девушка ответила на его ласки.

- Иди ко мне, – Алексей сел на стул и усадил девушку к себе на колени.

Все происходило как во сне. Алексей с жадностью накинулся на возбужденную Ленку. Освободив от одежды доступ к плоти, Алексей грубо вошел в нее. Лена вскрикнула от боли и выгнулась, но сильные руки придержали ее. Дав ей свыкнуться с ощущением, он приподнял ее бедра и снова вошел. Сначала движения были медленными. Несмотря на это, каждое вторжение приносило только боль.

- Лешенька, подожди, мне больно, – взмолилась девушка и попыталась освободиться. Но Алексей не выпускал ее. Движения становились частыми и резкими.

- Потерпи, маленькая, еще немного потерпи, – шептал ей парень. И Ленка терпела, она закусила губу от боли и с нетерпением ждала конца этому безумному акту. Несколько минут превратились в вечность. В висках пульсировало. Но вот Алексей резко притянул девушку за бедра и обжег ее плоть горячей струей. От неожиданности Ленка вскрикнула и облегченно вздохнула, почувствовав расслабление своего партнера.

Утолив свое желание, Алексей небрежно поцеловал девушку в щеку: «Спасибо, малыш, теперь, можно и отдыхать», – улыбнулся он. Лена встала, оделась, Алексей, как ни в чем не бывало, закурил сигарету и, развалившись на стуле, с удовольствием сделал затяжку. Выпустив дым, он обратился к растерявшейся девушке: «Поставь чайник подогреть, попьем кофейку на прощание».

Краска ударила Ленке в лицо: «Господи, как он ужасно меня использовал»,– подумала девушка. Она, молча поставила чайник на плиту, затем, повернувшись к Алексею, сказала: «Я думаю, удовлетворила все твои желания? Кофе попьешь сам, мне надо идти», – с этими словами она вышла из кухни и направилась к себе в комнату. Идя по коридору, Ленка чувствовала себя грязной, помойной кошкой, которой попользовались и выбросили на улицу. Подойдя к двери, она остановилась. Ей надо было несколько секунд, чтобы взять себя в руки, чтобы родители ничего не заметили. Лена сделал несколько глубоких вдохов и выдохов, поправила волосы и тихонько открыла дверь.

- Это ты дочка? – тихо спросил мамин голос из темноты, – Тихонько, папа уже спит, – прошептала мама.

- Кто это спит? – удивленно спросил отец.

Лена заулыбалась сама себе: «Какая же я дура, бедные родители не спят, ждут меня, а я шляюсь не понятно с кем, – и вслух произнесла. – Ну, раз вы не спите, может, перекусим чего-нибудь, а то что-то я проголодалась».

- Я тоже, – отец поднялся с кровати и включил свет.

- Вставай мать, хватит спать, завтракать пора, – Василий Анатольевич принялся готовить завтрак.

Лена подошла к матери, которая сидела на кровати, села рядом, обняла ее, поцеловала и сказала: «Мамочка, как я вас с папой люблю. Кроме вас мне никто не нужен».

Валентина Николаевна с недоумением посмотрела на дочь, обняла ее и тихонько спросила: «У тебя все в порядке, девочка моя?». Ленка сильнее прижалась к матери, как будто пытаясь защититься в ее объятьях от окружающего мира. Но эта слабость длилась несколько секунд. Лена взяла себя в руки.

- Почему ты решила, что у меня должно что-то случиться? Наоборот, у меня все очень даже хорошо. Вы ведь со мной, что же может быть плохого? – спросила она, глядя в глаза матери. Затем Лена наклонилась к маме и прошептала ей на ухо, – Ты у меня самая лучшая мама в мире, – взяв маму за руку, Лена потянула ее к столу.

- Идем, поможем папе. Мне так хочется, чтобы мы все делали вместе. Ведь у нас так мало времени осталось. Не успею оглянуться, и свидание закончится.

И это была правда. Время пролетело неумолимо быстро. Все последующие часы она не отходила от родителей. Все утро до самого обеда Лена не выходила из комнаты. Ужасно не хотелось столкнуться с кем-нибудь из вчерашней компании. И когда, находясь в комнате, через дверь она услышала, как контролер вывела Оксану со свидания, а затем ее родных, она с облегчением вздохнула. «И чего это я нервничаю, разве произошло что-то сверхестественное? – успокаивала она себя, – Мимолетная случка, – пошутила она про себя, и сама себе улыбнулась». На этом она отогнала мысли и воспоминания вчерашнего вечера. Лена вся ушла в своих родных.

Третьи сутки подходили к концу. Лена с родителями готовилась к очередному расставанию. Все нервничали, стараясь не показывать это друг другу. Но спрятать это было не возможно. Отец с матерью давали дочери наставления. Лена во всем с ними соглашалась, не желая расстраивать родителей напоследок. Она нервно курила одну сигарету за другой. Мама суетилась, ничего ли она не забыла положить дочке в передачу. И вот, хлопнула дверь в коридоре. К комнате подошла контролер.

- Через десять минут выходим. Прощайтесь, – объявила она и пошла на выход.

Валентина Николаевна, старалась сдержать слезы, но у нее ничего не получалось. Они предательски текли по щекам. Лена подошла к матери, обняла ее.

- Не надо мамочка, а то я вообще с ума сойду. Вы с папой, как только приедете домой, сразу напишите, как добрались. Хорошо? – пыталась она отвлечь мать, еле сдерживая свои слезы. Затем она подошла к отцу, обняла, поцеловала его. - Берегите себя с мамой, – Лена держалась из последних сил. И чтобы не показывать своих слез родителям, она заторопилась.

- Все, мне пора. Я буду всегда вас ждать, – не оглядываясь, она пошла на выход.

Обыск. Ожидание досмотра передачи заняли около часа. Все это время Лена сдерживала рвущиеся наружу рыдания. Казалось, как только она зайдет в зону у нее начнется истерика. «Господи, пожалуйста, смилуйся надо мной. Помоги мне выдержать это все», – просила Ленка.

- Светлинская, выходи, – голос контролера вывел Ленку из оцепенения. Она даже не заметила, что стоит возле открытой двери КП.

«Опять ненавистный лагерь», – подумала Лена и переступила порог.

Зона… Возле КП ее ждала Сережа. Увидев Ленку, она заулыбалась.

- Светлинская! – окрикнула ее контролер, – А передачу, ты мне оставляешь? Забирайте сумки.

Лена автоматически вернулась, взяла сумки.

- Сережа, помоги своей даме, – улыбнулась контролер.

Сережа зашла на КП, взяла оставшиеся сумки и, видя, что Лена сильно расстроена, молча последовала за ней. До самого барака Лена не проронила ни слова. И лишь, когда зашла в жилое помещение, подошла к своему кильдиму, Лена поставила сумки возле прохода и обратилась к Сереже.

- Убери это все, пожалуйста. Я хочу сильно спать, – на большее у нее не хватило сил. Слезы душили до такой степени, что становилось трудно дышать. Лена рухнула на кровать и разрыдалась.

Сережа хотела успокоить свою подругу, но ее остановила подошедшая Леля.

- Не трогай ее сейчас. Пусть поплачет. Лучше отнеси сумки в каптерку (не большое помещение для хранения вещей осужденных) – и это был очень правильный совет.

Ленке просто необходимо было выплакаться, чтобы никто не трогал ее. Вылив всю свою боль в подушку, Лена провалилась в сон.

- Лена, просыпайся, скоро проверка, – Сережа осторожно будила Лену.

Лена зашевелилась, но просыпаться не хотела.

- Не хочу я на эту дурацкую проверку, – капризничала она с просони.

- Вставай, вставай, не вредничай, – поцеловала ее в щеку Сережа.

Ленка потянулась и начала подниматься.

Опять начались лагерные будни. Серые однообразные дни тянулись один за другим. Единственное, что радовало, так это тепло. Солнышко светило и манило под свои лучи.

Администрация усердно с этим боролась, запрещая принятие солнечных ванн. Всячески наказывала за неповиновение, а осужденные усердно старались нарушить этот запрет. Вечная борьба. Иногда, кажется, что все эти законы специально придумывают, чтобы их нарушали.

Очень хочется мне просветить читателя, что такое нарушение в женской колонии.

Нарушения бывают разные – такие же, как и наказание за них.

Когда человека наказывают за драку, кражу, не подчинение администрации – это понятно. Но есть еще такие нарушения, что просто поражаешься, как такое может быть. Такие рапорта пишут, что обхохочешься. Вот, например, фразы из рапортов, «не легально проникла в столовую», это значит, зашла в столовую не со своим отрядом, либо чуть раньше того момента, когда отряд зашел, либо опоздала.

«Находилась в локальном участке без формы одежды», вышла на улицу в вещах вольного образца (домашний халат, спортивный костюм, свитер) и сверху всего этого не одела форменный халат. Попалась на глаза контролеру, и, если у этого контролера настроение не подходящее, тебя вытряхивают из вещей вольного образца, которые забирают, и твои вещички уходят на безхоз (вещь без хозяина), то есть ты их больше не увидишь, плюс рапорт за нарушение режима содержания (17 параграф), попробуй не согласиться с этим, можно еще и неподчинение выпросить.

Закурила на улице в неположенном месте – нарушение. Учитывая, что отведенное для курения место в жилой зоне представляет из себя небольшую беседку, размером 3 на 3 метра – и это на весь локальный участок, в котором находится около 800 человек. Вот и получается, не так стала, не там села, не вовремя сказала. И все это вносится в карточку личного дела. Достаточно одного нарушения, чтобы осужденной отказали в льготах на колонию-поселение или условно досрочное освобождение. Одного нарушения достаточно, чтобы тебя характеризовали как «не стала на путь исправления». А если нарушений несколько, то ты вообще, социально опасный человек для общества. Нарушение есть, и никто не будет разбираться, что это за нарушение, с чем оно связано. Вот и сидят женщины, без всяких перспектив на УДО (условно досрочное освобождение), за пилочки для ногтей, изъятые при обыске. За опоздание на работу, за стирку белья в умывальнике (так как стирать разрешается только в прачке, куда тебя водят раз в неделю). И никого не интересует, что иногда возникает необходимость постирать чаще, чем один раз в неделю. Кстати, мыться в умывальнике тоже не разрешается (я имею в виду полностью). Считают, что одного раза в неделю посещение бани достаточно. Умылся, руки помыл и отдыхай. К чему эта излишняя чистоплотность. Особенно летом начинается усиленная борьба с любителями поплескаться. Ничего, что жарко, люди потеют. Не положено. Вот и получается, что тяжеловато прожить без нарушений. Хотя есть женщины, которые нарушений не имеют, маловато их правда, но есть. Но и это не показатель, что тебя пропустят на УДО. На комиссии тебе могут сказать, «как это нет нарушений, что-то не так, значит приспособилась».

Как я уже писала, с заменой законодательства, льготы вернули всем, только использовать их смогут единицы. Вот и сейчас в лагере происходил ажиотаж. Всех, у кого подошли льготы, предоставляли на комиссии. Только пройти эти комиссии удавалось единицам. К примеру, на этот месяц с лагеря было предоставлено 48 человек. Из них, положительно прошли трое, остальным было отказано, нарушения.

Все-таки что-то не доработано нашими законодателями. Нельзя так с людьми. Иногда хочется кричать, от всей этой несправедливости, которая вокруг тебя. Кричать на весь мир: «Люди опомнитесь, что вы делаете». Тюрьмы переполнены людьми, которые непонятно за что сидят: за украденную курицу, за снятый с веревки пододеяльник или обворованный погреб. Сколько людей ворует из-за того, что хочет есть и накормить свою семью. И причина во всем, бардак в стране. Что тогда говорить за какие-то лагеря. Нас тут и за людей не считают. Бандиты мы.

Хотя самый страшный бандит в нашей стране – это государство. Потому, что оно из нормальных людей сначала делает не понятно кого, а потом этих же людей и обвиняет во всех смертных грехах. Недаром говорят, рыба гниет с головы. И по этому поводу можно писать и писать ... Был бы только толк от этой писанины.

Весна близилась к концу. Погода стала более устойчива. Теплые деньки подбадривают. И как бы там ни было – радуют, даже за этими стенами.

По теплу и жить легче. Легче решить проблемы с сушкой белья после стирки. Не надо думать, что на себя натянуть, чтобы выстоять проверку. Ночами в бараках не надо тянуть на себя все, что имеется из теплых вещей, чтобы не окоченеть до утра. И еще куча всяких «хорошо», когда тепло. Ни холодно, ни жарко, когда нечем дышать, а тепло. Сидишь себе на уличке и наслаждаешься этим теплом. Закроешь глаза, чтобы не видеть, что вокруг тебя, и испытываешь чувство, будто растворился в теплых солнечных лучах. Сидишь и боишься пошевелиться и открыть глаза, вернуться в реальность. Но, увы, глаза открывать приходится, набрав в легкие воздух, и вновь окунаешься в реальность.

Шел второй месяц, как Ленка вышла со свидания. Вроде бы ничего за это время не изменилось. Рабочая зона, жилая зона. Жилая зона, рабочая зона. Те же люди окружали ее. Но что-то ее беспокоило, и она сама не могла понять что. Она стала раздражительной, создавалось впечатление, что в ее жизни что-то происходит, но она не знает, что именно.

Воскресное утро выдалось теплым.

Несмотря на ранний час, солнышко светило и играло своими лучами. Хотя вчерашний вечер был пасмурным и ночью моросил дождь, к утру от него не осталось и следа. Надо было перестирать постельное белье. И во избежание стычек с завхозами и контролерами, такие мероприятия лучше проводить рано-рано утром. Закончив стирку и развесив белье на сушилке, женщины сварили чиф и сели на улице.

- Какая погодка сегодня, все же хорошо, что мы постирали. А то завтра в прачке не продохнешь, – Марина закурила сигарету, сделала затяжку и увидела, как из барака вышла Ленка. Закурив она села на лавочку, возле входа.

- Леля, глянь, Ленке нашей не спится с утра. Что-то она мне не нравится последнее время. Давай позовем ее, пусть с нами чайку попьет, – предложила Марина.

Леля повернулась к бараку и крикнула.

- Ленуська, иди сюда, чего сама сидишь, скучаешь?

Лена повернулась на голос и, увидев подруг, направилась к ним. Подойдя, она заулыбалась.

- С чего вы взяли, что я скучаю? Наоборот, у меня сегодня с утра неплохое настроение. Сережа еще спит, а я вышла покурить. На улице сегодня красота какая. А вы чего сегодня рано поднялись?

- У нас сегодня стирка. Садись, чайку с нами попей, – Леля немного отодвинулась в сторону, уступая место Ленке. Марина подала ей кружку с чифом и спросила.

- Ты мне скажи, у тебя все нормально?

Лена, сделав пару глотков, передала кружку Леле и с недоумением посмотрела на Марину.

- А что у меня должно быть не нормально? – ответила Лена вопросом на вопрос. – Я что, плохо выгляжу? – пошутила она.

Марина заулыбалась: «Да нет, выглядишь ты как раз прекрасно. А вот настроение твое, последнее время, подгуливает. Или я ошибаюсь?»

Лена молчала, как бы обдумывая, что ответить. Затем ответила.

- Честно говоря, я сама не пойму. Вроде бы все хорошо, но ничего не радует. Старею наверно, – заулыбалась она.

- А с Сережей у тебя все нормально, старушка ты наша, – не унималась Марина.

- Да вроде нормально. Не ругаемся, а что еще надо, – Лена допила чиф и поставила кружку.

- Девочки, спасибо за чаек. Сегодня денек будет хороший, может, позагораем? – Лена умышленно переводила разговор на другую тему.

- Ладно, не хочешь говорить не надо. А на счет, позагораем, решим после проверки. Вдруг погода испортится. Идемте в барак, скоро проверка, а мы еще не по форме, – Марина взяла кружки, поднялась и, подавая руку Леле, сказала: «Идемте».

Женщины пошли в барак и разошлись по своим кильдимам. В жилой секции все уже проснулись и готовились к утренней проверке. Все суетились, бегали взад-вперед. Застилали спальные места, выносили лишние вещи в каптерку. Умывались, одевались. Барак был похож на муравейник. Когда Лена вошла в кильдим, Сережа уже проснулась и одевалась. Увидев подругу, она заулыбалась: «Доброе утро. Ты давно проснулась?»

- Давно, – бросила Лена и села на кровать.

Сережа оделась, застелила постель и, глянув на часы, обратилась к подруге.

- Ты что, на проверку идти не собираешься?

Лена вздохнула: «Собираюсь, конечно», – она поднялась и стала застилаться.

Видя настроение подруги, Сережа взяла сигарету и пошла на улицу.

«Хорошо, когда тебя понимают без слов», – подумала Лена, когда Сережа ушла. Одеваясь, она старалась настроить себя на хорошую волну. «Сейчас пройдет проверка и можно будет поиграть в нарды на уличке. Там такая погодка чудная. И вообще у меня все хорошо», – Ленка взяла зеркало, подкрасила губки, улыбнулась своему отражению и пошла на улицу.

В локальном участке негде было стать, готовились к построению утренней проверки. Лена вышла на улицу и влилась в толпу осужденных.

Проверка прошла на удивление быстро. Лагерь разошелся по локальным участкам и все занялись своими делами. Одним словом, выходной. Наша четверка отправилась загорать. На солнышке, за разговорами, шутками время шло быстро. Настроение у всех было приподнятое, и даже набеги контролеров, вынуждающие то одеться за 2 секунды, то раздеться, в промежутках их отсутствия не портили день. Ближе к вечеру, в локальный участок принесли магнитофон и, поставив его на улице, устроили, своего рода дискотеку. Кто-то танцевал, кто-то наблюдал за танцующими. Осужденные разбились на небольшие группы. Велись оживленные разговоры. Женщины расслаблялись, сидя на воздухе, покуривая и попивая чаек.

Глядя на такие мероприятия, я всегда смотрела на этих женщин с сожалением. Сколько женщин разных возрастов проводит свои годы в этих стенах. Они лишены своих семей, мужей, детей. Лишены ласки, любви, тепла. Как им хочется любить и быть любимыми. И не имея такой возможности, лишенные этого, они пытаются скрасить свое существование в этих стенах, создавая однополые семьи. Некоторые уродуют себя, изображая сильный пол, пряча все женское, данное природой, под мужскими стрижками, мужскими походками, жестами. Другие, стараются реализовать свои нерастраченные чувства, подарить свое внимание, свою теплоту этим мужеподобным женщинам. И как бы мы не старались обмануть природу, все мы в глубине души женщины. Несчастные женщины, которые лишены здоровой, нормальной жизни. И это ужасно.

Ленка с Маринкой сидели рядышком и, наблюдая за танцующими, по-женски обсуждали окружающих.

- Смотри, Валюха, сегодня целый вечер возле Кузи крутится. Танцевать ее тащит, глазки горят. Ты только посмотри, как она перед ней извивается, – нашептывала Марина подруге.

- Дура, вот и извивается. У Кузи половина (половинами называют женщин, которые сожительствуют) в той локалке. Узнает, Вальке быстро мозги на место поставит, – сделала вывод Ленка.

- Таких половин у Кузи по всему лагерю. И ничего, никто, никому претензий не имеет. Одно хорошо, что от этого дела детей нет. А то Кузе денег, заработанных на отоварку (приобретение продуктов питания в магазине, по безналу, который находится на территории колонии) не хватило бы, все бы на алименты шло, – девушки захихикали.

- Вот уже сороки неугомонные. Вам оно надо? – вмешалась в разговор Леля.

- Пусть посплетничают. А то им так скучно сидеть будет, – остановила Сережа Лелю.

- Давай лучше чифа попьем. Я пойду, сварю, – предложила она.

- Идем в барак, ты чаек сваришь, а я сигареты возьму. Марина, мы с Сережей отлучимся на пару минут, – Леля поцеловала Марину в щеку и направилась с Сережей в барак.

Как только девушки остались одни, Лена обратилась к Марине.

- Мариночка, мне надо с тобой посекретничать. Только дай честное слово, что даже Леле ничего не скажешь, – она взяла Марину за руку и ожидала ответа.

Марина сразу даже растерялась. Что же это за секрет такой, что даже Леле сказать нельзя. Ведь Ленка прекрасно знает, что с Лелей она делится буквально всем. Но у Лены был такой просящий взгляд, что Марина пообещала ничего не говорить Леле.

- Знаешь Мариночка, я по-моему беременна, – серьезно сказала Лена.

- От Сережи, что ли? – прыснула Марина, но увидев, что Лена не шутит, осеклась.

- Что ты несешь, Ленуся. Кто беременная? – Марина с недоумением смотрела на подругу.

- Я бы сама с удовольствием посмеялась, если бы это была шутка. Я позавчера ходила к гинекологу, 7 недель. Сначала я думала у меня задержка, но когда все слишком долго задержалось, пошла к врачу, чтобы не терзать себя сомнениями. И что теперь делать не знаю, – Ленка вздохнула и смотрела впереди себя отсутствующим взглядом.

Марина смотрела на Ленку с открытым ртом. Ленка беременная. Это не укладывалось у нее в голове. Вот это новость, так новость. Марина была ошарашена. Лена глянула на удивленное лицо Марины.

- Рот закрой, а то ворона влетит, – улыбнулась она, – Такое впечатление, что ты первый раз услышала, что женщина может быть беременной. Наконец Марина обрела дар речи: «Да нет, знала. Но никак не думала, что это на тебя распространится. И когда ты только успела, прям ребенка зачать. Семь недель, это что на свидании что ли? Почему ты ничего не рассказывала? И зачем же сразу ребенок? Или это у тебя запланировано было?», – засыпала Марина подругу вопросами.

- Ну что ты несешь? Что запланировано? Я сама не знаю, как это все получилось. До сих пор в себя прийти не могу, – возмутилась Лена.

- А родители знают? – поинтересовалась Марина.

- Еще нет. Да откуда они могут знать, если я сама, только об этом узнала, – возмутилась Лена.

- Кроме тебя и гинеколога этого не знает никто. И я надеюсь, пока не узнают, – добавила Лена, видя, как к ним направляются Леля с Сережей.

Марина, поймав взгляд подруги и увидев, что к ним идут, спросила: «А ты уверена, что не надо никому говорить?»

- Уверена, – отрезала Лена.

- Как знаешь, – пожала плечами Марина, – И как ты собираешься это скрыть? – удивилась она.

- Все. Поговорим на другую тему, – тихонько попросила Марину Лена.

- А вот и наши дамы с чаем. Присаживайтесь. Нам уже скучно без вас, – беря у Сережи кружку с чифом, произнесла Ленка и подвинулась, уступая место подругам.

Начали пить чай, наблюдая, за танцующими. Шутили, смеялись. Ленка все время острила и даже несколько раз порывалась вытянуть танцевать Сережу. На что та отшучивалась и усаживала Ленку себе на колени. Вечер подходил к концу. Время близилось к «отбою».

- Лелечка, может, пойдем уже, помоемся и отдыхать будем. Завтра рабочий день, – шепнула Марина Леле.

- Пойдем, пусть Ленка с Сережей порезвятся еще. У Ленуськи давно такого настроения не было, – Леля взяла Марину за руку и поднялась, – Девочки, мы вас покидаем, пойдем отдыхать, – распрощалась она с подругами и, обняв Марину, повела ее в барак.

- Мы тоже сейчас пойдем, – бросила им вслед Сережа. – Да, Ленуся? – спросила она Лену, сидевшую у нее на коленях.

- Конечно, пойдем, раз ты со мной танцевать не хочешь, – Ленка игриво надула губки.

- В следующий раз обязательно потанцуем, – поцеловала Сережа Ленку в шею.

- Не подлизывайся, – шутя, оттолкнула ее Ленка.

- Давай покурим и пойдем уже, – предложила Лена.

Сережа достала из кармана сигареты и дала Ленке.

Еще немного посидев, покурив, перебрасываясь шутками, девушки пошли в жилое помещение, готовиться ко сну.

Когда Марина с Лелей, помывшись, пришли в свой кильдим, Леля, расстилая постель, спросила Марину: «Что это Ленка наша сегодня целый вечер с ума сходила? Ты не заметила?».

Марина вздохнула, когда речь зашла за Ленку, но вспомнив обещание, данное Ленусе, как ни в чем не бывало, ответила: «Молоденькая, вот и резвится». Если бы кто только знал, какого труда стоило ей сохранение этой «тайны» от Лели, от которой никогда, ни в чем, не было никаких тайн. А Леля, хорошо зная Марину, заметила, что та ей чего-то не договаривает. Но вопросов никаких не задавала. Знала, что если надо, Марина сама все расскажет. Поэтому не торопила ее. Расстелив постели, Леля с Мариной легли и, ожидая «отбоя», потихоньку вели разговор. В жилую секцию зашла завхоз и объявила: «Девочки, просчет, все по спальным местам».

В помещение вошла контролер, пересчитала осужденных и вышла, потушив свет.

- Мариночка, иди ко мне, – шепнула Леля.

Марина быстро шмыгнула к Леле под одеяло.

- А курить не пойдем? – обнимая подругу, спросила Марина.

- Пойдем, только попозже, – и Леля накрыла Маринины губы поцелуем. Он был долгим и нежным.

- Лелечка, родненькая моя, еще не спит никто, – пыталась остановить подругу Марина.

- Ну и что, пусть не спят. Я хочу любить тебя сейчас, а не выжидать, когда все уснут, – шептала Леля, продолжая ласкать свою любимую женщину и покрывая ее поцелуями.

- Ну, подожди секундочку, я хоть простынь повешу, а то сглазят, – игриво отстранилась Марина.

Она приподнялась и закрыла свое гнездышко от посторонних глаз.

- Так мне спокойней, – Марина отдалась объятьям своей любимой.

Окружающее перестало существовать. Тела полностью отдались чувствам, превратившись в единое целое, в единое дыхание, в единый ритм сердца. Несмотря ни на что, ни на какие преграды и неудобства, это была постель любви. Женщины не просто утоляли свою страсть, они любили друг друга, чувствуя друг друга каждой клеточкой своего тела. Они шептали друг другу слова любви и слова благодарности

за чувства, которые испытывали. Тела исполняли танец любви, страсть все сильнее и сильнее захватывала любящих друг друга женщин. И в награду за эту любовь, каждая испытала бурный как вулкан оргазм. Обессиленная от приятной усталости, Марина положила голову на плече, восстанавливающей дыхание подруги. И поглаживая дрожащей рукой животик любимой прошептала: «Если бы ты знала, как я боюсь тебя потерять».

Леля обняла свое сокровище.

- Пока бьется мое сердечко, оно будет принадлежать только тебе. Ты, это моя жизнь, – и она говорила правду.

Марина прижалась к любимой, стараясь раствориться в ней. Поцеловала ее и уснула в объятьях любимой. Услышав равномерное дыхание подруги, Леля сама провалилась в сон.

Во сне она бежала по зеленому лугу, на котором росли маленькие, белые цветочки. Она бежала все быстрее и быстрее. Ее тело испытывало такую легкость, что она оторвалась от земли и плавно полетела. Полет захватывал дух. Леля летела над землей как птица, пролетая реки, поля, дома. Внизу копошились люди. А она летела и наслаждалась легкостью своего тела. Но вот откуда-то в небе раздался голос: «Тебе пора возвращаться». Но я не хочу, мне так хорошо сейчас, запротестовала она. Но голос становился все настойчивей.

- Зимина, проснитесь! Как это называется?

Леля и Марина одновременно открыли глаза. Возле них стояла контролер, Надежда Анатольевна. В секции горел свет.

- Зимина, Терехова, вы что, не знаете, что каждая осужденная должна находиться на своем спальном месте? Вы хотите, чтобы я написала рапорт, и вас наказали? – Надежда Анатольевна чеканила каждое слово и ехидно улыбалась.

Марина хотела встать, но Леля остановила ее: «Лежи, – и, прикрыв простыней свою наготу, поднялась, села на кровать, глядя сонными глазами на контролера, спокойно ответила, – Анатольевна, мы все прекрасно знаем, что спать вместе нельзя. И очень стараемся придерживаться этих правил. А сегодня, я так увлеклась своей женщиной, мы так измотались, что случайно уснули. Я думаю, вы, как понимающая женщина, простите нам этот грех. Ведь в режиме содержания нет такой оговорки, что любить друг друга нельзя. В данной ситуации наша ошибка в том, что мы сделали это лежа, а не стоя. Ведь если бы вы застали нас при занятии сексом стоя, нас бы не за что было наказать? И я очень надеюсь, что вы нам простите», – Леля наигранно опустила глазки.

Надежда Анатольевна залилась краской.

- Ложитесь спать, каждая на свое спальное место. А то я вас посчитать не могу, – бросила она и пошла считать осужденных. Посчитав, она вышла из секции и выключила свет.

- Ты с ума сошла, такого ей наговорила, – прошептала Марина.

- Ничего такого я ей не сказала. Прекрасно знает, почему мы в одной постели, и задает глупые вопросы. Ей хотелось, чтобы мы растерялись, начали придумывать

какие-то небылицы. Так бы она уверенно себя чувствовала. А так как я сказала ей правду, по-моему, ей самой неудобно стало, что она влезла в чужую постель. Да и чего бояться, мы что, преступление какое совершили? А рапортом больше, рапортом меньше, никакой роли не играет. Мы с тобой все равно до конца сидим. Одно хорошо, что конец не за горами. Полгодика потерпеть осталось и распрощаемся с этими стенами. Ты чуть раньше правда, но главное, что это все закончится и никто не будет тебе свечку держать.

- Да моя хорошая? – закончила Леля.

- Да…, полгода. Когда они только пройдут, – вздохнула Марина.

- Через полгода и пройдут. Все, давай спать. Скоро уже подъем будет. Спокойной ночи, – пожелала Леля.

- Спокойной, – зевнув, ответила Марина. И обе погрузились в прерванный сон.

Ночной просчет зоны закончился, а Надежда Анатольевна, все еще в душе возмущалась, как она посчитала, наглостью этих женщин. Об этом инциденте она ни с кем делиться не стала. Одно воспоминание тона Зиминой, каким она разъясняла, чем они занимались, бросало ее в краску. «Наглая, дерзкая женщина, – возмущалась она в душе, – Но ничего, мы еще не раз увидимся, – успокаивала она себя. – И не стыдно же заниматься чем попало, – не могла она утихомирить себя». Ей было не понятно, что и здесь может существовать такое чувство, как любовь. Что здесь находятся люди, которые стараются продолжать жить.

На следующий день, после рабочей смены, Марина не в силах больше носить в себе Ленкину тайну, все рассказала Леле. Леля, выслушав все Маринины причитания, по этому поводу спокойно сделала вывод.

- Ну и ничего страшного. Сообщит родителям, и я думаю, они помогут ей разрешить вопрос – рожать ей или делать аборт. И не стоит из этого раздувать такой огонь. Ленка хоть и молодая, но женщина, а женщины рожают детей. Другой вопрос, желанные это дети или нет. Все же не хорошо, когда дети появляются на свет, когда их не хотят. А сейчас ни тебе, ни мне не стоит давать ей никаких советов. Пусть сама сначала разберется, как ей поступить.

Марина, обдумав все, что ей сказала Леля, не успокаивалась.

- Нет, Лелечка, такие вещи на самотек пускать нельзя. Я думаю, тебе все же надо поговорить с ней. Хотя бы скажи ей все, что мне сказала, – нервничала Марина.

- Я ей ничего говорить не буду. Если хочешь, поговори с ней сама. Ведь она это тебе доверила, – убеждала Леля подругу.

- Ладно, я поговорю, только было бы намного лучше, если бы ты говорила с ней. У тебя это лучше получается, – не унималась Марина, но все же, согласилась с Лелей.

Пока подруги обсуждали Ленкино положение, Лена написала письмо родителям и попросила их срочно приехать на свидание. Сама она решение принять не могла. Но одно она знала твердо, даже если этот ребенок появится на свет, он будет расти без отца.

Через две недели к Ленке на краткое свидание приехала мама. Услышав от Лены

новость, Валентина Николаевна сразу даже не нашла что ответить. Понимая всю серьезность положения и состояния дочери, Валентина Николаевна начала успокаивать взволнованную дочь.

- Ну что ж, раз уж так случилось, рожай дочка, вырастим с Божьей помощью. Ничего, будем с отцом внука или внучку нянчить. А этому молодому человеку не хочешь ничего сообщить? – осторожно спросила она дочь.

Лена даже в лице поменялась при упоминании Алексея. И решительно ответила.

- Нет, мама. Мне этот человек не нужен, это однозначно. И я очень тебя прошу, давай больше никогда не будем возвращаться к этой теме. Понимаешь, мне неприятно одно воспоминание об этом, – Лена замолчала и смотрела в пустоту не видящим взглядом. Затем, как бы очнувшись, она посмотрела на мать глазами, полными слез.

- Мамочка, прости меня, пожалуйста. Я сама не знаю, почему у меня в жизни все так. Я вам с папой столько беды принесла. А теперь еще и это, – Лена начала плакать, как маленький ребенок, которого сильно обидели. Крупные слезы текли по щекам, она всхлипывала, не в силах больше держаться.

Валентина Николаевна растерялась. Она смотрела на дочь и не знала как себя вести. Ее единственное дитя страдало, и это было самое страшное для матери. Как ей хотелось в эту минуту обнять дочь, прижать к вырывающемуся из груди сердцу. Утешить ее в своих руках. Но она не имела такой возможности, так как их разделяло стекло.

Контролер, которая присутствовала на свидании, сразу даже не нашлась, как поступить. Она смотрела то на мать, бледную, как стена, то на Ленку, которую знала, как общительную девушку, создающую своим поведением впечатление, что «жизнь без проблем».

И здесь на свидании, присутствуя при всем разговоре, недавно работающая контролером Верочка (как между собой называли ее осужденные), была так растрогана, что чуть ли сама не пустила слезу. Но она была при исполнении и не имела права поддаваться эмоциям. Благо, что на свидании больше никого не было.

Верочка хлопала своими огромными глазами, не зная, что предпринять.

- Светлинская, возьмите себя в руки, иначе я буду вынуждена прекратить свидание, – не решительно сказала она.

- Леночка, дочечка моя любимая, успокойся, не надо плакать, – пыталась утешить дочь Валентина Николаевна. – Все будет хорошо, вот увидишь. Как раз сейчас, тебе никак нельзя волноваться. Ничего страшного не произошло. Ты ведь не одна. Мы с папой еще живы, слава Богу, поможем всем, чем надо. Успокойся доченька, прошу тебя, – мать умоляюще смотрела на дочь. Ее состояние было близко к обмороку, но сейчас, она не имела права поддаться этому.

Лена, прекрасно понимая, что своими слезами причиняет матери боль, всеми силами старалась успокоиться. И с трудом ей это удалось.

Когда Верочка выводила Валентину Николаевну с комнаты свидания, при выходе мать приостановилась, повернулась к дочери и заботливо произнесла: «Береги себя и свою крошку», – с этими словами она вышла.

Лена осталась на пару минут сама.

- Господи, почему это все происходит именно со мной, – вслух произнесла она.

Когда Ленка вышла в зону, голова раскалывалась. Она чувствовала себя как выжатый лимон. Зайдя в локалку, она увидела Марину и направилась к ней.

Марина, увидев заплаканную Ленку, пошла ей на встречу.

- А вот слезы, это лишнее, – первое, что сказала Марина, подошедшей подруге.

- Дай мне сигарету, а то я не взяла с собой, – попросила Лена.

Марина достала сигарету и протянула Ленке.

- А вот курить, тебе желательно бросить,– Марина осеклась, напоровшись на Ленкин убийственный взгляд.

- Молчу, молчу. Кури на здоровье, – развела Марина руками.

- Идем, на лавочку сядем, покурим, – предложила Марина, – и не обязательно сейчас что-то рассказывать. Я уверена, что все нормально. А как только ты будешь в нормальном состоянии, тогда и поговорим. И давай сядем поближе к сушилке, а то у меня там вещи сохнут, присмотреть надо, чтобы не «усохли», – Марина улыбнулась и подмигнула Ленке, – Идем.

Девушки направились в сторону сушилки.

Уже по дороге Марина начала что-то рассказывать Ленке, старалась ее отвлечь, но Лена ничего не слышала, она была полностью погружена в свои мысли. Марина делала вид, что не замечает этого и щебетала про всякую ерунду.

Лена докурила сигарету, выбросила окурок и, вернувшись в реальность, сказала: «Знаешь, Мариночка, я твоей Леле немного завидую, что у нее есть такая подруга, как ты». Марина улыбнулась, обняла Ленку за плечи и тихонько ответила: «Зависть, это не хорошая черта. От нее одни беды. Хотя, иногда, я тоже завидую самой себе, что в этих стенах я встретила Лелю. Если бы не она, я бы с ума здесь сошла. Ты же сама видишь, какие здесь люди. Нормальных людей совсем мало».

- Это точно, – с сожалением сказала Лена, затем, немного помолчав, твердо сказала, – Марина, я буду рожать, – она посмотрела на подругу, – Ты думаешь это не правильно? – спросила Лена, ожидая ответа.

Марина задумалась, а потом ответила: «Как я могу сказать тебе, правильно это или нет. Ответ на этот вопрос ты должна знать сама. Как тебе сердце подсказывает, так и поступай. Ведь это будет твой ребенок, и вся ответственность за его судьбу ляжет на тебя. Единственное, что я хочу тебе сказать, так это ты должна взвесить все за и против, прежде чем что-то окончательно решить. Ты ведь уже не маленькая. Или я не права?».

Девушки опять замолчали, думая каждая о своем. Затем Лена поднялась и, положив руку Марине на плече, сказала: «Ладно, хватит об этом. Пойду поваляюсь, а то у меня сильно голова болит. Если я вдруг усну, не забудь меня на проверку разбудить». И Лена направилась в барак.

«Хоть бы Сережи в кильдиме не было. А вечером надо будет с ней поговорить»,–

подумала Лена, заходя в жилую секцию.

К ее разочарованию, Сережа сидела в кильдиме и читала книгу. Увидев Лену, она подскочила, чмокнула ее в щеку.

- Ну как отсвиданничала? – задала она вопрос.

- Нормально все, – отстранила Лена Сережу.

- Голова у меня сильно болит.

- Так, может, в санчасть сходим, выпьешь, что-нибудь? – не унималась Сережа.

Лена села на кровать и устало ответила.

- Нет, не хочу я никакой санчасти. Лучше я, немного поваляюсь, – ответила Лена и легла, закрыла глаза, погрузившись в свои мысли. И ей было о чем подумать.

Выносить и родить ребенка в этих стенах здоровым и полноценным, решиться на такой шаг здравомыслящей женщине очень сложно. Ведь много значит, какая среда окружает беременную женщину, в какой атмосфере она будет носить под сердцем свою крошку. Все негативные явления, бесспорно, очень пагубно влияют как на будущую маму, так и на ее не родившегося малыша. А здесь, за высоким забором, каждая из осужденных находится в неблагоприятной атмосфере.

Представьте себе огромное скопление отрицательных эмоций, скопление всех человеческих пороков воедино. Все, что в нашей жизни есть плохого, все это здесь, в лагерях. И в таком винегрете будущей матери предстоит выносить под сердцем свою крошку. Лично я никогда не решилась бы на это, ни при каких обстоятельствах.

Представьте себе зоопарк. Животных держат в клетках. Их кормят, ухаживают за ними. И не смотря на всю проявленную заботу к ним, они тоскуют в клетках. Тоскуют по воле. И какие бы ни были условия в клетках, ни одно животное не смирится с этим.

Вы когда-нибудь заглядывали в глаза животного, которое находится за решеткой? Если нет, то загляните при случае. Сколько вы увидите там боли и тоски. Теперь представьте такую картину – всех зверей, которые находятся в зоопарке, садят в одну клетку. Что будет происходить в этой клетке? Вот такие клетки представляют из себя наши колонии для осужденных. Как вы думаете, есть гарантия в таком болоте выпустить на свет полноценное дитя? А если у будущей мамы еще срок не маленький, то невинная крошка будет находиться в этой клетке вместе со своей мамой первые годы своей жизни. Это страшно. Жаль только, что никто, никогда об этом не задумывается или не хочет задумываться, а зря.

Сережа, тихонечко прикоснулась к спящей Ленке.

- Леночка, надо вставать, скоро проверка, – от прикосновения Лена вздрогнула.

- Что? Уже проверка? – Лена нехотя поднялась и стала собираться на проверку.

Вечер пролетел быстро. И когда объявили «отбой», Ленка была уже в постели. Она просматривала какую-то газету, но это лишь для того, чтобы создать видимость занятости. На самом деле, ей просто не хотелось ни с кем разговаривать.

Сережа весь вечер пыталась как-то растормошить Ленусю, но у нее ничего не получилось. Лена всем видом давала понять, что ей сейчас общаться не хочется. И когда легли спать, Сережа попыталась сделать еще одну попытку поговорить с Леной.

Как только контролеры просчитали осужденных, Сережа подошла к Ленкиной кровати.

- Пустишь под крылышко? Лена нехотя приподняла одеяло и подвинулась, освобождая место. Сережа легла рядом, обняла подругу и нежно поцеловала Ленусю в шею. Лена напряглась. И почувствовав это, Сережа прошептала: «Леночка, что с тобой происходит? Может что-то не так с моей стороны?», – Сережа ожидала ответа, поглаживая Ленусю. В нежных руках подруги Ленуся начала расслабляться. Ее тело отвечало на ласку. Все мысли переживания последних дней уходили на задний план. Ленка полностью отдалась своим ощущениям. В эту ночь она отдавалась Сереже вся, до последней капельки. Слишком долго она находилась в напряжении. Организму необходима была разгрузка. И сейчас она просто таяла в руках партнерши. Сережа неустанно ласкала подругу, покрывала ее тело поцелуями, шептала ей нежные слова. И в награду от Ленуси получила бурный длительный оргазм.

Как только Ленусе удалось немного восстановить дыхание, она нежно прижалась к Сереже, поцеловала ее и, положив голову ей на плече, тихонечко произнесла.

- Сереженька, ты меня извини, что я такая противная последнее время, – Лена замолчала, обдумывая как все объяснить. И как бы ей не хотелось затрагивать эту тему, говорить было просто необходимо. Надо было, чтобы Сережа знала, что с ней происходит. Немного помолчав, Лена продолжила.

- Не знаю, поймешь ты меня или нет, но ты все равно должна знать. Когда я ходила на свидание, длительное, то по глупости своей, – Лена опять замолчала, но Сережа пришла ей на помощь.

- Я так подозреваю, что у тебя там был мужчина? – спокойно произнесла она.

- Откуда ты знаешь? – удивилась Лена

- Ни откуда, просто подумала так. Ты вела себя не так как обычно. Я думаю, родители не могли так повлиять на тебя. Если бы кто-то из наших, думаю, ты бы мне рассказала. Вот и остается, что возможно это мужчина. Но ты напрасно мне сразу не рассказала, что я не человек и не понимаю, что жизнь берет свое. Женщина спит с мужчиной – это нормально. Или я не права? А ты считала, что я тебе сцену ревности закачу, да?

Лена, вздохнула выслушав подругу.

- Я не знаю, чего я ожидала. То, что женщина спит с мужчиной, может это и нормально, но то, что у меня это было, совсем не нормально. Но это еще не все. После этого, «ненормально», я еще и залетела. Вот так.

Услышав такую новость, Сережа сразу не нашлась, что ответить. Как-то не укладывалось, что ее Ленка и беременная.

- Ну, что ты молчишь? – занервничала Лена.

- Я не молчу, я пытаюсь воспринять услышанное, – помолчав, она добавила, – Это

единственная причина твоего настроения? Если только это, то я думаю, не стоит из-за такой ерунды портить себе нервы.

- Из-за чего? Из-за ерунды? И ты считаешь, что это ерунда? – Ленка чуть не задохнулась от возмущения.

- Тихо, тихо, успокойся, – Сережины губы накрыли поцелуем, возмущающийся Ленкин ротик. – Ну вот. Так лучше, – прошептала Сережа, затихшей подруге, – Конечно же, это не ерунда, но если это произошло, то большой трагедии из этого не стоит делать, – Сережа обняла и поцеловала Ленусю. – А теперь давай спатки ложиться, а то завтра на работу, – посмотрев на часы, она добавила, – Вернее сегодня, через два часа подъем. Пару часов можно вздремнуть. – Ложись удобненько, а я пойду к себе лягу.

Сережа поднялась, укрыла Ленку и легла к себе. До утра она так и не уснула. В голове был настоящий каламбур. Она никак не могла воспринять, что Ленка беременная. И хотя Ленусе она говорила, что ничего страшного нет, на самом деле она так не думала, и для этого было много причин.

Что такое «мамочка» в лагере, Сережа имела представление.

«Мамочками» называли беременных женщин в колонии и женщин, родивших деток в тюрьмах и лагерях, при которых находились дети до трех лет.

На территории колонии располагался ДМР (дом матери и ребенка), куда мамы ходили по пропускам к своим детям на кормление и прогулки. Сами мамы находились в лагере, вместе со всеми осужденными, только у них был отдельный отряд. Во-первых, Ленку переведут к «мамочкам», а их отряд находился в другом локальном участке, рассуждала Сережа. Во-вторых, если Ленка родит, то все внимание она будет отдавать тому существу, которое родится, а я уйду на задний план, это в лучшем случае. Если она вообще будет во мне нуждаться, а к этому Сережа совсем не привыкла. А когда Ленка будет ходить брюхатой, ей естественно надо будет уделять внимание. Ой, как же это все некстати, размышляла Сережа. Все эти мысли не давали ей сна. Сережа ворочалась, несколько раз вставала курить.

Дело в том, что Лена для Сережи была очередная подружка, не более. С Леной было удобно во всех отношениях. А сейчас, это все могло рухнуть.

«Ну что ж, время покажет, как оно все будет. Чего заранее себе голову ломать. Чего это я тревогу забила. Если что-то с Ленкой у меня и разладится, думаю, замену я ей всегда найду», – успокаивала себя Сережа.

И она была права. Желающих обзавестись партнершей в мужском облике было предостаточно.

Как Сережа и предполагала, время все расставило на свои места. Ленку перевели в другой отряд. У нее появился другой круг общения. Поначалу, то Лена, то Сережа ходили друг к другу в гости, но со временем эти визиты становились все реже и реже. И в конечном итоге, прекратились вообще. Единственными, с кем Ленка не прекращала поддерживать отношения, были Марина с Лелей.

К ним она шла со всеми своими проблемами. Плохо, хорошо ли, она шла к ним. И ее, в свою очередь, не оставляли без внимания.

Первую половину беременности Лена проходила, можно сказать, без проблем. Не считая жару, которая выматывала. Лето в этом году выдалось жарким и сухим. В бараках дышать было не чем. Воздух был настолько тяжелым, что казалось прилипал к телу. Помещения толком не проветривались. Так как окна в бараках не открывались, они наглухо замурованы, свежий воздух поступал в жилую секцию, где находилось около ста человек, через пару форточек. Духота выматывала всех. Правда у «мамочек» секция была небольшая, человек 30, но это не спасало от жары.

Частенько утром Лена просыпалась с головной болью, но старалась не придавать этому значения. Что поделаешь, не дома находимся, успокаивала она себя. Не смотря на то, что ее беременность была, можно сказать, случайной, не запланированной, Лена относилась к ней бережно. Она всю себя посвящала еще не родившейся крошке. Ленка полностью отказалась от вредных привычек, чем многих удивила. Она старалась питаться, по мере возможности, калорийно. Благо папа с мамой регулярно навещали дочь. Одно, с чем Ленке тяжело было бороться, так это, нервы. Как ни старалась она держать себя в руках, как ни убеждала себя, что не стоит обращать внимание, ни на что, все было бесполезно. А все началось с того, что одна из «мамочек», Оля Звягенцева, родила мертвого мальчика. Этот случай настолько произвел на Ленку впечатление, что она никак не могла выбросить это из головы. Ее постоянно преследовали мысли: «А вдруг и со мной, такое произойдет». Лена надоедала гинекологу своими частыми визитами и вопросами о том, а все ли у нее нормально? А тут еще начались массовые выявления больных туберкулезом, частые вспышки дизентерии. Да и машина «скорой помощи» стала чуть ли не ежедневным посетителем колонии. И если раньше, на все это Лена внимания не обращала, то сейчас она находилась в постоянном напряжении, постоянно ожидая, что какая-то гадость может прицепиться и к ней. Всеми этими переживаниями она делилась в письмах и на свидании со своими родителями. На что отец с матерью старались ее утешить. Мама всячески пыталась убедить дочь, выбросить дурные мысли с головы, что так думать, не только не желательно, а и не безопасно. И как Лена не боролась с собой, она была бессильна.

Лето подходило к концу. С одной стороны, это радовало, так как закончился сезон прожарки. С другой стороны, было жаль, что не за горами зимний период.

Как-то за пределами этого учреждения все времена года воспринимаются по-другому. Весна прекрасна своим пробуждением. Лето – своим теплом и великолепием красок, осень – изобилием, зима – снегами, крещенскими морозами и новогодними праздниками.

Здесь же, все искажается, как в королевстве кривых зеркал. Не только природные явления, но и все человеческие качества искажены до такой степени, что иной раз невозможно подобрать определение, как назвать тот котел, в котором мы варимся все те годы, что вынесены нам судьями в виде лишения свободы.

Интересно, знают ли эти судьи, сколько судеб и безвинных семей страдает от этих приговоров? Ведь срок наказания получает не только осужденный, но вся его семья. Страдают его близкие люди, а самое страшное – дети. Наверно нет такого ребенка, на котором бы не отразилось пребывание его родителя в тюрьме. Это, безусловно, отражается не только на психике ребенка. А ведь дети – это наше будущее. Какое же будет это будущее, если наше поколение растет с искалеченными душами.

Почему, вынося приговоры, никто не задумывается над этим? Ну вот, я опять начала задавать вопросы, ответов на которые нет.

Как я сообщала читателю, слишком участились различные заболевания. И причиной всему этому была не своевременная медицинская помощь. Туберкулезом заболевали все больше и больше людей. Не своевременная изоляция больных туберкулезом давала возможность инфекции беспроблемно поражать все новые и новые организмы. И это происходило с удивительной скоростью.

Истощенные, безвитаминные организмы были беззащитны противостоять, нагло разгулявшейся болезни. И чего было ей не разгуливать, если для этого были созданы все условия. Столовая, бытовые условия были прекрасной почвой распространения заразы. И если возникали какие-то жалобы по поводу медицинского обслуживания, администрация отвечала однозначно: «Больные на свободе, а преступления совершают здоровые». Больным в лагере считался тот, кто не в состоянии уже передвигать ногами. А пока ты еще можешь ползти, ты полон здоровья. А так как женщины народ выносливый, то ничего страшного, что поболеют чуть-чуть. Не на курорте, ведь срок, вынесенный приговором необходимо отрабатывать на благо (не знаю чего, правда). Хорошо, если у осужденных есть помощь со свободы, и родственники передают необходимые медикаменты. В таком случае, есть шанс не загнуться окончательно. А если таковой нет, тогда приходится рассчитывать только на выносливость организма. Как говорят, выживают сильнейшие. А что делать, если колония не располагает средствами обеспечить больных медикаментами. Какие могут быть лекарства, если медикам зарплату платить нечем. В лагере три с половиной врача – терапевт, дерматолог, нарколог-психиатр и гинеколог на полставки. Каждый из которых принимает по всем заболеваниям (специалисты широкого профиля). Был еще инфекционист, но с недавних пор исчез. И пополнить штат таким врачом, как инфекционист, администрация не торопится, а в лагере сотни больных со СПИДом и ВИЧ-инфекцией. Видно считают, что доктор с такой специальностью не обязателен. Да и зачем специалисты. Выводя осужденных со свидания или вновь прибывшие этапы (пополнение с тюрем, прибывшие отбывать наказание), на кресле может любая медсестра посмотреть, чтобы чего доброго не занесли ничего запретного в «потаенном» месте. Не понятно, от чего лечимся и чем болеем. И кого винить, что люди потихоньку начинают Богу душу отдавать. Не каждый же день умирают. Все не перемрут, вон их сколько. Треть Украины по тюрьмам распихано. И преступность с каждым годом, к сожалению, не падает, а растет. И расти будет. Так как кушать хотят все, не только правительство, жаль только, что наше государство этого понять не хочет. Сытый голодному не товарищ. Что поделать, что наш народ честно жить не умеет, а жить хочет, и жить не как-нибудь, а хорошо. А так как государство это «хорошо» нам создать не может, или не хочет, приходится брать самим. Не создавать, а именно брать. Ведь создавать нас никто не учил, не умеем мы. А вот взять, это мы можем, нас этому с самых пеленок учили. На наших глазах разворовывалось все государство. Растащили все, что могли. А теперь тащить не откуда, так как госпредприятия функционировать перестали и простому люду стало совсем невмоготу. Для того, чтобы жить, нужны деньги и немалые, а как эти деньги заработать честно, не все умеют. И к этим «не все» относится немало. Но от того, что мы их заработать не умеем, потребности наши меньше не становятся, и аппетит почему-то не пропадает. Вот и решили не умеющие восполнять свою мате-

риальную нехватку старым проверенным способом, воровством. Только воровать начали не на предприятиях, так как таковых почти не существует, а где придется. Как говорится, кто на что гаразд. Кто металл ворует, кто у граждан состоятельных личное имущество, а кто и мелочевкой не брезгует, белье с веревок снимает. Главное, что если попались, сидят все одинаково. Так это только о воровстве, о мелком, кроме воровства, еще целый уголовный кодекс всяких разных статей существует. Но эту тему мы обсуждать не будем. Я и так слишком далеко ушла, пора возвращаться. На чем я остановилась? Ах, да.

Лето подходило к концу, а если быть точнее, то до сентября месяца осталось два дня.

Лена вышла с длительного свидания, на котором была трое суток. Общение с родителями явно пошло ей на пользу. Несмотря на мучительное расставание, Лена чувствовала душевное спокойствие. Уверенность в том, что она не одна, придавала силы. На свидании только и разговоров было за будущего ребенка. Было решено, как только крошка появится на свет, ее сразу заберут Ленины родители. Лена была рада, что отец с матерью ее поддержали в этом. Пройдя обыск и выйдя в зону, Лена занесла сумки с передачей в барак, оставила все в кильдиме и отправилась к Леле с Мариной «в гости». С собой она взяла гостинцев для подруг и пошла преодолевать локальные участки. Благо, смена контролеров сегодня была не плохая, и пройти из локалки в локалку особого труда не составило.

Марина с Лелей сидели на улице за кружкой чифа. Марина увидела Ленку в тот момент, когда она подходила к бараку, и окликнула ее. Ленка оглянулась на голос и, увидев подруг, направилась в их сторону. Подойдя, она чмокнула каждую в щечку.

- А это вам от зайчика. Я на свидании была, только вышла, – улыбаясь, сообщила Ленка, протягивая пакет с гостинцами, присаживалась на корточки возле женщин.

- Приятно тебя видеть в хорошем расположении духа. Рассказывай, что дома новенького? – поинтересовалась Марина. – Как отец с матерью? Они ведь вдвоем приезжали?

- Да, приезжали и мама, и папа – вместе. Дома все нормально. А самое главное, мы с родителями решили, что как только я рожу, мама малыша заберет домой. Мне не хочется, чтобы он здесь был, – Ленка вопросительно посмотрела на подруг.

- А ты сможешь сразу отдать ребеночка? Ведь в самые первые месяца мама ему просто необходима, – удивилась такому решению Марина.

- Думаю, что смогу, я не хочу, чтобы он был здесь. Ты видела деток в ДМРе. Они же все там малоразвитые. Быть постоянно с ребенком, все равно нельзя. Будут пускать только на кормление и часовую прогулку, а все остальное время, он будет находиться с няньками-зэчками. Лучше уж пусть он будет с родными. И мне так спокойней будет, – пыталась объяснить Лена.

- А будет ли спокойно? – не унималась Марина.

- Я думаю, Ленка права, так действительно будет лучше, – вмешалась в разговор Леля. – Не место здесь для детей, пусть даже новорожденных. Я думаю, что если они и не понимают, то обязательно чувствуют, где они находятся. И эти стены обязательно оставят свой отпечаток. Так что я, Леночка, тебя полностью поддерживаю

в этом. Желательно, чтобы твоя мама, крошку твою, прямо из роддома забрала, чтобы ее сюда вообще не завозили, – высказала свое мнение Леля. Затем она накрыла ладонью Маринину руку и обратилась уже к ней, – Просто ты, Мариночка, полностью не осознаешь, насколько это ужасно, что здесь находятся дети.

В душе Марина была никак не согласна, но спорить не стала. Она достала из пачки сигарету и закурила, всем своим видом показывая свое недоумение к такому решению. Видя, что Марина недовольна, Лена не стала ее переубеждать, а решила поменять тему разговора.

- Ладно. Хватит об этом. Лучше расскажите, как вы поживаете? Какие у вас новости? Ведь я вас недели три не видела. Находимся в одном лагере, а с этими локалками, вроде как в разных государствах.

- А как мы можем здесь жить? Как жили, так и живем. Я письмо из дома получила. Дома, слава Богу, все нормально, дочка у меня в первый класс идет, невеста уже. А не путевая мама в тюрьме сидит, – Марина вздохнула и сделала глубокую затяжку. Выпустив дым, добавила, – Она ведь, можно сказать, без меня выросла. Меня закрыли, когда ей два года было. Я ее последний раз на суде видела. Мама вместе с ней была. Оленька, когда меня увидела, стала ручки ко мне тянуть, конвой не пускает, «уберите ребенка», не положено, а она в слезы. Разве дитя понимает, что не положено. Мама начала упрашивать, «дайте она хоть ребенка на руки возьмет», и представляете, один из них, здоровый такой, мордоворот, прыщавый весь, так ехидно, мамке моей говорит: «Слышь, старая, шла бы ты отсюда». Вы бы видели мамочку мою, у нее рот открылся, глаза вылезли от возмущения, сказать ничего не может. Оленька на руках орет. В общем, картина не для слабонервных. Мне браслеты защелкнули и под локотки с зала суда выводить стали. Я в дверях обернулась на мамку, так она так и стояла, не могла с места сдвинуться. Я после этого зрелища, как робот шла, ничего перед собой не видела. А когда в воронок (машина для перевозки зэков) садилась, мне вроде бы какая-то сила голову повернула. Смотрю, мама стоит, только без Оленьки уже. Смотрит на меня так жалобно, жалобно и слезы крупные такие, по щекам текут, – Марина замолчала, ее глаза были полные слез, она смотрела, куда-то вдаль. Лена с Лелей, сидели молча, никто не решался нарушить это молчание. Марина поднесла сигарету ко рту, рука заметно дрожала. Наконец ее взгляд стал осмысленным, она вернулась из воспоминаний в реальность.

- Сама не знаю, что это на меня нашло? Вспомнилось что-то, – как бы извиняясь перед подругами, сказала Марина, вытирая слезы.

Леля обняла Марину за плечи, нежно притянула к себе: «Ничего страшного, у нас у всех такое бывает».

- Все, я ухожу. Я к ним в гости пришла, думала меня чем-нибудь обрадуют. Чаем с конфетами напоят, а они мне страшилки, вместо колыбельной перед сном, – пыталась Лена разрядить обстановку и сменить тему разговора.

- И правда, может чайку сладенького вскипятить? – спохватилась Марина.

- Не надо, это я так, чтобы разговор поддержать за чай ляпнула. Мне и правда пора уже к себе идти, – и, глянув на часы, добавила, – Скоро проверка вечерняя, а у меня в кильдиме бардак. Я как со свидания вышла, сумки с продуктами кинула и к вам.

Надо пойти хоть разобраться. А то я после проверки, хочу лечь сразу, устала я, слишком много эмоций за эти дни. С непривычки, тяжеловато. Все девочки, я побежала, увидимся. Вон локалку открывают, как раз проскочу, – и Ленка упорхнула.

- Может Ленка и права, что так решила, – глядя в след Ленке, сказала Марина.

- Только я бы, наверное, не смогла добровольно отдать дочь, пусть даже родителям. Вот я, почти пять лет свою Оленьку не вижу, и меня это ужасно мучает. В душе, я все равно злюсь на мать, что она мне ее ни разу на свидание не привезла. Видите ли, она не хочет травмировать ребенка. Знаешь Лелечка, мне кажется, что, когда я вернусь домой, моя дочь меня вообще не признает. Ведь ей уже семь лет, взрослая совсем. Скажет мне: «Какая ты мама, я тебя знать не знаю». И будет права. Мамы своих детей растят, воспитывают, а не по тюрьмам сидят. Ведь так? – Марина вздохнула.

Такие разговоры для Лели были очень тяжелыми, и она старалась их не затрагивать. Слишком болезненна была эта тема.

Маринину дочь воспитывала ее мама. Все это время, что Марина находилась в местах лишения свободы, мама регулярно оказывала дочери помощь. Регулярно высылала посылки, писала письма, раз в год приезжала на длительное свидание, но Оленьку она ей не привозила. Зинаида Александровна, так звали Маринину маму, была категорически против того, чтобы ребенок видел, где находится ее мама. Для Оленьки мама уехала в длительную командировку, по работе. В письмах Зинаида Александровна рассказывала за Оленьку, высылала Марине фотографии дочери. И считала, что для девочки это лучше, но лучше ли?

У Лели тоже было не благополучно. Леля своего сына растила сама. Правда, когда Лелю посадили в первый раз, Славику было 12 лет. Срок у Лели был один год, к тому же, пробыв в колонии шесть месяцев, она попала под амнистию. Так что столь не долгое отсутствие мамы слишком не почувствовалось. Сейчас Славику исполнился 21 год. Шесть лет Леля не видела сына и не поддерживала с ним никаких отношений. Прошло шесть лет, но время не загладило душевную боль. В день вынесения ей приговора (семь лет лишения свободы) был еще приговор сына.

Воспоминания ожили, Леля заново переживала роковой день суда. Она была осуждена по ст. 101 ч. 3 (нанесение тяжких телесных повреждений, со смертельным исходом).

Сейчас она ясно видела, как сын подошел к ней и произнес одну единственную фразу: «Ты не моя мать, ты убийца».

Леля встряхнула головой, как бы прогоняя прошлое.

- Я думаю, нам пора на проверку собираться, а то с таким успехом, мы сейчас себе такого навернем, что ни в какие ворота не влезет. Я уверена, что ты будешь прекрасной мамой для своей дочки. Несмотря на длительную разлуку с ней, ты обязательно найдешь с ней общий язык и будешь для нее самой лучшей мамой. Это у меня уже ничего не изменишь.

- Ну вот, меня успокаиваешь, а сама? Ладно, идем, – Марина взяла Лелю за руку и женщины пошли в барак. После проверки оставшийся вечер Леля с Мариной провели у телевизора. Когда объявили отбой, женщины находились на спальных ме-

стах. Завтра их ожидал рабочий день.

Однообразные дни проходили один за другим. Осень вступала в свои владения. Сырая, дождливая погода наводила тоску. Одно радовало наших женщин, что у Марины и Лели приближался день освобождения, долгожданный день, который ожидали годы.

Марине до освобождения оставалось 28 дней.

Шесть лет она была лишена свободы. Шесть лет она не была дома, не видела свою дочь. Сколько воды утекло за эти годы.

Было уже за полночь, но Леле не спалось. Приближение Марининой свободы и радовало, и пугало. Столько лет проведенных вместе. Леля не представляла свое существование без Марины. Как повернется их дальнейшая жизнь после освобождения? Что ждет там, за забором? Все эти вопросы не давали покоя.

Леля встала, взяла сигарету и вышла из секции покурить. На коридоре сегодня было не пусто.

«Сегодня многим не спиться», – подумала Леля и прикурила сигарету. Возле стены, на маленьком стульчике сидела Наташа Емелина и читала книгу. Наташа сидела в одиночестве и, читая, сама себе улыбалась. Когда Леля проходила мимо Наташи, та подняла глаза от книги, и, увидев проходящую мимо Лелю с сигаретой, остановила ее.

- Леля дай подкурить, а то я зажигалку не взяла в секции, – Леля остановилась и дала Наташе подкурить.

- Не спится? – спросила Наташа Лелю.

- Сегодня, по-моему, многим не спится, – Леля показала глазами, на коридор. – Наверно ночь сегодня бессонная. Тебе вон, тоже не спится, – Леля присела на корточки около Наташи.

- Мне книжка спать не дает. Осталось страниц 50, хочется дочитать. А то я уснуть не смогу, если не буду знать, чем закончилось. Ты читала? – Наташа закрыла книгу и показала Леле обложку, давая возможность прочитать название.

- «Строптивая мишень», – прочитала Леля. –Читала, правда давненько. Нравится?

Наташа кивнула: «Полякова, неплохо пишет, легко, с юмором».

- Мне тоже нравится, как она пишет. Я отдыхаю с ней от всего окружающего. Меня здесь книги только и спасают. Я за этот год, что в лагере, уже столько перечитала….

Только вот, наверное, большую часть прочитанных книг даже не помню содержания. Когда книга интересная, прочитал и ходишь кое-какое время под впечатлением. А если она никакая, то прочитала и сразу забыла.

- Зачем же ее читать, если она не интересная? – поинтересовалась Леля.

- Лучше читать не интересное, чем смотреть на окружающее, – ответила Наташа.

- Может ты и права, – Леля затушила окурок, – Ладно, читай. Пойду, попробую уснуть, – она поднялась и пошла в секцию.

- Спокойной ночи, – бросила ей вслед Наташа, и уткнулась в книгу.

Леля легла, но уснуть ей сразу не удалось. Мысли о приближающем расставании с Мариной, как назойливые мухи, не давали покоя. И как она ни старалась от них избавиться, ничего не получалось. И только под утро сон овладел ею.

С самого утра светило солнышко, оно играло своими лучами, обещая хороший день. Небо было чистым и безоблачным. Легкий ветерок шелестел листвой. Казалось, деревья шепчутся между собой.

Лена вышла из барака и присела на лавочку. На улице было мало людей, лагерь только просыпался и начинал оживать.

«Хорошо, когда людей мало, даже дышать легче», – подумала Ленка. Она закрыла глаза, подставила лицо солнышку. Его лучи ласкали своим теплом, давая ей возможность понежиться.

«Как хорошо, – вновь подумала Лена, – Вот так бы сидела и сидела. А стоит только открыть глаза и все это рухнет как карточный домик». Лена почувствовала шевеление зародившейся в себе крошки. С ее биением почему-то всплыли воспоминания близости с Алексеем. Лена открыла глаза и поежилась, затем она погладила рукой живот и шепотом произнесла, обращаясь к не родившейся малютке: «Прошу тебя, не надо мне напоминать о своем отце», она была уверена, что это ребенок заставил ее вспомнить, что у него есть отец.

Ленкины мысли прервала подсевшая к ней женщина.

- Сегодня будет хороший день, – скорее обращаясь самой к себе, произнесла она.

Не успела Лена открыть рта, чтобы что-то ответить, как женщина продолжила, – Мне очень надо к врачу, надо срочно выпить лекарство. Почему так долго нет врача? – женщина заламывала пальцы и смотрела не видящим взглядом перед собой. Затем, как бы только заметив сидевшую рядом Ленку, обратилась к ней, – Вы не знаете, когда будет врач.

Лена растерялась: «Санчасть работает с 10-ти утра, но если вам плохо, я могу попросить контролера, чтобы вас вывели и дали лекарство», – она хотела уже встать, но женщина остановила ее.

- Пустое, без врача, мне не дают лекарство. Мне нужен врач! – женщина поднялась и пошла в сторону барака.

В это время к Лене подошла Валя. Валя была в одном отряде с Леной, их спальные места находились рядом, и Лена общалась с Валюшей по-соседски. У Вали ВДМРе был сынишка 2-х лет.

- Привет. А я проснулась, смотрю, тебя нет. Чего это ты так рано сегодня встала? – поинтересовалась Валюша.

Лена пожала плечами: «Не знаю, так проснулась. Ты не знаешь, что это за женщина?» – Лена показала в сторону удаляющейся женщины, – Что-то я раньше ее не видела.

Валя оглянулась.

- А она с нашего барака. Правда, не знаю с какого отряда. Ее, по-моему, с последнего

этапа распределили. Вроде бы с больнички приехала. А зачем она тебе? – поинтересовалась Валя.

- Странная она какая-то. Только что села возле меня, говорила, что ей плохо. В санчасть идти не хочет. Может контролерам сказать? – Валюша закурила сигарету, затянулась и, выпустив дым, демонстративно произнесла, - А кому сейчас хорошо, Ленуся?

- Ты все иронизируешь. А человеку может действительно плохо, – не унималась Лена.

- Мне когда плохо, я иду в санчасть, – сделала заключение Валя.

Лена поднялась, и они с Валей начали прохаживаться по локальному участку.

Валюша рассказывала за вчерашнюю прогулку с сыном. Восхищалась своим ребенком, какой он у нее умница. Так, за разговорами незаметно пришло время утренней проверки. Женщины выходили из бараков на улицу и ожидали построения. Локальный участок был полон народа. Наконец ворота распахнулись, и первый отряд начал строем выходить на плац для просчета. В это время, в одном из бараков, на третьем этаже, раскрылось окно, какая-то женщина стала на подоконник…, и сделала шаг вперед. Все произошло настолько быстро, что этого почти никто не заметил. Женщины, которые находились еще возле барака, только услышали удар тела об асфальт. Оглянувшимся на звук предстала картина распластавшегося тела на асфальте, которое дернулось несколько раз в предсмертных конвульсиях и затихло. Под телом начала образовываться лужица крови. Те, кто это видел, замерли. Из оцепенения всех вывел крик одной из зрительниц этой кошмарной сцены. Основная масса осужденных выходила на построение, ничего не подозревая. Лишь те женщины, которые находились неподалеку от трагедии, собрались вокруг безжизненного тела и не могли оторвать взгляда от этого зрелища.

Вышедшая из барака контролер, Елена Ивановна, которая отмечала осужденных в бараке, освобожденных по состоянию здоровья от проверок, повернулась на крик и направилась в сторону собравшихся. Подойдя и увидев ужасную картину, Елена Ивановна чуть было сама не закричала, но быстро овладела собой, взяла за руку одну из осужденных и твердым тоном произнесла: «Иди, позови кого-то из контролеров, – забыв, что в руках она держит рацию. Затем начала разгонять собравшуюся толпу. – Женщины, быстро расходитесь, все выходим на построение». – Но никто не двигался с места. Елена Ивановна не знала, что делать, но тут она увидела бегущих к ней контролеров. Олег Васильевич и Александр Анатольевич, приблизившись, навели порядок. За несколько минут локальный участок был пуст.

Администрация действовала оперативно. Быстро произвели просчет зоны. Вызвали «скорую помощь». Обзвонили все нужные инстанции. Через пару часов о случившемся напоминала лишь лужа крови на асфальте.

Когда произошло несчастье, Леля с Мариной находились в рабочей зоне, на фабрике. Слух о случившемся разлетелся по лагерю мгновенно. Местное радио работает очень быстро. Чтобы узнать с кем, что, как и по каким причинам произошло, много времени не понадобилось. Женщины, народ любознательный, и если проявляют к чему-то интерес, то выясняют все очень быстро. Поначалу, выдвигают какие-то

свои, выдуманные версии, без этого естественно не обходится. Но в конечном итоге все выясняется, до мельчайших подробностей (контролеры ведь тоже люди, такие же, только у них работа другая). Так происходило и в этот раз.

Первая весть, что кто-то выпал из окна, была растолкована во всевозможных вариантах. Была выдвинута куча предположений, кто бы это мог быть, и по каким причинам. Но в скорости были известны достоверные факты, что осужденная, Пархоменко Лидия Николаевна, сорока двух лет от роду, самостоятельно (без чьей либо помощи), выпрыгнула с третьего этажа, из барака, где находится 10 отряд. Лидия Николаевна, прибыла в зону с тюремной больницы, где находилась на лечении в психиатрическом отделении. Пройдя курс лечения и вероятней всего считавшаяся вполне здоровой, по прибытию в колонию была распределена в 14-ый отряд. Пробыв в лагере всего несколько дней, женщина решила свести счеты с жизнью. Что послужило поводом для самоубийства, осталось загадкой.

Из рассказов осужденных было известно, что Лидия Николаевна страдала бессонницей, постоянно посещала санчасть, принимала какие-то медикаменты. Последние дни своей жизни она жаловалась всем подряд, что ей надо лекарство, что она плохо себя чувствует. Осужденные не обращали на это внимания, кому нужен лепет сумасшедшей. Как на это реагировала санчасть, знают только сами медики. Как бы там ни было, женщина лишила себя жизни.

Первая смена готовилась к съему. Марина и Леля сидели на курилке.

- Что же это такое творится в зоне. За последний год столько смертей. Прошлым летом Катька из окна выбросилась. Сегодня эта женщина, и заметь, оба прыжка, на «Толстого» смене, – высказала Марина.

«Толстым» осужденные называли одного из ДПНК (дежурный помощник начальника колонии).

- Ты посмотри, мало того, что мрут, как мухи, так еще и руки на себя накладывают. Прям кошмар какой-то. Страшно, что творится. Что же дальше будет, – Марина положила голову Леле на плече. Леля обняла ее.

- А дальше, у нас здесь ничего не будет. Тебе 27 дней осталось, мне после тебя, чуть больше месяца, и все это закончится, слава Богу. Наконец-то, – Леля вздохнула.

- Да…, – протянула Марина, – Мы освободимся, а люди? – задала она вопрос сама себе, – Жалко их, – продолжила Марина, затем прозвенел звонок на съем.

- А люди будут сидеть. Идем, звонок уже, лучше на солнышке постоим, – Леля поднялась и повела за собой Марину.

- Может, к Ленке по съему зайдем? Узнаем, как она. Хоть бы она не была свидетелем случившегося. Ведь это в ее локалке произошло, – выходя из цеха, высказала предложение Марина. Леля согласно кивнула.

- Давай зайдем. А то я вижу тебе не терпится подробней узнать о несчастной, – улыбнулась она.

- Все-то ты знаешь, – съехидничала Марина и чмокнула Лелю в щеку.

Съем почему-то затягивался. Все уже в ожидании стояли под воротами, нервни-

чали, что не выпускают. Из толпы начали выкрикивать реплики: «Сколько можно стоять?», «Граждане контролеры, подорвите свои задницы, давно пора людей снимать», «А куда им спешить, у них смена идет». Но вот, наконец, контролеры выплыли из КП, открыли ворота и начали проводить съем. Все расходились по своим локальным участкам и Леля с Мариной, без препятствий, прошли к Ленке.

Лена сидела возле барака на лавочке и курила. Марина сразу ее заметила.

- А вон и Ленуся, – кивнула Марина.

В это время Лена увидела подходящих к ней подруг.

- Ой, девочки, какие вы умницы, что пришли. А то я тут с ума схожу, – Ленка бросилась к Марине в объятия.

Марина, обняла ее: «Ну, и с чего ты сходишь с ума? Мало ли что, в жизни бывает. Ну, ладно с ума сходишь, а курить зачем? Ведь бросила», – с укором произнесла Марина.

Лена отстранилась и присела на лавочку.

- Девочки, и надо же такому случиться, – возмущалась Лена, – Я с ней разговаривала перед этим, – Лена показала на барак, где произошло несчастье.

- С кем, с ней? – задала вопрос Марина.

- Ну, с ней, с этой женщиной, что убилась, – Ленка заметно нервничала.

- Она тебе, что исповедовалась перед смертью, – сострила Марина. Тут вмешалась Леля.

- Марина, перестань, это не шутки. О чем она с тобой говорила? – задала она вопрос Ленке.

- Да, не о чем. Подошла, села возле меня и говорила, что ей плохо, врач нужен. Я ей предложила в санчасть сходить, но она встала и ушла. И вообще, она странная какая-то. Тут Валюха, соседка моя, подошла, отвлекла меня, и мы прогуливались по локалке, туда-сюда. А потом ворота открыли, все начали на плац выходить. Валюха курила, и мы остановились, чтобы Валька перед мусорами не светилась. Стоим, и тут я слышу, сзади что-то рухнуло. Такой звук… Я почему-то в шутку подумала, кто это из окошка выпал? А это правда выпала женщина, какая-то. Я хотела оглянуться, но тут рядом баба какая-то, как заорет…, а Валя меня за руку взяла и быстро так мне, «идем отсюда быстрее». В общем, Валька меня утянула, я даже глянуть не успела, – все это Лена протараторила скороговоркой.

- Это хорошо, что не успела, ничего бы интересного не увидела, – сделала вывод Леля. – А кому ты еще это рассказывала?

- Никому, только вам, – твердо ответила Лена.

- И не надо никому говорить, мало ли как могут ваш разговор перевернуть, – дала Леля совет.

- Что я дурочка? Сама не понимаю, – обижено произнесла Ленка. – «Опера» полдня по отрядам бегали, выясняли, как и что. Ночную смену «мусоров» держали в лагере до обеда, говорят, прокурор был. Целый день ажиотаж. А толку, человека уже

не вернешь. Если бы вы знали, у меня на душе так тяжело, прям не по себе как-то. Только разговаривала с ней, а ее уже нет. Ужас, какой–то, – Лена опять закурила, ее руки дрожали.

- Леночка, не стоит все это, так близко к сердцу брать. Это зона. Здесь всякое бывает. В первую очередь, тебе надо думать о себе и о своей крошке, – Леля погладила Лену по уже хорошо заметному животику.

- Лелечка, ну как же можно на такое внимания не обращать. Я что, не живая? – Лена расплакалась как ребенок. Слишком долго она сдерживала себя, и теперь, рядом со своими подругами, дала волю своим эмоциям.

Леля растерянно посмотрела на Марину, та пожала плечами, затем подошла к Ленке, обняла ее за плечи и начала успокаивать, как маленького ребенка.

- А вот это уже никуда не годится, не надо плакать, – Марина поглаживала уткнувшуюся в нее Ленку.

- Давай лучше чайку попьем. Мы с Лелей крепенький, а ты сладенький. Идем к розетке, кипяток поставим, – Марина решила чем-то отвлечь Лену.

- Я с вами тоже чифа попью, – запротестовала Лена.

- Хорошо, хорошо, только не возмущайся, – согласилась Марина.

- Идемте. Леля, вы с Мариной в кильдиме у меня посидите, а я пойду, чай сварю, – Ленка вытерла слезы и женщины пошли в барак.

Ленка усадила подруг на своем спальном месте, взяла кипятильник, чай и отправилась к розетке.

Марина нарушила молчание.

- Я и не думала, что Ленка такая впечатлительная. Ты видела, в каком она состоянии? – спросила Марина.

- Молоденькая еще. Разве не нормально, что человек, трагически реагирует на смерть. Так должно быть. А у нас уже души черствые. Человеческую смерть считаем пустяком. Нам еще у Ленки поучиться надо, такому качеству, как человечность, – и Леля была права. В нашем мире, человеческая жизнь, ничего не стоит. Жестокий мир, жестокие люди, которые переступают через кровь так же просто, как через лужу после дождя.

В скорости, вернулась Ленка с кружкой чифера.

- Пойдем на улицу или здесь попьем? – спросила Лена у подруг, ставя парующую кружку на тумбочку.

- Пойдемте на улицу, там и покурить можно, и воздух, как-никак последние теплые деньки, – Леля поднялась, Марина с Леной последовали за ней.

Выйдя на улицу, женщины выбрали местечко, где поменьше людей, и расселись для чаепития.

- Последние денечки в этих стенах. Даже не верится, – вздохнула Марина полной грудью.

- Счастливые вы, девочки, уже уходите, а мне еще сидеть и сидеть. И что я без вас делать буду, даже не представляю, – в Ленкином голосе чувствовались нотки сожаления.

- Да, счастливые, только, сколько лет мы этого счастья ждали. Да, Лелечка? – Марина посмотрела на подругу. Леля кивнула.

- Я, Леночка, думаю, ты тоже здесь долго не задержишься. Как ни как, у тебя ребеночек будет. Как мамочку должны отпустить по УДО. Только нарушений не нахватайся, – Марина закурила сигарету.

- Легко сказать, но трудно сделать. Но я буду стараться, обещаю. А вы пообещайте, что будете писать. Хорошо? – потребовала Лена.

- Поживем, увидим, – улыбнулась Марина.

Лена надула губки: «Вот так всегда, все меня бросают».

Марина хихикнула: «Да… как раз ты, у нас самая брошенная. Ладно, если будешь хорошо себя вести, я тебе напишу», – подразнивала Марина Лену.

Так, за кружкой чифа, женщины начали шутить, щебетать о том, о сем. Но вот их оживленную беседу прервал голос завхоза Ленкиного отряда.

- Селинская! Тебя вызывают в дежурную часть.

Оживление сразу пропало.

- Ну вот. А я надеялась, что меня проедут, – вздохнула Лена.

- Ничего страшного, спросят, ответишь. Сама никаких предположений не высказывай. Все будет нормально, – успокаивала Леля.

- Подождите меня здесь, думаю я, долго не задержусь, – и Ленка пошла в дежурную часть.

Леля с Мариной остались ее ждать.

Лена постучала в дверь, с табличкой «Дежурная часть» и, приоткрыв ее, спросила: «Вызывали?». За столом сидел Сергей Николаевич, ДПНК сегодняшней смены.

- Ты кто? – подняв голову от листка бумаги, на котором что-то писал, спросил ДПНК.

- Селинская, – ответила Лена.

- Селинская, говоришь? – Сергей Николаевич посмотрел на какую-то запись, – Зайди в оперчасть, тебя начальник вызывает, – И Сергей Николаевич продолжил что-то писать.

Лена прикрыла дверь и пошла к другому кабинету. Возле двери начальника оперчасти она постояла минуту, прежде чем войти, пытаясь хоть на миг оттянуть время перед предстоящим, нежелательным разговором. Она чувствовала, что ничего хорошего этот разговор не принесет. Набравшись смелости, Лена постучала и приоткрыла дверь.

- Можно? – нерешительно спросила она.

- Селинская? Заходи, – за столом сидел Николай Юрьевич, крупный мужчина с

властным лицом и пронизывающим, как рентгеновский луч, взглядом, – Присаживайся, побеседуем, – начальник оперчасти указал на стул.

Лена робко села на край стула и сложила руки на коленях, как школьница.

- Я что-то натворила? – Лена смотрела на Николая Юрьевича наивным взглядом.

- А вот мы сейчас попытаемся выяснить, – ехидно улыбнулся начальник.

- Ко мне поступила информация, что ты сегодня продолжительное время, разговаривала с Пархоменко. Это так? – Николай Юрьевич не спускал с Ленки глаз.

- А кто это? – вопросом на вопрос ответила Лена.

- Ну вот. С самого начала разговор у нас не получается. Это осужденная, которая сегодня выпрыгнула из окна. Думаю это, ты знаешь? – Николай Юрьевич закурил сигарету.

Лена взяла себя в руки, и мысленно выругала себя, и чего это я нервничаю, я что ее подталкивала? Она прямо посмотрела начальнику в глаза и ответила.

- Вы меня, конечно, извините, но я не знала, что ее фамилия Пархоменко.

- А что ты знала? – перебил начальник.

- В каком смысле? – не поняла Лена.

- В прямом, – улыбнулся «опер».

- Николай Юрьевич, давайте не будем говорить загадками. Что вы от меня хотите? – решительно заявила Лена.

- А я тебе, Селинская, ничего не загадываю. Я тебе задал вопрос, а ты дурака включаешь. Закуривай, – Николай Юрьевич пододвинул к Ленке пачку сигарет.

- Спасибо, я не курю. Давайте не будем затягивать нашу беседу, – предложила Лена. Она уже чувствовала себя уверенно и старалась разговаривать с начальником на равных.

- Попробуем еще раз. Ты разговаривала сегодня с Пархоменко? – повторил Николай Юрьевич.

- Да, разговаривала, если это можно назвать разговором, – ответила Лена.

- О чем? Надеюсь, ты помнишь? – задал «опер» следующий вопрос.

- Помню, конечно, – кивнула Лена.

- Прекрасно, расскажи подробней.

Лена рассказала, как все происходило. Николай Юрьевич выслушал, молча, не перебивая. Чувствовалось, что Лена говорит правду, и, тем не менее, он был обязан все тщательно перепроверить, чем он и занимался в течение дня. Провел огромное количество бесед, выслушал множество версий. Лена была последней в списке вызванных. Николай Юрьевич устал, да и рабочий день подходил к концу, он посмотрел на часы, затем положил перед Леной чистый лист бумаги и ручку.

- А теперь, изложи это все на бумаге.

Лена нехотя взяла ручку и написала только что рассказанное. Это заняло несколько

минут. Закончив, она передала лист начальнику. Николай Юрьевич пробежал глазами написанное, отложил лист в сторону и бросил Ленке: «Можешь идти».

Как только дверь за Ленкой закрылась, Николай Юрьевич откинулся на спинку стула, закурил очередную сигарету. «Ну и денек сегодня выдался»,– подумал «опер». А день действительно был напряженный.

Профессиональным оперативным работником стать невозможно, им надо родиться. Когда нормальный человек сталкивается с негативной информацией (а в лагерях она именно такая), с самыми мерзкими и гнусными формами проявления человеческой натуры, и этот, отрицательно заряженный информацией поток каждый день проходит через его мозги, то это как радиация, не заметная до определенной поры, но очень сильно влияющая на психику. Человек, постепенно становится раздражительным, угрюмым, даже озлобленным…, все меньше и меньше замечает в людях хорошее. Кажется, что все вокруг переполнено дерьмом, льющимся изо всех щелей. Некоторые сотрудники внутренних органов сильно рьяно берутся за дело. И очень быстро начинают всех ставить под одну гребенку, в каждом видеть страшного преступника. Если этот синдром вовремя не остановить, он может привести к очень печальным последствиям. Очень важно, работая со спецконтингентом, самому не превратиться в бездушное существо. Работая в лагерях, необходимо уметь разбираться в людях, быть своего рода психологом, в первую очередь, контролировать свои эмоции. Так как даже страшно подумать, до какой степени накалена обстановка в этих стенах. И если еще учесть, что основной контингент, не далекие по своим умственным способностям люди. Проявление хамства, агрессии, становится нормой жизни большинства из них. А копнуть дальше, то у основной массы и за пределами этих стен, жизнь была далеко не благополучна. Ужас, что мы имеем в конечном результате. И в этой всей грязи необходимо суметь увидеть истину, расставить все по полочкам. Для этого надо иметь талант. Не сломаться, остаться человечным, пройдя через такую мясорубку, очень сложно. Можно даже сказать, исключение. Вот таким исключением был Николай Юрьевич. К сожалению, такие работники, редкость, своего рода антиквариат.

Лена вернулась к себе в локалку, где ее ждали Леля с Мариной.

- Ну что? – чуть ли не хором подруги задали вопрос Ленке.

- Ничего. Поговорили. Рассказала, как было. Только мне интересно, кто мог сказать операм, что я с ней разговаривала. Ведь, когда она ко мне подходила, в локалке почти никого не было, – удивилась Лена.

- А Валя? – поинтересовалась Марина.

- Да ну, я не думаю, что Валя могла там что-то сказать, – возмутилась Ленуся.

- А ты подумай, – посоветовала Леля, – Ну ладно, нам пора к себе идти. Будь хорошей девочкой, – Леля поцеловала Лену в щечку и женщины расстались.

Лена проводила взглядом подруг и пошла в барак. Зайдя в свой кильдим, Лена легла. Слова Лели заставили ее задуматься: «Неужели это Валюха, сказала операм, что я разговаривала с этой сумасшедшей? Зачем? Ведь разговор между нами ничего не значил, – терзала себя вопросами Ленка. – Но если разобраться, то действительно, кроме Вали, вроде никто не знал, что мы говорили. Хотя может кто-то видел со

стороны? Все же не стоит делать поспешные выводы», – решила она. В это время, в кильдим зашла Валя.

- Привет соседка, ты уже ужинала? – поинтересовалась Валя.

- Нет, мне, что-то не хочется, – Ленка потянулась.

- А ему? – Валя показала на Ленкин живот, – Давай поднимайся, что-нибудь перекусим. Я есть хочу, как голодная собака. Целый день провела в ДМРе. Старшей сегодня не было, меня няньки на целый день к детворе в группу запустили. Сережка мой, довольный такой, что я с ним целый день. Ведь такое не часто бывает, целый день провести со своим ребенком. Ну, что ты валяешься? Поднимайся. – Валя шлепнула Лену по бедру, – Давай сделаем пюрешку с пакетиков и к ней консерву откроем, – предложила Валя.

Ленка, нехотя поднялась.

- Ладно, уговорила, я пойду, поставлю воду кипятить на картошку, а ты тут все приготовь, – Лена, взяла кипятильник, посуду и пошла на кухню.

Идя по коридору, Ленка терзала себя: «Неужели это все-таки Валя? Нет, она не могла этого сделать». А чтобы не мучить себя догадками, я думаю, найду способ, как это проверить. Придя к такому выводу, Лена на время успокоилась.

Возле розеток на удивление было мало людей, так что на то, чтобы закипятить воду, времени много не ушло. Валя тоже быстро справилась с приготовлениями.

Поужинав и убрав посуду, женщины стали собираться на улицу, близилось время вечерней проверки. Неприятный день заканчивался, а с ним уходили и все его неприятности, которые произошли. Много времени не понадобилось, чтобы о случившемся все позабыли. Живым живое, мертвым мертвое.

Для Марины время остановилось. До освобождения оставалось 10 дней. Но эти дни стали для нее безразмерными. Зато Леля не успела оглянуться, как они пролетали. Лишь ночи для обеих были одинаково короткими, так они посвящались любви. Предстоящее расставание толкало их в объятия друг друга. И сейчас, находясь в постели рядом с любимой, самой дорогой женщиной, Леля остро ощущала, насколько тяжело ей смириться с расставанием. Обняв свое сокровище, Леля прошептала: «Мариночка, девочка моя, я даже представить не могу, как я буду жить без тебя. Просыпаться, когда тебя нет рядом, ложиться, когда тебя нет со мной. Ты, моя жизнь, мое дыхание», – Леля покрывала любимую нежными поцелуями, ласкала ее тело. Казалось, она не может насытиться ею. Она шептала любимой нежные слова, благодарила ее за то, что она есть. Марина нежилась в руках подруги, сливалась с ней в единое целое, ощущая это каждой своей клеточкой. Леля испытывала неописуемое блаженство.

- До самой смерти я буду принадлежать только тебе, – прошептала Марина любимой, и ее тело пронзила стрела наслаждения, казалось, душа покидает тело. Все окружающее перестало существовать. Волна оргазма захлестнула, не давая возможности сопротивляться. Страсть подхватила Марину в свое течение и не отпускала до тех пор, пока вулкан не прекратил свое извержение. Только любящие сердца способны пережить подобное.

Марина откинулась на подушку в полном изнеможении. Леля легкими прикосновениями поглаживала влажное тело любимой. Их души были переполнены счастьем.

Когда дыхание стало равномерным, Марина приподнялась, и, глядя в глаза своей единственной женщине, прошептала: «Я не знаю, как сложиться наша жизнь дальше, но думаю, что шесть недель, которые мы не сможем быть вместе, пока ты освободишься, не должно что-либо изменить в наших отношениях. Когда ты будешь освобождаться, я обязательно приеду тебя встречать, а как будет дальше, покажет время. Я очень хочу, чтобы мы были вместе, не только здесь».

Леля все это слушала затаив дыхание. Неужели такое может быть?

- Родная моя, наверно это самое большое счастье в моей жизни, – она обняла свою любимую и крепко сжала ее в своих объятиях. От нахлынувших чувств перехватило дыхание.

- Если бы ты только знала, как я люблю тебя, – произнесла Леля.

- Я знаю, поэтому и не хочу терять тебя, – их губы слились в поцелуе.

Что может быть прекрасней любви. Любви искренней, безграничной. Пусть эта любовь даже между двух женщин, наперекор всем установленным моралям, но это любовь. Чистое, светлое чувство. Как жаль, что в жизни его так мало.

Время неумолимо приближало время разлуки. Это радовало и пугало одновременно. Радовало, что наконец-то эти стены останутся позади, уйдут в прошлое. Пугала неизвестность, ожидающая впереди. Несмотря на то, что строилось множество планов, как все сложится на самом деле, оставалось загадкой. Обе женщины пребывали в нервном напряжении, беспричинно суетились, не находя себе места. Недавно ушла Ленка, которая приходила попрощаться с Мариной. Немного посидели, поболтали, попили чайку, и, расцеловав Марину и немного прослезившись, Лена пошла к себе, давая возможность подругам последние часы перед расставанием, побыть вдвоем. Леля с Мариной сидели на лавочке возле барака. Они сидели, молча, каждая думая о своем. Наконец Марина нарушила молчание.

- Даже не верится, что завтра я увижу своих, увижу дочь, – Леля накрыла своей ладонью руку Марины.

- У тебя все будет хорошо. Я в этом уверена. Вот увидишь, – вздохнула Марина– Знаешь, после стольких лет, проведенных в этих стенах, мне трудно представить жизнь там. Мне почему-то страшно, – она положила голову Леле на плечо. Затем она, как бы спохватившись, спросила, – Лелечка, ты ведь не забудешь меня за эти шесть недель? – Марина вопросительно смотрела на подругу. От такого вопроса у Лели расширились глаза, они были полны возмущения.

- Ты вообще думаешь, что говоришь? Как только тебе такое в голову могло прийти? Да, ты…

Марина ладонью прикоснулась к губам любимой, не давая возможность продолжить.

- Тихо, тихо, чего же ты так кричишь? Просто я еще раз хочу услышать, что я нужна тебе.

Леля поцеловала Маринину ладонь, взяла ее в свои руки.

- Неужели ты в этом сомневаешься? – спросила она с недоумением.

Марина опустила глаза.

- Это наверно от того, что мне трудно смириться, что какое-то время тебя не будет.

Леля взяла Марину за подбородок и произнесла: «Даже эти шесть недель моя душа будет с тобой. Потому что мое сердечко принадлежит тебе. Оно может биться только в унисон с твоим. Ты, моя половинка, без этой половинки не может быть целого. Если правда, что после смерти душа остается живой, то даже, когда я умру, моя душа будет нуждаться в тебе– Леля замолчала.

Марина смотрела на Лелю и ее глаза наполнились слезами. Это были слезы счастья.

- Лелечка, мне кажется, что у нас жизнь, только начинается. Я постараюсь сделать все, чтобы она у нас была счастливой. Только нам надо потерпеть, совсем немножечко, – и наступила пауза.

Леля обняла Марину за плечи, прижала к себе и так они сидели, не проронив не слова, больше не проронив ни слова, боясь нарушить незримое, огромное ощущение любви. Рядом ходили, сидели, суетились люди, но они казались чем-то далеким и не реальным. Две души, слившиеся воедино, и ничего больше.

В реальность женщин вернул рявкнувший, резкий голос, который вырвался из селектора: «По лагерю объявляется отбой, всем разойтись по отрядам».

- Ну вот, уже отбой. Как быстро летит время, – с сожалением сказала Леля.

- Пойдем, – она взяла Марину за руку и женщины пошли в барак.

На улице серело. Как быстро прошла ночь. Глядя в окно, Леля произнесла.

- Вот и утро. Сказка подошла к концу. С первым лучом солнца моя принцесса растворится в воздухе, – она вздохнула и посмотрела на Марину.

- Тебе пора одеваться, – и как бы для себя самой добавила, – Мне не верится, что сегодня тебя уже не будет рядом.

К горлу подкатил комок, слезы душили ее, но позволить себе их Леля не имела права. Зачем расстраивать Марину, она должна уйти с хорошим настроением. Она уходит на свободу, только это должно радовать.

- Представь себе, что я куда-нибудь поехала на время. Мы же ненадолго расстаемся? – Марина встала со стульчика, – Я пойду, возьму вещи и здесь оденусь, чтобы не мешать им спать. Я быстро. – Марина ушла в жилую секцию.

Леля закурила сигарету. Всю ночь они просидели на коридоре, сколько было переговорено, но все равно Леле казалось, что что-то не досказано. Хотя какие слова могут выразить все то ощущение, которое испытывала Леля. Разумом Леля понимала, что Марина уходит на свободу из этих кошмарных стен. Уходит к своим близким, родным людям, что ее ждут дочь, мама, но душа с этим мириться не желала. Сейчас Лелю захлестнул эгоизм: «Я остаюсь одна». Эта мысль приводила в ужас, с ней было тяжело бороться. «Но ведь это не надолго. Каких-то несколько недель и мы опять будем вместе, – пыталась саму себя успокоить Леля,– А вдруг там, за за-

бором, я буду ей не нужна? Вот чего я боюсь больше всего, – призналась себе Леля. – Ведь там за забором совсем другая жизнь». Сердце Лели готово было разорваться: «Нет, этого не может быть, ведь мы не один год пробыли вместе», – пыталась она отогнать ненужные мысли. Из секции вышла Марина, она держала в руках одежду, которую приготовили на освобождение, и улыбалась.

- Я не представляю, как я буду в этом ходить, – она пожала плечами и подала вещи Леле, – Держи, я быстренько в умывальник сбегаю, немного сполоснусь.

Марина вновь исчезла в секции, а через минуту вышла с полотенцем и направилась в умывальник. Леля взглядом проводила подругу. Марина вернулась быстро.

- Ну что? Будем одеваться? – она поцеловала Лелю в щечку и взяла из ее рук платье. Одев его, она покрутилась перед Лелей, – Ну как? – глаза Марины светились радостью.

Леля, молча смотрела на свою любимую женщину, стараясь не упустить ни одного движения, оставить в памяти все до мельчайших подробностей.

- Леля, ну что ты молчишь? Мне плохо в этом платье? – возмутилась Марина.

Леля заулыбалась: «Ты самая красивая женщина в мире. И в этом платье ты просто очаровательна».

Марина светилась счастьем. Сейчас она выглядела превосходно. Несмотря на бессонную ночь, личико было свежим. Облегающее платье подчеркивало ее фигурку. Волосы беспорядочно падали на плечи, но это только усиливало очарование.

- Ты настоящая принцесса, – Леля окинула подругу взглядом и заулыбалась, – Принцесса в тапочках.

Марина опустила глаза и посмотрела на свои ноги, которые были обуты в тапочки, служившие ей верой и правдой не один год.

- Я, наверное, в них и пойду. Они мне такие родные, – затем она перевела взгляд на свои туфли, которые стояли возле Лели.

- Не знаю, как я буду в них ходить? Я так отвыкла от нормальной обуви, – Леля взяла туфли и поставила перед Мариной, – Обувай, – и, посмотрев на часы, добавила, – Уже шестой час. Сейчас будут барак открывать. Ты уже должна быть готова.

Марина одела туфли.В это время из секции вышла Оля.

- Ой, Мариночка, какая ты красавица. Что значит, хорошие шмотки. Совсем другой человек, – сделала вывод Оля.

- Что ты понимаешь. Это не шмотки, как ты выражаешься, а Мариночка украсила эти вещи, – возразила Леля.

- Может быть, может быть. Не буду спорить, – Оля улыбнулась.

В это время контролер открыла барак, - «Подъем!», - прокричала она, идя по коридору. Увидев Марину, она остановилась:

- Петриченко, я тебя не узнала. Отлично выглядишь, – высказалась Нина Михайловна, разглядывая Марину оценивающим взглядом. Нина Михайловна, работала в зоне контролером, восьмой год, Марину знала с первых дней прибытия в лагерь.

- Значит, сегодня ты нас покидаешь? – задала Нина Михайловна вопрос, на который сама знала ответ. Она глянула на часы, – Через полчаса я жду тебя в дежурной части, не опаздывай, – Нина Михайловна пошла на выход.

- Садись, я тебя расчешу, – Леля показала на стул.

Марина послушно села и откинула голову назад. Леля взяла расческу и принялась укладывать волос любимой.

Через полчаса обе женщины стояли возле здания, где находилась «дежурная часть». Из-за двери появилась Нина Михайловна:

- Марина, тебя за воротами уже ждет мама, – сообщила она неожиданную новость.

Марина вздрогнула, – Не может быть, почему она мне не сообщила, что приедет? – заволновалась она. Сердечко учащено забилось. Леля тоже была вся в напряжении. – Все, иди, тебя ждут, – Леля не в силах была говорить. От волнения захватывало дух. Марина смотрела в глаза подруги, – Береги себя. Я обязательно приеду за тобой. Ты мне веришь? – ее глаза требовали ответа. Леля молчала, она не в силах была говорить. Боль разлуки заполнила каждую клеточку. Марина взяла ее за плечи: – Скажи. Ты веришь мне? – Леля обняла любимую, с силой прижала к себе, как бы пытаясь растворитьcя в ней. Затем, нежно отстранила ее от себя и, глядя в бездонные глаза подруги, тихо произнесла, – Верю, – и Леля поцеловала Марину в губы, – Иди, тебя ждут.

В это время с дежурной части опять выглянула Нина Михайловна.

- Я вижу, ты не торопишься выйти отсюда, – возмутилась контролер.

Марина бросила ей: «Иду, – затем сказала Леле, – Все. Я пошла. Потерпи немного, скоро мы будем вместе». Марина скрылась за дверью.

Леля не могла сдвинуться с места. Она стояла как заколдованная, по щекам струились слезы. Кто-то взял ее за руку и повел. Она не сопротивлялась, шла. Она ничего не чувствовала, кроме душевной боли.

Лена завела Марину в свою локалку. Закурила сигарету и протянула Леле. Та автоматически взяла сигарету:

- Идем, на лавочку сядем, – предложила Лена.

Только сейчас Леля осознала присутствие Ленки.

- Идем, – согласилась она.

Когда они сели на лавочку, Леля спросила: «А ты откуда взялась?».

- От верблюда, – бросила Ленка, и как ни в чем небывало добавила, – Меня, между прочим, папа с мамой сделали. Вот я и взялась.

Леля вытерла слезы, сделала глубокую затяжку и, выпустив дым, тяжело вздохнула.

- Все, я осталась одна.

- Как это одна. А Марина? – возмутилась Лена и добавила, – Может я, Лелечка, что-то не понимаю, но одно я тебе могу сказать точно. Ты самая настоящая дура, – от этих слов Леля чуть не подавилась дымом. Глаза у нее расширились, она даже не

нашлась, что на это ответить.

- И не смотри на меня так. Разве я не права? Марина пошла на свободу, не куда-нибудь, а на сво-бо-ду. Ты радоваться должна, а не слезы лить. Скоро и ты уйдешь, ведь тебе совсем немного осталось. Что же так убиваться? – Лена пожала плечами – Я, конечно, понимаю, что тебе сейчас не легко будет без нее, но ведь это не на долго. Освободишься, и будете с Мариной вместе. Люди годами бывают в разлуке и ничего, не умирают, а тут каких-то полтора месяца. Разве это срок?

Выслушав Лену, Леля спросила:

- Лена, как ты думаешь, она приедет?

- Ну вот, я же говорю, что ты ненормальная. Такие глупые вопросы задаешь. Конечно, приедет. Она же жить без тебя не сможет. Я же говорю, что все влюбленные ненормальные. Вот скажи, если бы ты освобождалась раньше Марины, ты бы приехала за ней? – спросила Лена.

- Конечно, приехала, зачем такое спрашивать? – удивилась Леля.

- Вот видишь. Так почему ты сомневаешься, что она приедет? – поинтересовалась она.

- Не знаю? – пожала плечами Леля.

- Ладно, хватит, хватит траура на сегодня. Не терзай себя без толку. Всему свое время. Хочешь, я кофейку сварю. У меня печенье есть, – предложила Лена.

- Нет, не хочу. Я пойду к себе. Спасибо тебе, – Леля поднялась и пошла.

Лена смотрела на удаляющуюся Лелю: «Я бы тоже хотела так любить»,– подумала она.

Когда Марина зашла в дежурную часть, Нина Михайловна возмущалась.

- Я уже думала, что ты из-за подружки здесь останешься? Что за люди? Ни родные им не нужны, ни дети? – она хотела продолжить, но наткнулась на уничтожающий взгляд Марины.

- Ладно, давай я тебя обыщу, – Нина Михайловна грубо облапала Марину.

- Снимай трусы и присядь, – Марина молча повиновалась, ей хотелось побыстрее закончить неприятную процедуру.

- Одевайся, и иди вот здесь распишись, что получила свои вещи. Вон они, в мешочке, – контролер показала на небольшой мешочек, который валялся на полу.

- Я ничего брать с собой не буду, – запротестовала Марина.

- Тогда напиши, чтобы вещи положили на бесхоз. Все должно быть, как положено, – Нина Михайловна положила перед Мариной чистый лист бумаги.

Марина быстро написала и отдала листок контролеру.

- Ну вот. Теперь пошли на выход.

Марина последовала за Ниной Михайловной. На КП ей выдали справку об освобождении, билет на проезд и деньги в сумме 12 гривен. То, что она заработала за последний месяц. Все эти формальности заняли немало времени. Наконец, послед-

няя дверь распахнулась и Марина, переступив порог, была на свободе. Возле небольшого заборчика стояла мама.

Леля зашла в свой барак, подходя к своему кильдиму, она заметила, что кто-то там находится. Это была Оксана. Она застилала спальное место, где еще вчера спала Марина. У Лели в душе все перевернулось. Очень тяжело было смириться, что рядом с ней, в одном кильдиме будет находиться чужой человек.

- Ты сюда ложишься? – задала она вопрос Оксане.

- А ты против? – Оксана присела.

Леля легла к себе: «Мне абсолютно все безразлично, кто здесь будет», – и закрыла глаза.

- Зачем тогда спрашивать, если тебе все равно, – Оксана поднялась и вышла из кильдима.

Оксана находилась в колонии второй год. За свои прожитые 38 лет в лагере она находилась четвертый раз и чувствовала себя здесь, как рыба в воде. Родных у нее не было, помощи со свободы ждать было не от кого, но Оксана не унывала. Для себя она избрала роль сильного пола. Правда внешности своей она не изменила. Коротких, мужских стрижек она не носила, а наоборот, была обладательница роскошных, длинных волос, которые доходили ей до самых ягодиц. Внешность у Оксаны была яркая. Стройная, длинноногая брюнетка с красивыми, правильными чертами лица. Ее внешность могла украсить не одну обложку журнала, но судьба распорядилась иначе. Оксана была не равнодушна к горячительным напиткам, которые как выражалась она сама, мешали ей жить.

«В том, что я здесь нахожусь, виновата не я, а водка. Это она мною руководит, –объясняла она причину своего неоднократного пребывания в лагере. – Если бы я не бухала, то уверена, пошла бы очень далеко», – поговаривала Оксана. Но это, если бы, а так, все ее похождения заканчивались скамьей подсудимых и местами не столь отдаленными. Оксана не успевала насладиться радостями свободы. Самый большой промежуток между сроками был у нее восемь месяцев. Поэтому, «все, что не успела взять там, приходится добирать здесь», – так оправдывала она свою жизнь в зоне. Если это только можно назвать жизнью. Для того, чтобы реализовать свои желания, Оксана не брезговала ничем: «Главное, добиться того, чего ты хочешь, а каким путем, это не важно», – бывало, откровенничала она. И это были не только слова, это была горькая правда. Ложь, предательство, интриги, всевозможные каверзы, в понимании Оксаны, были непобедимым оружием, которое работало безотказно. Увы, природа не совершенна, если под красивой внешностью она скрывала такие гадкие человеческие качества, которыми обладала Оксана. Но, несмотря на это, она пользовалась успехом у женщин. Ее постель не пустовала, Оксана меняла партнерш одну за одной. Никакой привязанности она ни к кому не испытывала, а лишь использовала своих, жаждущих любви, поклонниц, которых было с избытком. За ней ухаживали, дарили подарки, надеясь удержать ее, но все было тщетно. Оксана играла в свою, одной ей известную игру. Переставляла в ней фигурки, как ей заблагорассудится. У нее был, своего рода талант, притягивания к себе женского пола. И она его использовала на всю катушку.

Когда Оксана вышла из кильдима, Леля облегченно вздохнула. Сейчас ей меньше всего хотелось с кем-либо разговаривать. Леля лежала с закрытыми глазами и пыталась заглушить в себе боль утраты. Ее терзали сомнения, действительно ли Марина приедет ее встречать? Ведь это здесь у нас одна жизнь, а за забором, она совершенно другая. Возможно там, она не будет во мне нуждаться, размышляла Леля. За годы, что Леля провела в лагере, примеров было предостаточно, когда одна из подружек, освобождаясь, клялась, что верой и правдой будет помогать, ждать. Обнадеживая своих дам обещаниями, а на самом деле, только переступив порог и вдохнув воздух свободы, забывали о том, что осталось за спиной, не задумываясь, что там за стенами, их ждут и верят. Этого больше всего боялась Леля. И как бы она не мучила себя, заглянуть вперед она не могла. И ей оставалось только ждать. Ждать и надеяться, что Марина не окажется одной из них. Лелины размышления прервал голос завхоза.

- Выходим на проверку. Почему все еще в секции? – возмущалась Светка.

Леля поднялась, поправила постель, накинула форменный халат и вышла на улицу. Лагерная жизнь продолжалась.

Весь день Леля ходила как неприкаянная. Она ни с кем не разговаривала, целый день провела, ничего вокруг не замечая. Выйдя на работу, во вторую смену, Леля села за машинку и всю смену не поднималась из-за нее. Лишь звонок на «съем» заставил ее оторвать ногу от педали.

- Наконец-то звонок дали, а то Лелька, наверняка машинку бы спалила. Я, удивляюсь, как она еще до сих пор не дымиться, – с иронией высказалась Оксана рядом стоявшей Светке, – Надо же так убиваться из-за подружки, недоуменно пожала она плечами. – Разве мало таких Марин в лагере? – Оксана хихикнула.

Света осуждающе посмотрела на Оксану.

- И откуда в тебе столько яда? Знаешь Оксана, а ты могла бы принести огромную пользу обществу, – интригующе произнесла Света, – Могу посоветовать, как это сделать. Не знаю, правда, получиться ли у тебя?

- Ну и каким образом? – поинтересовалась Оксана.

- Тебе надо к зубу мешочек подвесить, чтобы в него яд стекал. А потом, свой змеиный яд, сдать в аптеку. Так он, хоть пользу принесет, – дала Светке совет, – Лелька себе места не находит, а ты….

- Ой, ой, ой, какие мы сентиментальные. Может, возьмешь ее под свое крылышко? Утешишь, – не унималась Оксана.

Света смерила ее презрительным взглядом и подумала: «Почему только, такая красивая головка, набита опилками?», – но ничего не ответив, отошла в сторону. Давая понять, что разговаривать больше не о чем.

- Подумать только, какие мы правильные, – бросила Оксана ей в след и пошла на выход из цеха.

Придя с фабрики в барак, Леля быстро помылась, достала из-под подушки Маринину пижаму, в которой та спала последние дни. Одела ее и легла. Казалось пижама еще сохраняла тепло и запах любимой. Леля провалилась в сон.

На Ленку Маринино освобождение произвело немалое впечатление. Она видела, как Леля болезненно перенесла расставание, и мучилась от того, что ни чем не может помочь ей. Она искренне, как сестер, любила обеих женщин, и все, что было с ними связано, было ей не безразлично. Лена очень хотела, чтобы они были счастливы. Весь день прошел в дурацком настроении и единственного, чего сейчас желала Лена, это чтобы этот день быстрее закончился, но он как назло тянулся как резиновый.

Ленка валялась на кровати, закинув руки за голову и закинув ногу на ногу, когда в кильдим зашла Валя.

Что это ты сегодня целый день валяешься? Я уже который раз прихожу, ты все зад от скатки не отрываешь. Случилось что? – поинтересовалась Валюша.

- Ничего не случилось, – равнодушно ответила Лена.

- Ты случайно не заболела? – Валя приложила ладонь к Ленкиному лбу.

- Возможно, – и немного помолчав, добавила, – Только я еще не решила чем.

- Ладно. Когда установишь свой диагноз, обращайся. Может смогу тебе помочь с лекарством, – Валя села на кровать, взяла книгу и начала читать.

Ленка посмотрела на нее и подумала: «Хорошо, когда люди понимают, что тебе не до них».

В это время в секцию, как вихрь, влетела заплаканная Верочка Ершова. Снося все перед собой, она ворвалась в Ленкин с Валей кильдим и начала выкрикивать в Валькин адрес такие слова, что Лена с трудом улавливала их смысл и значение.

- Мерзкая, грязная тварь, – без предисловия начала выплескивать Вера, – Как ты могла затронуть меня своим поганым языком, – за этим последовала тирада нецензурной брани, казалось Верочка сейчас задохнется от злости, переполнявшей ее, если не выскажет весь свой словарный запас самых гадких слов, которые только знала. Когда словарный запас закончился, она попыталась дополнить его теми же словами, только изменив в них приставку и окончание. И только после этого, видать, почувствовав облегчение от вылитых на Валькину голову ведра помоев, уже более спокойным тоном произнесла заключающую фразу, – Запомни сучка, ты глубоко пожалеешь о содеянном. Ты даже себе представить не можешь, какого зверя ты разбудила. Это здесь ты под прикрытием, а там, за забором тебе уже ни один опер не поможет.

Последнее предложение Верка даже не сказала, а прошипела, как ядовитая змея, готовая бросится на свою жертву. Ее глаза лихорадочно горели, в них было столько решимости, что Ленка непроизвольно сжалась. Валя же сидела спокойно и невозмутимо. Казалось, что она вообще не замечает окружающего. Как только Вера замолчала, в секции наступила тишина, которая начала давить на уши. Все замерли, не понятно чего ожидая. Тишину нарушила Валя. Она поднялась, и со всего маху дала Верке увесистую пощечину, что Вера едва удержалась на ногах. Глаза у Верки расширились и были полны возмущения, в них горел огонь ярости и гнева. Она бросилась на Валю, как тигрица, не давая той опомниться.

Ленуся, поджав ноги, с ужасом наблюдала картину побоища. Вера умело наносила

удары, а Валя успевала лишь прикрывать лицо. Все, кто находился в секции, опешили от такого поворота событий, а затем, как по команде, ринулись разборонять женщин. Вернее, спасать Валю от озверевшей Верочки. Всеобщими усилиями Веру с трудом оторвали от Вальки. Верочка, явно не желавшая отпускать свою жертву, отчаянно сопротивлялась, порываясь вырваться и продолжить, как ей казалось не законченное до конца дело.

Ленка же, глядя на происходящее, вся съежилась в комок: «Господи, да что же это происходит?», – задавала она вопрос сама себе. Тут дверь в секцию распахнулась, и в нее ворвались трое контролеров. Вид формы подействовал на окружающих отрезвляюще, одна лишь Верочка проигнорировала их появление. Как только державшие ее руки расслабились, она вновь рванула в бой, но была остановлена двумя контролерами и принудительно выведена из секции. Оставшаяся Татьяна Сергеевна, подошла к Вальке.

- Ты в порядке, – поинтересовалась она.

- Все нормально, – бросила Валя, вытирая полотенцем кровь из рассеченной губы.

- Пойдем, напишешь объяснительную, что тут у вас произошло, – Татьяна Сергеевна направилась к выходу. Возле двери она остановилась, ожидая Валю, которая одевала, форменный халат. Через минуту они вышли.

Как только дверь закрылась, все с облегчением вздохнули. Лена все так же сидела на кровати, пребывая в шоковом состоянии. Из оцепенения ее вывел голос Оли Кравцовой

- И что вы все думаете по этому поводу? – обратилась она с вопросом ко всем.

- А что тут думать, – отозвалась Наташа Мальцева.

- Вальку давно прибить пора, чтобы она к мусорам не бегала. Сколько уже людей из-за нее пострадало, одному Богу известно. Просто никто с ней связываться не хотел, кому нужны лишние неприятности. А Веруню, видать хорошо задело, что даже сдержать себя не смогла. Вы ее глаза видели? Она же ничего не соображала, даже на мусоров не среагировала. Да, кстати, а как здесь мусора оказались? Из наших вроде бы из секции никто не выходил, или выходили? – Наташа обвела вопросительным взглядом всех, кто находился в секции.

- Да, никто у нас не выходил? – отозвались голоса.

- Девочки, у меня такое впечатление, что мусора заранее знали, что будет драка. Ведь если разобраться, Валька сама спровоцировала Веру. Она же первая ударила, – вслух размышляла Наташа. Она хотела еще что-то добавить, но Рита Звягинцева, ее семейница (семейницами называли женщин, которые вместе общались, питались, без близких отношений) прервала Наташу:

- Хватит разглагольствовать, идем лучше покурим, а то ты прям расследование начала проводить. Кто куда пошел и куда пришел. Пошли на воздух, – Рита взяла Наташу за руку и потянула на выход.

Все разошлись по своим кильдимам.

Услышанное никак не могло перевариться в Ленкиных мозгах. Из всего разговора

она поняла, что Валя работала на оперчасть, все об этом знали и ни для кого это не было новостью. Только одна она не ведала о способностях Валентины. Лена встала и вышла из секции. Она направилась на улицу. Выйдя из барака, Ленка поискала глазами Наташу с Ритой. Увидев их, она направилась к женщинам. Ей необходимо было поговорить.

Наташа с Ритой о чем-то спорили, но как только Лена подошла к ним, прекратили разговор.

- Девочки, я, конечно, извиняюсь, что помешала вам, но я хочу кое о чем спросить, – начала Ленка.

- Спрашивай, если сильно хочешь, – заулыбалась Наташа.

- С чего вы взяли, что Валя, как бы это сказать, – замялась Лена.

- На оперов работает, – помогла ей Наташа, – Так это ни для кого не новость. По-моему, это все знают, только вслух не говорят. А для тебя, это что, новость? – Наташа подкурила сигарету.

- Новость, это не то слово. Я всем этим просто ошарашена, – выпалила Ленка.

- Ты, Леночка, вроде только что с луны свалилась. Как не в отряде живешь. Таких людей как Валюша надо не только знать в лицо, а даже то, о чем они думают, – многозначительно произнесла Наташа.

- А ты, Леночка, живешь с человеком в одном кильдиме и ни о чем не знаешь. Разве можно так в лагере жить. Ведь в этом болоте надо всегда на чеку быть, чтобы жабы, которые рядом, тебя за обедом не проглотили. Правда, Риточка?

- Правда, правда, – подтвердила Рита, – Только вот ты у меня, по-моему, слишком много знаешь, убивать пора, – пошутила Рита.

- Я знаю то, что мне надо знать, – фыркнула Наташа, – И считаю, что по-другому здесь жить нельзя, а то сожрут и не подавятся.

Лена слушала женщин и думала: «Лучше бы я вообще всего этого не знала. Век живи, век учись. Все же Леля была права, когда сказала, чтобы я подумала на счет Вали, когда меня в оперчасть вызывали после разговора с той женщиной, что из окошка выпрыгнула. И почему только люди так поступают? Не живется им спокойно.

- А ты, Леночка, должна быть повнимательней при выборе подруг, – прервала ее размышления Наташа.

- Спасибо за совет. Ладно, девочки, пойду я, – Лена направилась в сторону барака. Наконец-то сегодняшний день подошел к концу. Лена легла спать, но сон не шел. В голову лезли разные мысли, и она никак не могла их отогнать. За день ее мозг получил столько информации, что переварить ее было не просто. Из головы не выходили Леля с Мариной, Валя с Верочкой.

Веру за драку закрыли в ШИЗО. Валя пришла в секцию перед самым отбоем, она ни с кем не разговаривала, разделась и легла в постель. Лена никак не могла поверить, что Валя могла кого-то предать. Другим словом, она не могла назвать ее поступки.

После драки, которая произошла, весь барак жужжал как улей. Вспомнили все Валь-

кины грехи, Бог знает, какой давности. И то, что когда она находилась в тюрьме, ее кидали в камеры как «утку». И то скольким добавили срока. Лена, узнав такие подробности, никак не могла понять, почему Валя так поступала? Перед самым отбоем Ленка разговаривала с Наташей. Они были вдвоем, и Наташу как прорвало. Она рассказала, как Валя на свободе дружила с женщиной, и были они очень близкими подругами. Обе вращались в криминальном мире, у обеих мужья из криминальной среды. Валя торговала наркотиком, сама иногда баловалась травкой и от иголочки не отказывалась. Подруга ее работала в торговле, и как это обычно в такой сфере, занималась какими-то махинациями. Ведь каждый хочет жить получше. Какими точно Наташа толком не знает, а вот Валя все делишки своей задушевной подруги знала хорошо, так как та делилась с ней всеми своими тайнами. И вот, когда Валюшу с наркотой взяли наши доблестные правоохранительные органы и упекли за решетку, та потянула за собой чуть ли не всех, кого могла. И подружку с ее мужем, и знакомых подружки. «Даже своего мужа не пожалела, – с ужасом высказалась Наташа. – Только вот, не понятно, почему она так поступила? Обычно когда человеку светит немалый срок, он пытается как-то себе его сократить. Надеется, что чистосердечное признание, смягчит его вину. Вот мол, раскаялся, простите меня судьи дорогие. Не понимают дураки, что чем больше ты расскажешь, тем больше тебе дадут, – иронизировала рассказчица». Но у Наташи дело вроде чистое было, ведь ее не на сбыте наркоты хлопнули, а только за хранение, для себя, а за это много не дают. Получила она три года, как повторка (не однократная судимость). И вот, как только ее осудили, пошло-поехало. Целый год пробыла она в тюрьме. Из хаты в хату ее кидали. Она женщина обаятельная, всех обо всем расспрашивает, сочувствует всем, советы дает. В общем, располагает к общению. Вот многие и покупались, делились своими секретами. А в тюрьме разве мало таких, что сидят за одно, а не раскрытых куча всяких, разных похождений. И по простоте своей душевной, Валюше похождения свои тайно доверяли, а она все это операм излагала. Ей, наверное, скучно было. Как же, она срок получила, пусть и у окружающих жизнь усложнится. «Хотя трудно сказать, почему человек так поступает, – рассуждала Наташа. – У каждого на это свои причины. Одни хотят свой загаженный зад прикрыть. Другие работают на оперов за вознаграждение, а есть и такие, что по натуре своей предатели. На свободе этих стукачей пруд пруди, а по тюрьмам и лагерям, вообще, мама дорогая, сколько их. Сука на суке сидит и сукой погоняет, – вздыхала Наташа, – Были времена, когда в лагерях люди жили по понятиям, а сейчас, порядочный человек – это редкость, музейная реликвия. Сейчас в нашей жизни все вверх ногами стало, нигде нет порядка и справедливости, да и не будет уже, наверное, никогда. Везде беспредел, что на воле, что в лагере».

Весь этот разговор крутился в Ленкиной голове и не давал покоя. Не хотелось верить в то, что вокруг столько дерьма. Лучше ничего не видеть, и ни о чем не задумываться, только, как это сделать? Как не замечать того, с чем ты постоянно сталкиваешься?

Несмотря на то, что Ленка была еще совсем молоденькой, жизнь потрепала ее предостаточно. Оглянись назад, хорошего было не так уж много. Разве что, детство. Мама, папа, Ленка, благополучная семья, домашний уют. Почему же жизнь пошла наперекосяк? Ленкины мысли ушли в воспоминания. Каким счастливым и беззаботным было детство. Мама всегда была рядом, правда папа частенько куда-то

уезжал по работе, но когда вся семья собиралась вместе, дни были настоящими праздниками. До школы Лена постоянно находилась возле маминой юбки, даже во двор выходила гулять под маминым присмотром. В дошкольных заведениях она не была, с соседскими детьми играла очень редко, предпочитала большее время проводить возле мамы. И когда пошла в первый класс, то ужасно нервничала, что мамы не будет рядом. Вот и сейчас, Лена чувствовала себя первоклассницей, ей не хватало мамы. Ужасно хотелось спрятаться в маминых объятиях, от окружающего ее мира – мира подлости, лжи и грязи.

В бараке все уже давно спали. За окном пошел дождь. Крупные капли стучали по стеклу, выбивая монотонную мелодию осени. Дождь то усиливался, то затихал. Лена поежилась и потеплее закуталась в одеяло. Шум дождя успокаивал ее. Лена ушла в страну снов. Резкий порыв ветра захлопнул форточку, Лена вздрогнула от неожиданного стука, открыла глаза. Вокруг все спали. Лена перевернулась на бок и снова погрузилась в сон.

Ночь подошла к концу, а дождь, все еще не прекращался. Небо было темным и хмурым. Объявили подъем. Просыпаться никому не хотелось, но режим остается режимом в любую погоду. Барак постепенно оживал. Перебежками пробирались в столовую, шлепая по лужам. А небо как прорвало, дождь шел и шел, не собираясь заканчиваться. От мокрых вещей в жилой секции чувствовалась сырость.

- Ну и погодка сегодня выдалась, прям потоп какой-то, – в секцию зашла Наташа Мальцева, на ходу стягивая с себя мокрые вещи, – Хоть бы не заболеть после такой прогулки под дождем. Дождик совсем не теплый, я бы даже сказала наоборот. – Наташа зашла в свой кильдим, переоделась в сухой халат, взяла полотенце и начала вытирать волосы.

- Ты уже сбегала в столовую? Быстро. А я чайку закипятила, сейчас попьем горяченького – заходя в кильдим с кружкой парующего кипятка, прощебетала Рита. – Замерзла? – спросила Рита, глядя на кутающуюся в одеяло Наташу.

- Есть немного. Уже все, тепло не скоро будет. А там и зима не за горами, – Наташа села на кровать, поджав под себя ноги.

Рита налила чай, насыпала сахар и подала ей кружку:

- Держи, попей горяченького, а то заболеешь чего доброго, – Рита налила себе чая и села возле Наташи.

Единственное, что радует, так это то, что считать нас будут в бараке, – сказала, улыбнувшись, Наташа, – Не надо будет на плацу стоять.

Рита глянула на подругу и покачала головой:

- Что же тут хорошего, в бараке дышать не чем, сыро. Лучше, если бы все на воздух вышли, барак проветрился бы, – Рита поднялась, поставила кружку на тумбочку и продолжила, – А тебе не мешало бы в санчасть сходить, аспирина выпить. А то заболеешь еще, вон мокрая какая, – Рита провела рукой по Наташиным волосам, которые были еще мокрые от дождя.

В секцию вошла завхоз.

- Выходите на коридор, контролеры пришли считать, – гаркнула она и вышла.

Лена проснулась от резкого голоса. Поднялась и в полудреме направилась к двери.

- Халат хоть одень, а то идешь в одной рубашке, – проходившая мимо Рита набросила Ленке на плечи халат. Лена укуталась в него и вышла в коридор. В коридоре ступить было негде. Женщины стояли плотной стеной. Многие еще толком не проснулись и стояли, подпирая друг друга с закрытыми глазами. Кто-то пытался протиснуться через толпу, в сторону туалета, возмущая стоявших, не желающих сдвинуться с места. Кто-то, неся кружку с кипятком, выкрикивал: «Дайте пройти, осторожно кипяток», на что стоявшие отвечали какой-нибудь дерзостью, но расступались, не желая быть обваренными. Лена прислонилась к стене, не желая расставаться со сном. Наконец по толпе прошел гул: «Пропустите контролера». Женщины зашевелились, давая пройти контролеру к секции.

Ольга Степановна зашла в жилую секцию, обошла ее, чтобы убедиться, что в ней никого нет, и став у двери, скомандовала, – Заходите по одному, – и стала считать входивших.

Оказавшись снова возле своей кровати, Лена сразу юркнула под одеяло. Надо попытаться уснуть, это лучшее, что можно придумать, чтобы ничего не видеть и не слышать. «Этого мне сейчас больше всего хочется», – подумала Лена, хотя сон она уже перебила, и спать совершенно не хотелось.

В кильдим зашла Валя, вид ее желал быть лучше. Губа была разбита, глаз распух, нос расплылся по всему лицу. «Красавица, ничего не скажешь», – подумала Лена, еле сдерживая неуместную улыбку. Валя молча застелила постель, оделась и вышла из секции.

- Неужели она с такой рожей, к ребенку пойдет? – высказала свои мысли вслух, проходившая мимо Наташа.

- Ты когда-нибудь закроешь свой рот? – одернула ее Рита, которая шла сзади. – У тебя не язык, а метла, которая метет все, что ни попадя. Лучше бы ты немой была.

- Для кого лучше? – возмутилась Наташа.

- В первую очередь, для тебя, – сделала Рита заключение.

Женщины вышли из секции, продолжая спорить.

«Уснуть мне видно не удастся», – размышляла Лена, но расставаться с подушкой ужасно не хотелось, да и живот что-то побаливал. Целый день она провела в горизонтальном положении, вставая лишь для того, чтобы покушать и пройтись по своим нуждам. Так прошел день.

Дождь то заканчивался, то начинался снова. Небо было беспросветным и казалось, что эта тоскливая погода никогда не кончится. В бараках сыростью пропиталось все. Вещи, постели, все испаряло влагу. На стенах появились влажные разводы. А дождь все шел и шел. Трое суток небо закрывали тучи, не давая солнцу дотронуться до земли, хотя бы одним лучиком.

В рабочей зоне дали звонок на съем второй смены. Леля стояла возле окна и смотрела на дождь. Последние дни она выматывала себя на работе так, что к концу смены было одно желание, упасть в постель и забыться.

- Пойдем, уже почти все вышли, – Оксана подошла к Леле и тронула ее за руку.

От прикосновения Леля вздрогнула.

- Я тебя напугала? – Оксана виновато смотрела на Лелю.

Леля хотела вспылить, но растерянное выражение лица Оксаны остановило ее. Леля заулыбалась:

- Скорее, это ты испугалась.

Оксана опустила глаза:

- Если бы ты видела, каким ты меня взглядом одарила, когда я взяла тебя за руку, ты бы сама испугалась, – все это было произнесено с такой интонацией, что Леля почувствовала себя неловко. Оксана была права, нервы у Лели были на пределе. Всегда общительная, уравновешенная, сейчас Леля не узнавала саму себя. Она замкнулась и не решалась пускать в свой мирок никого. Малейшее вторжение в него раздражало и вызывало гнев.

«Наверное, я схожу с ума, а это лишнее, – подумала Леля, и, взяв Оксану за руку улыбаясь, сказала, – Идем мокнуть под дождь».

Как лучик солнца, улыбка осветила лицо Оксаны. Эта улыбка почему-то приподняла Леле настроение, что не ускользнуло от Оксаны. Это придало ей уверенности. Оксана, с первого дня освобождения Марины, пыталась «утешить» Лелю, но постоянно натыкалась на глухую стену. Леля не желала даже разговаривать. Но Оксану это не останавливало, она выжидала как хищница свою добычу, ждала благоприятного момента. И сейчас, как это показалось Оксане, этот момент настал.

Развод с рабочей зоны прошел быстро, видимо у контролеров не было желания мокнуть под дождем, несмотря на то, что все они были одеты в защитные плащи. Но этого «быстро» вполне хватило, чтобы промокнуть до нитки осужденным, пока те попали в барак.

- Быстренько раздевайся и в умывальник, а я поставлю кипятка, – распорядилась Оксана, как только они с Лелей зашли в кильдим. Все это она произнесла таким тоном, что Леля восприняла это как само собой разумеющееся. Через несколько минут они сидели вместе на кровати, и Оксана поила Лелю сладким ароматным кофе с бутербродами и щебетала о всякой ерунде, рассказывая то анекдот, то какую-то смешную историю. И Леля непроизвольно расслабилась.

- По-моему, Леля заглатывает наживку, – прошептала Оля Зое, которые были Лелиными соседями.

- А тебе не все равно? Разве плохо, что Оксана немного развеет мрачные мысли у Лели? – тихо спросила Зоя, – Ведь Лелька сама на себя не похожа, прямо на лице осунулась за эти дни, – сочувственно продолжила Зоя.

- Неужели Лелька не устоит? – задала Оля вопрос, как бы сама себе, – Нет, не может быть, она слишком Марину любит, – вслух размышляла Оля.

Зоя вздохнула: «Но Марины ведь сейчас нет, а Оксана, очень даже интересная женщина, хоть и сволочь. Но на одну ночь, я бы тоже наверно не устояла перед ней», – мечтательно заключила Зоя, за что получила подзатыльник от Оли.

- Спать ложись, неустойчивая, – шутливо сказала Оля, – Я пойду покурю и тоже спать.

- Я с тобой, – приподнялась Зоя.

- Ты не куришь, ложись, – Оля за плечи усадила Зою на постель, но та не унималась.

- Что ты зарекомендовалась, может я в туалет хочу? – возмутилась Оля и нахмурила бровки, как маленький ребенок.

Зоя заулыбалась:

- Какая же ты неугомонная, идем, подышишь дымом, – и они вышли из секции.

- Идем, покурим, а я чашки сполосну. Или будешь ложиться, – спросила Оксана, убирая чашки.

- Идем, – согласилась Леля, беря сигареты.

Когда Леля с Оксаной шли по коридору, все кто там находился, провожали их взглядами и шушукались. Такой поворот событий был для окружающих неожиданным. Да и почесать языками многие были «не любители». Одним словом, ЖЕНЩИНЫ. А основная масса слабого пола просто не представляет жизнь без сплетен и пересудов. А в этих местах, где информация очень ограничена, то обсуждаются самые незначительные изменения в жизни окружающих. Когда человек длительное время проводит в изоляции от общества, он начинает деградировать. Однообразное течение времени, отсутствие интересов к знаниям, безразличие к происходящему в мире, ограничения и многое другое не проходит бесследно ни для кого, оставляет отпечаток на психике, сильно влияет на восприятие человека окружающего мира. Человек разучивается мыслить и начинает жить инстинктами. Все интересы ограничиваются потребностями – еда, сон, работа, секс. «Перемывание костей» окружающих – можно сказать, одна из интересующих тем для окружающих.

Только Леля сейчас не видела никого и ничего вокруг. У нее было приподнятое настроение и сейчас она не чувствовала себя совершенно одинокой, как последнее время.

Оксана затушила сигарету:

- Ну что, пошли спать? – и, глянув на часы, добавила, – Уже первый час. А то завтра на проверку не поднимешься. Да и устала, небось, целую смену с машинки не вставала. Я думала, у тебя машина сгорит от перенапряжения. Ты сегодня почти три нормы вышила, я была просто поражена. Даже не думала, что у нас в бригаде есть такая, ас–швея, – с гордостью произнесла Оксана.

От ее слов Леля смутилась, но в душе такая оценка ее способностей польстила ей. Когда Леля с Оксаной зашли в секцию, свет уже был потушен, и к своему кильдиму они пробирались на ощуп, стараясь не нарушить тишину.

Зайдя в кильдим, Леля села на кровать, Оксана поставила кружки в тумбочку, расстелила постель, и начала раздеваться. Леля сидела и наблюдала за Оксаной. Ее глаза привыкли к темноте, и она ясно видела, как Оксана сбросила халат и одевала пижаму. Фигурой Бог Оксану не обидел, и Леля, невольно, залюбовалась ей. Чувствуя Лелин взгляд, Оксана намеренно не спешила спрятать свое тело. Она одевалась не

спеша, демонстрируя свои ножки, одела штанишки, при этом, оставаясь до пояса обнаженной. Затем, накинула рубашку и, не застегивая ее, села на кровать.

-- Чего ты не ложишься? – как бы только заметив, что Леля сидит напротив ее, спросила Оксана шепотом и прикрыла полами рубашки обнаженную грудь.

Леля ничего не ответила, разделась и легла.

- Спокойной ночи, – прошептала Оксана, укрываясь.

- Спокойной, – ответила Леля и повернулась на бок.

Оксана была удовлетворена, «вечер прошел отлично», подумала она, «но не будем спешить, чтобы не потерпеть поражение». С этими мыслями она уснула.

А Леля уснуть не могла. Она вся ушла в воспоминания. Перед глазами стоял образ Марины. Лелино тело жаждало ласки любимой. Ее мозг воспроизводил пережитые сцены любви. Леля мысленно прикоснулась к Марининой груди и чуть ли не физически ощутила ее упругость. Затем ее рука опустилась вниз, и стала поглаживать животик, плавно перешла на бедро. Тело любимой было нежным, как шелк, оно таяло как воск в Лелиных руках. И это доставляло ей неописуемое удовольствие. «Девочка моя, как мне тебя не хватает», – мысленно произнесла Леля. Не осуществимое желание приносило боль, ее сердце разрывалось на части. «Мариночка, прошу тебя, отпусти меня, мне тяжело», – взмолилась Леля. Но желание было сильнее ее. Леля положила свою руку на низ живота, пытаясь охладить возникшее желание, но оно предательски вырывалось наружу, пульсируя и обжигая ладонь, требуя успокоительной ласки. Рука непроизвольно опустилась, и пальцы погрузились во влажную плоть. Леля вздрогнула от этого ощущения и одернула руку. Но плоть звала, просила утолить жажду. Леля почувствовала запах Марининого тела. «Я схожу с ума», – промелькнула мысль. Разум боролся с желанием. Рука опять легла на лобок, и пальцы стали поглаживать его. Казалось, внутри проснулось какое-то существо и пытается вырваться наружу, но для этого ему нужна была помощь.

Не в силах больше сдерживать себя, Леля отдалась ощущениям. Она приоткрыла манящую дверцу и начала искать способ, как выпустить наружу то существо, которое не давало ей покоя. Каждое ее движение приближало к оргазму. Прикосновение к клитору заставляло вздрагивать. Возбуждение было настолько сильным, что несколько движений рукой, и Леля достигла оргазма. Через все тело прошла волна наслаждения. Неведомое существо, наконец, вырвалось наружу, что принесло облегчение. Приятная истома овладела каждой клеточкой. Леля расслабилась: «Господи, что со мной происходит? Ведь я никогда не прибегала к таким вещам», – начала мысленно терзать себя Леля. Она встала, взяла сигарету, и вышла из секции. В коридоре никого не было. Леля присела на корточки и закурила.

«Со мной происходит что-то ненормальное. Ведь раньше я не испытывала ничего подобного. А сейчас, дать волю рукам. Почему так произошло? Я совсем из ума выжила», – размышляла она. Потушив сигарету, Леля отправилась в постель. Укрывшись, она сделала заключение: «Надеюсь, больше такого со мной не повторится». Эти мысли немного успокоили ее, и она уснула. В своих сновидениях Леля куда-то ехала, спешила. Поезда, вокзалы, рельсы. Затем, она очутилась в каком-то длинном коридоре и пыталась выйти из него, но постоянно лишь натыкалась на закрытые

двери. Казалось, она попала в лабиринт. Но вот, появилась Марина и позвала Лелю. Леля побежала к ней, бросилась в объятия и плакала. Марина взяла Лелю за руку и повела к мерцающему вдали свету. Как только они достигли его, перед Лелей раскинулась цветущая поляна, освещенная солнцем. «Ты будешь здесь жить», – произнесла Марина, указывая на поляну. Леля почувствовала прикосновение руки, оно было нежным и теплым.

- Лелечка, проснись, надо идти на проверку, – сказал чей-то знакомый голос.

Видение исчезло. Слух уловил гул, который создавали осужденные, собираясь выходить на построение. Это напоминало вокзал.

- Леля, поднимайся, – голос Оксаны окончательно разбудил. Леля открыла глаза.

- Видимо тебе снилось что-то хорошее? Ты улыбалась во сне. Я даже будить тебя не решалась, – Оксана сидела на своей кровати и расчесывала волосы.

- Да, – вздохнула Леля, – Я была далеко отсюда, – с сожалением сказала она, – Но ты заставила меня вернуться сюда и мне теперь придется идти на проверку. Во сне было на много интересней.

Оксана улыбнулась:

- Поверь, я это сделала не по своей прихоти, а по режиму содержания. Ты и так находишься в постели больше положенного времени. Посмотри, люди уже вышли, а ты до сих пор в постели. Ждешь, когда тебя конвой поднимет? Или тебе достаточно, моего, «вставай, пожалуйста».

- Вполне, – Леля быстро поднялась и как солдат, через считанные минуты была готова выходить.

- Чувствуется военная выправка, – пошутила Оксана.

Из секции они вышли последние. Все утро Леля была в подавленном настроении. Ей не давала покоя прошедшая ночь. Она все время возвращалась к пережитым ощущениям. Никогда раньше она не прибегала к самоудовлетворению, и она не могла понять, что же сейчас толкнуло ее на это.

Оксана, видя Лелино настроение, старалась не навязчиво поднять его. Сразу после проверки заварила чайку, позвала Лелю.

- Не хочешь чайку попить? Я уже сварила. Посидим на воздухе. Дождя нет, солнышко вышло, надо ловить момент, а то скоро зима, на улицу нос не покажешь, или у тебя другие планы? – поинтересовалась Оксана, зайдя в кильдим.

Леля лежала на кровати, закинув руки за голову. Предложение Оксаны даже обрадовало в какой-то степени, очень хочется отвлечь себя от мыслей, которые лезли в голову. Леля поднялась.

- Пойдем, я не против, – согласилась она.

Оксана заулыбалась, явно обрадованная Лелиному согласию, и это не ускользнуло от Лелиного внимания.

- Только накинь что-нибудь, на улице не жарко, хоть и солнышко, – посоветовала Оксана, видя что Леля собралась выходить в одном халатике.

Леля, сдерживая улыбку, приподняла одну бровь:

- Переживаешь?

- Нет, просто советую, – Оксана вскинула свою красивую головку и направилась к выходу. Леля последовала за ней.

За кружкой чая и разговорами Леля немного развеялась. Настроение заметно улучшилось. В обществе Оксаны Леля чувствовала себя легко и свободно. Оксана, со своей стороны, старалась не надоедать, но, в то же время, не давала забывать о себе.

Так прошла неделя. От Марины не было никаких вестей. И если первые дни Леля изводила себя ожиданием, то сейчас она немного смирилась с тем, что писем нет.

И в этом ей очень помогала Оксана, отвлекая от мыслей, которые ее мучили. Оксана, окружила Лелю своей заботой. Они стали больше проводить времени вместе, и Леля не противилась этому. Никто не мог понять, почему Леля так близко подпустила к себе Оксану. Эта тема была обговорена со всех сторон. Прокрутилась в различных вариантах. Всем хотелось знать ответы на интересующие их вопросы. Некоторые даже пытались заводить разговор с Лелей, но как только вопрос касался Марины или Оксаны, тема сразу же становилась закрытой. Любая попытка приоткрыть занавес неизвестного терпела поражение. И, вволю насытившись перетиранием отношений интересующих личностей, постепенно успокоились, смирившись с происходящим.

- А вот и я, небось, не ждали? – удивила Лена своим неожиданным появлением Лелю.

- Как жизнь? Я тебя сто лет не видела. Хоть бы раз в гости зашла. Марина ушла, и ты меня совсем забыла, – с упреком проговорила Ленка.

Леля обрадовалась, увидев Ленусю.

- Ой, Леночка, заходи, раздевайся, – подскочила она с кровати и начала помогать Ленке, снять фуфайку. – Действительно, сто лет не виделись, дай я хоть на тебя посмотрю, – рассматривая подругу, Леля провела рукой по заметно округлившемуся животику.

- Растешь на глазах, – сделала она заключение, – Ну, что мы стоим, садись, – Леля убрала с кровати журнал, с которым коротала время после работы, – Рассказывай, как ты? – поинтересовалась Леля, усадив Ленусю и сев рядом.

- А что мне рассказывать, сижу, как все мы сидим, – вздохнула Лена, – А ты как? – спросила она Лелю.

Леля пожала плечами:

- Я можно сказать никак, досиживаю последние дни. Сегодня ровно месяц остался до конца. Казалось бы, не много, а дни остановились, – пожаловалась Леля.

- Знаю, что у тебя сегодня месяц, «круглая дата», поэтому и пришла отметить. Но как я наслышана, ты не должна скучать последние деньки, у тебя есть, кому их скрасить, – съехидничала Ленка.

Леля заулыбалась: «Меньше бы ты слушала, больше бы пользы было».

- Может быть. Но ты же, знаешь, земля слухом полнится. А наш лагерь только этим и живет. Так что рассказывай, что в твоей жизни нового? – настаивала Лена, – Я тебе вроде не чужая. И мне абсолютно не безразлична твоя жизнь. Выкладывай, не заставляй меня мучиться, – не унималась Ленка.

Своим любопытством она рассмешила Лелю, и Леля решила немного помучить Ленку.

- Наверно, если бы до тебя не дошли сплетни, ты бы не соизволила прийти. Да? – поинтересовалась Леля.

- Почему ты так решила? Я бы в любом случае пришла. Это ты меня забыла совсем, – обиделась Лена. – Ну вот, я к ней в гости пришла, а она меня сплетницей назвала, – возмутилась Лена.

- Ладно, не преувеличивай, никак я тебя не называла. Это уже твоя фантазия, – успокоила ее Леля, – Мы отмечать «дату» будем, или ты уже передумала? – спросила Леля.

- Будем, конечно, – фыркнула Ленка, – Иди кружку ставь, я принесла напиток Богов.

- Нектар, что ли? – пошутила Леля.

- Кофе. Это по круче нектара, – заулыбалась Ленка, – Так что, иди, вари. Ведь я у тебя в гостях, – Ленка поудобней устроилась на кровати.

- Но «дата» моя, – возмутилась Леля.

- Это ничего не меняет. Вот когда придешь ко мне в гости, я буду все делать. А сейчас, не спорь. А то…, – Лена прервалась на полуслове, в кильдим зашла Оксана.

- Что делим? – спросила она.

Лена растерялась, но старалась не подавать виду:

- Мы не делим, а не можем решить, кто пойдет кофе варить, – объяснила Лена.

- Чтобы вы не спорили, предлагаю помощь. Давайте кружку, я сварю, – предложила Оксана.

- Отлично. Леля дай кружку, – Лена обрадовалась возможности остаться с Лелей вдвоем, хотя бы ненадолго, чтобы кое-что спросить. И как только Оксана вышла, сразу пристала к Леле, – Ты мне скажи, какие у вас отношения? Должна же я знать. А то я себя, неловко чувствую, – настаивала Лена.

- Угомонись. Никаких отношений у нас нет. Так что чувствуй себя как дома. Мне месяц до освобождения остался, о каких отношениях может идти речь? – возмутилась Леля.

- Ну не знаю, за месяц можно много успеть. Вот только, Марина как? – осторожно спросила Ленуся.

Леля пристально посмотрела на Лену, и тихо произнесла:

- Давай не будем об этом.

- Но почему? Почему ты не хочешь поговорить? Почему держишь возле себя эту

размалеванную куклу? Неужели все, что было у тебя с Мариной, это блеф? Так во что же тогда верить в жизни? – засыпала Ленка вопросами.

Леля, молча, сидела и смотрела на нее.

«Я бы очень хотела знать, как Марина. И почему от нее нет весточки», – подумала Леля и вслух сказала:

- Ленуся, не кипятись. Мне и так сейчас тяжело. Душа на части разрывается. Давай лучше не будем затрагивать тему о Марине. Одно могу тебе сказать. Как бы не сложилось дальше, она у меня здесь, – Леля показала рукой там, где билось сердце, – И больше там нет места ни для кого.

Услышав это, Ленка удовлетворенно вздохнула: «Леля, у вас с Мариной все будет хорошо, не сомневайся в этом. Вспомнишь мои слова», – она обняла Лелю и поцеловала в щеку.

- Теперь, я буду спать спокойно. Ну, где эта…, – Лена запнулась и заулыбалась. – Мы кофе пить будем, или его только к вечеру сварят? – съехидничала она.

- Не будь «язвой желудка», – одернула ее Леля.

В кильдим зашла Оксана с кружкой ароматного кофе. Леля поставила табурет посередине кильдима, Оксана поставила кружку и женщины сели на кровати.

- Леля, возьми там у меня в кармане гостинец, – Лена показала на фуфайку.

Леля, опустив руку в карман, достала оттуда плитку шоколада.

- Берегла для торжественного случая, – с гордостью объявила Лена.

- Ну, давайте уже пить, а то страшно шоколада хочется, – поторопила она.

- Я представляю, как тебя эта шоколадка мучила, – покачала Леля головой.

- Правильно представляешь. Она мне спать не давала, – шутила Ленуся, и, взяв кружку с кофе, подняла ее как бокал, и торжественно произнесла, – За тебя, Лелечка. Иди домой побыстрее. А то тебя там уже заждались, – подчеркнула Ленуся. Пригубила крепкий кофе и отломала шоколадку, затем передала кружку Оксане. Та молча сделала пару глотков и передала Леле. Леля, взяв кружку, обратилась к Ленусе:

- Леночка, спасибо, что зашла, что не забыла, а то кроме Оксаны до меня дела никому нет, – Леля перевела взгляд на Оксану.

- Не преувеличивай, – бросила, Лена беря кружку.

Леля хотела ответить, но промолчала.

Пока пили кофе обстановка была напряженной. И как только был сделан последний глоток, Оксана поднялась с такой поспешностью, что показалось, она этого только и ждала, – Вы тут посидите, а мне по делам надо. Не скучайте, – Оксана накинула телогрейку и пошла на выход. Ленуся вздохнула с облегчением.

- Ну, слава Богу. А она не дура. Понимает, что ей здесь делать нечего, – Ленка посмотрела на Лелю, – Ты на меня злишься? Но я ничего не могу поделать с собой, чужая она, – объяснила Лена. – Я к тебе пришла, хочу с тобой поговорить, а она, сама по-

нимаешь, лишняя, – пыталась она оправдаться.

- Я не злюсь, с чего ты взяла. Лучше расскажи мне, как твои дела? – спросила Леля.

- Я даже не знаю с чего начать, так много всего накопилось, – начала Лена, и поведала Леле все, что произошло за последние дни. Рассказала за Валю все, что ее мучило, не давало покоя. За свои переживания по поводу протекающей беременности. За полученное письмо из дома. В общем, выложила все, все, что накопилось за эти дни.

Женщины разговаривали долго, как будто не виделись целую вечность. И когда Лена начала собираться к себе, она чувствовала облегчение, что могла вылить все свои переживания Леле. Так как здесь, это был самый близкий человек.

Леля провожала Лену до выхода из локалки.

- Ну, я пошла, – Лена поцеловала Лелю в щеку и хотела идти, но приостановилась, – Ты не переживай, что от Марины ничего нет, может у нее дел много, она обязательно напишет или приедет. Я уверена в этом, – и, не ожидая ответа, пошла в свой отряд. Леля смотрела ей вслед и думала, «какая она еще маленькая».

На улице заметно похолодало. Леля поежилась и посмотрела на небо. Собирались тучи. «Дождь будет», – подумала Леля и пошла в барак.

Весь вечер у Лели не выходили из головы последние слова, которые ей сказала Лена. Они ее терзали, не давая покоя. «А может Ленка права, может я напрасно злюсь на Марину, за ее молчание. Хотя, написать два слова могла, если бы хотела. Вот именно, если бы хотела, – повторила она сама себе, – Значит, не хочет»,– и от этого на душе стало нестерпимо больно.

За окном послышался шум дождя. Леля посмотрела на часы: «Скоро отбой»,– подумала Леля и начала готовиться ко сну. Через несколько минут она уже лежала в кровати. Пришла Оксана.

- Ты уже отдыхаешь? А я к Наташе ходила. Мы с ней весь вечер проболтали, – Оксана взяла полотенце, – Думаю, до просчета успею помыться, – бросила она, выходя. Леля проводила ее взглядом.

Оксана вернулась быстро:

– В умывальнике, никого, даже не верится. Как провела время с гостьей? – задала она вопрос Леле с иронией. Леля улыбнулась.

- Ложись спать. Очень хорошо успокаивает нервную систему, – пошутила Леля.

Начался просчет. Контролер зашла в секцию, пересчитала людей. Как только она вышла, возле двери столпились женщины, ожидая окончания просчета, чтобы выйти из секции.

- Ну что там? Никак досчитаться не могут? – задавали вопрос тем, кто стоял возле самого выхода.

- Вроде, 6 отряд не идет. Кого-то досчитаться не могут.

- Это они считать не умеют, – перебрасывались репликами женщины.

- Там что, до сих пор просчет не закончился? – поинтересовалась Оксана.

- Наверно. Все стоят возле двери, – ответила Леля, посмотрев в сторону выхода.

Мимо прохода прошла Зоя, и Оксана окликнула ее:

- Зоя, что там такое?

Зоя остановилась, зашла в кильдим.

- Там, по-моему, что-то случилось. Мусора кого-то в шестом досчитаться не могут. Возле шестого, все звезды собрались. В туалет выйти нельзя. Пойду пока лягу, – сообщила Зоя обстановку и пошла к себе.

- Вечно у них все не слава Богу, – вздохнула Оксана.

- Спокойной ночи, Лелечка, завтра первая смена, рано вставать, – она зевнула и повернулась на бок. Леля закрыла глаза, заставляя себя спать и ни о чем не думать.

Утро началось с новостей.

В кильдим заскочила Зоя и еще толком не проснувшимся Оксане и Леле сообщила:

- Вы знаете, почему вчера просчет не шел? Томка на предзонник (ограничительная полоса вокруг зоны) прыгнула, – выпалила Зоя.

Сонные женщины сразу не сообразили, какой просчет и какая Томка, куда прыгнула. Они с недоумением смотрели на Зою.

- Ну, что вы уставились на меня? Не проснулись еще? Поднимайтесь, скоро на работу выходить, а вы в постелях валяетесь. Вставайте, – Зоя стянула одеяло с Оксаны, – Хватит вылеживаться. Одевайся, а я тебе все расскажу, – Зоя села на край Оксаниной кровати. Оксана потянулась.

- Ой, сколько от тебя шума с утра. Пойди лучше чая свари, пока мы оденемся, а потом все расскажешь. А то у меня голова не способна принимать какую-либо информацию, – Оксана поднялась и, достав кружку с кипятильником, вручила Зое. Как только Зоя освободила кильдим, Леля с Оксаной начали собираться на работу. И уже в скором времени они сидели за кружкой чифа и Зоя излагала ночное происшествие.

Правда, рассказано было коротко, так как времени для посиделок не было. Спешили в рабочую зону. А уже, придя на смену, были собраны не достающие подробности, которые сложили общую картину.

Как только по лагерю был объявлен «отбой» и контролеры направились в локальный участок для проведения просчета, одна из осужденных, молодая девушка 23-х лет от роду, по имени Тома, перелезла через забор на предзонник, где была задержана колонийским конвоем. Как выяснилось, впоследствии, бежать она никуда не собиралась, а лишь хотела таким образом привлечь к себе внимание администрации. Естественно, сразу никаких причин никто не выяснял. Хотя внимания оказали, больше чем предостаточно. Отбили все, что можно было отбить, наверно даже охоту к жизни. Затем оказали медицинскую помощь, и лишь потом выслушали. На удивление, Тома оказалась девушкой выносливой, и, несмотря на свое физическое состояние после обработки, выразила желание говорить с хозяином зоны (начальник колонии).

Просьбу ее удовлетворили, правда, не сразу, так как начальника колонии в дан-

ное время не было, а беспокоить его по таким «пустякам» никто не собирался. Последним Томиным собеседником был контролер Николай Александрович, между женщинами именуемый как «Ганс». Кто и когда окрестил Николая Александровича немецким именем, история умалчивает, так как это было давным-давно. Зато причину знали все. «Ганс» отличался особым умением вести «беседы» с осужденными. Говорить начинали все без исключения, во избежание не отправиться на тот свет. И на удивление, ни одна из осужденных, ни разу не попыталась даже пожаловаться на Николая Александровича в соответствующие органы. Скорее всего, из боязни новой, близкой встречи. Все вышеописанные действия происходили в ШИЗО, куда Тому приволокли сразу же после задержания. Осужденные, которые находились в ШИЗО, за разного рода нарушения, стали невольными слушателями происходящего. Видеть никто ничего не видел, не имея возможности, так как находились по камерам. А вот прослушивалось все довольно таки не плохо, несмотря на стены и замки.

Когда на Томе конвой отрабатывал удары, она только приглушенно вскрикивала и пыталась что-то объяснить. Но когда к ней в камеру пожаловал «Ганс», а это услышали по голосу, все нарушители режима содержания затаили дыхание.

Для выяснения причины, по которой Тома решила преодолеть барьеры, Николаю Александровичу понадобилось минут сорок, в это время вошло письменное изложение Томиного поступка. Для убеждения написать нужную бумагу потратилось не больше 15-ти минут, которые для Томы показались вечностью. Тома кричала так, что у всех, кто ее слышал, кровь стыла в жилах. Что происходило в камере, где находилась Тома, никто из осужденных не видел, а только мог догадываться. Но как только крики стихли, и наступила тишина, все вздохнули с облегчением. Клацанье дверей и решеток дало понять, что воинский состав покинул помещение штрафного изолятора, но даже это не вывело находившихся там зэчек из оцепенения. Лишь спустя некоторое время наступило оживление. Начали обсуждать происшедшее и высказывать свои предположения. Сегодняшняя ночь в ШИЗО была бессонной.

Прошло около двух часов, как Тому оставили в покое. За это время к ней никто в камеру не заходил. Лишь контролер, дежурившая в ШИЗО, периодически заглядывала в глазок.

Тома открыла глаза и попробовала пошевелиться. Малейшее движение вызывало сильную боль. Казалось, на теле нет такого места, где боль не ощущалась. Тома сидела на цементном полу, прислонившись к стене. Одна рука была пристегнута наручниками к трубе, которая тянулась вдоль стены, другая – к ножке железного столика, приваренного к полу. Конечности занемели. Благо ноги были свободны, и их можно было немного размять. Каждое движение давалось с трудом. Тома села поудобнее и расслабилась, насколько это было возможно. «Вот это меня угораздило», – подумала Тома.

Тихонько открылась кормушка (окошко для передачи пищи в камеру), и в окошке появилось лицо контролера Татьяны Сергеевны.

- Как ты? – тихонько спросила она.

- Как видишь, – ответила Тома. – Я хочу в туалет. Как это осуществить? – поинтересовалась Тома, показывая на наручники.

Татьяна Сергеевна пожала плечами. Потом призадумавшись, ответила

- Подожди, я сейчас, – кормушка закрылась.

Татьяна Сергеевна работала в колонии седьмой год. За это время она многое видела. Тома была не первой и не последней в таком положении. Нельзя сказать, что Татьяна Сергеевна была бессердечной, совсем нет. Просто сейчас она находилась на работе и выполняла свои обязанности. Она подошла к телефонному аппарату и подняла трубочку. На том проводе ответили: «Дежурная часть».

- Александр Михайлович? – спросила Татьяна Сергеевна, хотя прекрасно узнала голос ДПНК, – Здесь у меня осужденная по нужде просится, а она прификсирована. Разрешите, я ее освобожу от наручников? – На том конце провода рассмеялись.

- Таня, могла бы и не звонить по таким пустякам. Сними с нее наручники, и если она будет себя хорошо вести, можешь их больше не надевать, чтобы она тебе хлопот не доставляла. Но будь внимательна, чтобы порядок был. Если начнет выпендриваться, вызывай конвой. Но думаю, до этого не дойдет, если Коля с ней работал, – в трубке послышался приглушенный смешок. – И пусть себя в порядок приведет, поутру к ней хозяин зайдет. Все, – послышались гудки.

Татьяна Николаевна повесила трубку и направилась к камере, где находилась Тома. Она открыла камеру и вошла. В камере стоял запах мочи. Контролер поморщилась, достала из кармана ключ и сняла с Томы наручники.

Тома растерла онемевшие руки:

- Спасибо, – она попыталась встать. Тело не слушалось, и каждое движение вызывало боль. Поднимаясь, Тома застонала. Татьяна Николаевна помогла ей стать на ноги, которые плохо слушались. Но ими надо было передвигать, чтобы добраться до унитаза. Мочевой пузырь разрывало от боли. Опираясь на руку контролера, Тома добралась до нужного места.

- Все, теперь я сама, спасибо, – поблагодарила она контролера.

- Я тебе сейчас принесу мыло и полотенце. Утром к тебе спуститься начальник, – сообщила Татьяна Николаевна и вышла из камеры.

Оставшись одна, Тома дала волю эмоциям, слезы катились градом, она всхлипывала и ругала себя за то, что так глупо поступила. В туалет сходила с болью, моча шла с кровью. «Как бы они мне почки не отбили», – подумала Тома, растирая одной рукой слезы по лицу, а другой, придерживаясь за стену, чтобы не упасть. Только сейчас Тома почувствовала, что ее штаны были мокрыми. Перед глазами стал «Ганс». «Умеет бить, сволочь, что моча не держится», – со злостью подумала она. Тома, натянула мокрые штаны и, придерживаясь за стену, поплелась к приваренному к полу железному стулу. Сев на него, Тома тяжело дышала. Казалось, силы покидают ее. Опершись о стену, Тома закрыла глаза и снова тихонько заплакала.

Шум открывающейся двери заставить открыть глаза. Вошла контролер и положила полотенце и мыло на столик.

- Мне надо переодеться, я вся мокрая, – Тома показала на штаны.

- Не удивительно. Сейчас что-нибудь посмотрю, – пообещала контролер, выходя.

Дверь опять закрылась. Тома сидела не в силах пошевелиться, а надо было встать и добраться до крана с водой. «Лучше бы они меня убили, чем так мучиться», – злилась Тома. Открылась кормушка, и через нее Татьяна Николаевна подала Томе штаны: «На возьми, переоденься, это все, что я нашла».

Тома с трудом поднялась и подошла к кормушке.

- Который час? – спросила она контролера, беря штаны.

- Утро уже, 4.30, – ответила Татьяна Николаевна и захлопнула окошко.

Тома вернулась к табурету, сняла с себя штаны и кинула на него. Немало времени и сил понадобилось Томе, чтобы кое-как привести себя в божеский вид.

Когда начальник колонии переступил порог камеры, где находилась Тома, он уже знал, что Тома была задержана на предзоннике; полезть через забор ее толкнуло то, что она была поймана за руку при воровстве чужого имущества. После этого случая в отряде ей был устроен своего рода пресс, сделав ее, отрядной «шестеркой» и козлом отпущения всех земных грехов. Постоянные унижения и оскорбления преследовали Тому. Терпению пришел конец, она решила инсценировать попытку к бегству. Тома знала, что за такое нарушение закрывают в ШИЗО и обычно переводят в другой отряд, а то и в другой локальный участок, чего она и добивалась. Единственное, на что она не рассчитывала, так это на то, что мусора отнимут у нее приличную часть здоровья.

Разговор с начальником был довольно коротким. Хозяин выслушал Тому молча, не перебивая и не задавая вопросов. По его выражению лица она не могла понять, как воспринимается ее рассказ, понимает ли он ее. Так как все было выслушано холодно, равнодушно, без каких-либо эмоций, создавалось впечатление, что все это говорится бездушному предмету. Равносильно было высказать все это столу, находящемуся в камере. Говорите сколько угодно, вас не слышат. Тома плакала, объясняла, жаловалась на свое положение, вызывая сочувствие к себе. Но, увы, хозяин все так же был невозмутимым.

Как только она замолчала, он зачитал ей постановление о содержании ее в ШИЗО, сроком 15 суток. Затем сообщил, что по истечении этого времени она будет продолжать отбывать наказание в другом локальном участке и ей будет вменена полоса, как склонной к побегу. На этом собеседование закончилось. «Кажется, мне слишком, дорогой ценой обошелся перевод, в другую локалку», – подумала Тома, как только дверь камеры закрылась, и она осталась одна. Она доплелась до табурета и опустилась на него. Через час ее перевели в общую камеру. Все эти подробности рассказала одна из осужденных, что находилась в ШИЗО вместе с Томой. Через 15 суток Тома вышла в зону, но перевод никак не улучшил ее положение. Люди с такой репутацией везде встречаются одинаково.

Неделя подошла к концу. Леля лежала в постели, контролер только покинула секцию, просчитав осужденных после отбоя.

- Даже не верится, что завтра выходной. За какие-такие заслуги нам такие привилегии? – проговорила Оксана, сидевшая на кровати напротив Лели, – Хоть денек отдохнем от этой фабрики. Лелечка, может сделаем себе праздник по поводу выходного? – предложила Оксана.

- Каким образом мы его сделаем? В столовой наедимся каши с червячками, ради праздника? – улыбнувшись, пошутила Леля.

Оксана поморщилась: «Ну, почему каши? Неужели праздник отличается тем, что набивается безмерно желудок, – возразила она, – Можно ведь сделать праздник души».

- Самый большой праздник – это когда выйдешь за ворота этого дурдома, – сделала Леля заключение.

Оксана призадумалась, затем выдвинула свою точку зрения.

- Нет, Лелечка, ты не права. Даже здесь делать разгрузочные дни просто необходимо. Ведь у нас здесь нервы постоянно под напряжением. Куда не повернись, куда ни глянь, везде сталкиваешься с вещами, которые превращают твою нервную систему в оголенные провода. Только глаза открыл, и «высокое напряжение», разве не так? Поэтому считаю, что расслабляться надо обязательно, мы же здесь не день, не два находимся, а годы, – Оксана хотела продолжить, но Леля перебила ее.

- Через три недели я смогу расслабиться по полной программе. А сейчас давай спать. Вон, окружающие вздыхают, мы им спать мешаем, своими разговорами, – прошептала Леля.

- Да пошли они, – Оксана махнула рукой, – Выспятся, завтра выходной. Я когда спать хочу, я сплю, и мне никто не мешает. Не в санатории на отдыхе, – возмутилась она, – Ладно, коль ты так против праздника, я его себе сделаю. Ведь мне не три недели сидеть, – с сожалением произнесла Оксана, – И мне бы очень хотелось, чтобы ты мне помогла, – Оксана немного замялась, – Вернее, помогать тебе сильно не придется, я все сама сделаю, а ты только поддержишь меня. Идет? – не унималась она.

Леля зевнула: «Хорошо, я попробую, только не знаю, в чем тебя поддерживать надо?» – поинтересовалась Леля.

- А это ты завтра узнаешь, – обрадовалась Оксана Лелиному согласию, – Я, что-нибудь придумаю для души. Утро вечера мудрее. Все, спокойной ночи, – пожелала она Леле, – К завтрашнему утру ты должна быть выспавшейся и проснуться с хорошим настроением. Прям сейчас, закрывай глазки и думай… Завтра я проснусь с хорошим настроением, – пошутила Оксана. Леля улыбнулась.

- Хорошо, я попробую. Спокойной ночи, – сонно прошептала Леля.

Оксана довольно улыбнулась: «Завтра должен быть хороший день», – подумала она.

Услышав ровное дыхание уснувшей Лели, Оксана повернулась на бок и мысленно начала планировать завтрашний день. Она уже начала дремать, когда ее слух уловил возню в мирно спящей секции. Оксана прислушалась. Уловив, откуда доносились звуки, Оксана поняла, что Люба, которая спала через два кильдима от Оксаны, в очередной раз «развлекается» со своей подружкой Зоей, издеваясь над одной из осужденных (Оксана даже не знала ее имени), заставляя ту удовлетворять свои сексуальные фантазии. Все это происходило в насильственной форме, и под психологическим воздействием.

«Опять девочку мучают, – подумала Оксана, – хоть бы людям уснуть дали», – возмутилась она мысленно. Потеплее укрывшись, она старалась не обращать внимание

на происходящее. «Оксаночка, спокойной ночи», – пожелала она сама себе и вскоре уснула. Не одна Оксана слышала, что в Любином кильдиме, за ширмой, происходит насилие. И не одна из осужденных даже не попыталась что-то предпринять. Жестокий закон лагеря. Ни во что не вмешиваться, если тебя это не касается.

Оксана проснулась до объявления подъема. Сегодняшний день она решила полностью посвятить Леле. За окном еще было темно. Оксана потянулась. Вставать с постели не хотелось, но задуманное не позволяло понежиться под одеялом. «Если я сейчас не встану, то на розетку попаду не раньше проверки. Сегодня весь лагерь в жилой зоне, чуть прозеваешь и никуда не попадешь. Надо вставать», – беседовала Оксана сама с собой. Поднявшись с постели, она взяла полотенце и направилась в умывальник. Приведя себя в порядок, Оксана зашла в кильдим, потихоньку, чтобы не разбудить Лелю, застелила постель. Присев на кровать, она призадумалась, с чего начать. Оксана посмотрела на часы, через сорок минут подъем, для начала, сварю кружечку крепкого кофе, у меня есть пару конфет к нему, а там видно будет, подумала она. Взяв все необходимое, отправилась на розетку. Барак еще спал, когда она вышла в коридор и пошла на кухню. Через несколько минут Оксана поставила кружку с ароматным кофе на тумбочку, и присела на край Лелиной кровати. Леля мирно спала. Оксана тихонько прикоснулась к ее руке, нежно погладила ее: «Лелечка, просыпайся», – тихонько произнесла Оксана.

Почувствовав прикосновение, Леля проснулась, и, не открывая глаза, спросила: – Уже утро? Так быстро?

Оксана заулыбалась:

– Если бы была ночь, я бы тебя не будила. Поднимайся, а то все проспишь, – настаивала Оксана.

- И что же могу проспать, – с интересом спросила Леля, открыв глаза.

Оксана взяла с тумбочки кружку с горячим кофе, и, подавая Леле сказала:

– Ты можешь проспать доброе утро и горячий кофе, так как если еще немного полежишь, кофе остынет и потеряет весь свой кайф.

Леля села на кровать, взяла кружку из Оксаниных рук и вдохнула аромат кофе. – Откуда такая роскошь, – поинтересовалась она.

- Разве в лагере спрашивают, откуда? Пей, это для подъема и хорошего настроения, – Оксана села поудобней рядом с Лелей.

Сделав глоток, Леля закрыла глаза от удовольствия: «М-м-м, это действительно кайф. Ты только попробуй, какая прелесть», – Леля протянула кружку Оксане.

- Я рада, что тебе понравилось. Очень хотелось сделать, что-то приятное.

Леля заулыбалась: «У тебя это получилось».

Эти слова обрадовали Оксану, она сразу оживилась.

Своим разговором женщины разбудили рядом спящую Наташу.

- Что? Уже подъем? – приподняв разделяющую кильдимы простынь, поинтересовалась проснувшаяся.

- Еще нет, но уже скоро, – глянув на часы, ответила Оксана.

Наташа опустила простынь, что-то бурча себе под нос.

- Пойдем в коридор, а то всех людей разбудим, – предложила Леля.

- Ничего страшного, выспятся за день, сегодня выходной. Кофе, предназначается в постель, так что не нарушай задуманное, – тихонько возмутилась Оксана, – Не обращай внимания, пусть побурчит, – махнула она рукой. И вдруг спохватилась, – Ой, я совсем забыла, – Оксана, запустила руку в карман халата, и, достав из него две конфеты, одну предложила Леле.

- Это тебе от зайчика, – пошутила она.

Хорошее настроение Оксаны передалось Леле.

- Спасибо зайчику, – Леля взяла Оксану за руку, в которой та держала конфету, и притянув Оксану к себе, нежно поцеловала в щеку.

Прикосновение Лелиных губ было для Оксаны неожиданным, и в то же время желанным. На какую-то долю секунды она замерла. Но как только Леля отстранилась, она вскинула свою красивую головку и сказала:

– Разве так благодарят? Давай я покажу, как это делается, – и, не дав Леле опомниться, она обняла ее и покрыла ее губы горячим, долгим поцелуем. Поцелуй был нежным и в то же время настойчивым. Проворный язык Оксаны как бы исследовал Лелин ротик, лаская и вызывая возбуждение. Внезапно, Оксана прервала поцелуй, и отстранилась от Лели, оставив ее в недоумении.

- Извини, но его необходимо было прервать. Тяжеловато ограничиться одним поцелуем, – попыталась оправдаться Оксана, опустив глаза. Зависла пауза.

Леля смотрела на Оксану, пытаясь дать оценку происходящему, но Оксана прервала ее мысли. Она подняла свои огромные глаза, пристально посмотрела на Лелю, и, накрыв ее руку своей ладонью, произнесла, – Не надо ни о чем задумываться, – она хотела сказать еще что-то, но включился свет, и голос завхоза прервал ее.

- Девочки, подъем, просыпайтесь. Через десять минут выходим строиться на завтрак.

- Ну вот, день начался, – вздохнула Оксана.

В секции начиналось оживление. Завхоз Люба расхаживала по секции и объявляла: «На завтрак выходим все, без исключения. Это распоряжение администрации». После этих слов посыпались реплики: «Что за новости? А если кто-то не хочет идти на завтрак?».

- Дайте поспать. Устроили галдеж, – сыпались вопросы и возмущения.

- Можете считать, что вы уже выспались. Если хоть один человек не выйдет в столовую, весь отряд будет стоять, пока не соберутся все. За задержку отряда опоздавшие будут наказаны. Думаю, я доступно все объяснила, – с этими словами она вышла из секции. Но это были только слова, действие происходило более интересно.

Посещение столовой закончилось чуть ли не к самой проверке. Каждый отряд выводили на плац и пересчитывали. Выстаивали в томительном ожидании до тех пор,

пока не собирался весь отряд. Поднимали всех, без исключения, больных, хромых, лежачих, стоячих. Всех. На построении присутствовал сам хозяин. И когда ему задавался вопрос, как может человек идти в столовую, если у него температура под 40. Ответ был: «В строю будут стоять все, кроме покойников». Больше вопросов не было. А что толку возмущаться, что-то доказывать. Ведь прав тот, у кого больше прав.

С самого утра, получив отрицательный заряд, все осужденные были на взводе. Начали происходить скандалы между собой. Отрицательные эмоции требовали выхода. А если еще учесть, что основная масса – люди психически неуравновешенные, с расстроенной нервной системой, то картина получается не из приятных.

Оксана всячески старалась не поддаться массовому психозу. Стоя в строю, пыталась отвлечь Лелю шутками. Леля заметно нервничала, но держала себя в руках. Когда поход в столовую закончился, и женщины вернулись в барак, Леля с облегчением вздохнула: «Единственное, что успокаивает, это то, что весь этот дурдом скоро закончиться. И надо же, под конец срока, такая нервотрепка», – нервничала Леля.

- Ну, чего ты так завелась? – Оксана все еще прилагала усилия, успокоить Лелю, – тебе считанные дни остались. Не стоит заводиться, ведь сама прекрасно понимаешь, от того, что мы возмущаемся, ничего не изменится. Только нервы себе портим. Лучше полежи, успокойся, почитай, что-нибудь, – предложила Оксана, – А мне надо сходить кое-куда, хочу до проверки управиться, – с этими словами она направилась к выходу.

Леля сняла телогрейку и села на кровать.

«Легко сказать «успокойся». Я и так столько лет смотрю на это все «спокойно». Хотя бы это мое спокойствие на свободе не вылилось в какую-нибудь трагедию. Столько времени, все держать в себе. Разве нормальный человек, может такое выдержать?», – размышляла Леля. Чтобы как-то себя отвлечь, она взяла книгу, начала читать, но смысл прочитанного никак не улавливался. Эмоции захлестывали, не давая сосредоточиться. Леля отложила книгу, легла и закрыла глаза: «Господи, помоги мне все это пережить», – обратилась она мысленно к Богу. Ужасно хотелось плакать, не просто плакать, рыдать, кричать. Но позволить себе такую слабость Леля не могла. «Это нервы сдают, –подумала она, – а надо держать себя. Расслабляться нельзя. Не одной мне тяжело, все мы тут на одной сковородке жаримся», – успокаивала она саму себя. Оксана же, в это время, бегала в поисках раздобыть что-нибудь вкусненькое, порадовать Лелю, сделать что-то вроде праздничного выходного. С миру по нитке, голому – трусы.

- Привет, Олечка, сто лет тебя не видела, – Оксана зашла к своей очередной подружке. – Как жизнь? – Оксана поцеловала обрадованную Олю.

- Как это ты, Оксаночка, надумала зайти? Я уже думала, ты меня совсем забыла? – ворковала Оля, строя глазки.

Оксана обняла подружку и крепко поцеловала ее в губы. От поцелуя Оленька растаяла.

- Соскучилась я. А ты, разве за мной не скучала? – Оксана пустила в ход свои чары.

- Не говори глупости. Разве ты способна за кем-то скучать? Это за тобой, пол колонии «скучает», – с иронией сказала Оля, – Но раз ты осчастливила меня своим визитом, может, чайку попьем? – поинтересовалась Оля.

- Попьем, только в следующий раз, «не впопыхах». Хорошо? А сейчас хочу к тебе с просьбой обратиться. Ты не могла бы мне что-нибудь из продуктов подкинуть, а то я сейчас бедствую, – пожаловалась Оксана.

- На тебя это не похоже, – удивилась Оля, – Видать, что-то в твоей жизни разладилось, – полушутя, полусочувственно подвела Оля итог.

Оксана вспыхнула:

- В моей жизни всегда все налажено, – сделала она ударение на последних словах.

Оля спохватилась, понимая, что ляпнула лишнее. Зная Оксанин характер, ее вспыльчивость, сразу решила сгладить ошибку.

- Чего ты все в штыки берешь? Я шучу, а ты нервничаешь. Это я злюсь, что не могу тебя удержать возле себя. Ты же знаешь, как я отношусь к тебе, – Оксана накрыла Оле рот, своей ладонью. – Оля, ты выбрала не подходящее время, для объяснений. Я прекрасно знаю, как ты ко мне относишься, и ценю это. Разве я хоть раз с тобой плохо поступила? – Оксана вопросительно смотрела Оле в глаза.

- Нет, – тихо ответила Оля, и, не много замявшись, добавила, – Если не считать, что ты меня все время бросаешь.

Оксана улыбнулась своей обворожительной улыбкой. Взяла Олю за руку:

- Олечка, ты не права, наоборот, я к тебе постоянно возвращаюсь.

Оля хотела что-то сказать в ответ, но передумала. Все равно эта дискуссия ни к чему не приведет. Она прекрасно понимала, какие бы слова не были сказаны, они ни чего не изменят. Сколько Оксана не будет приходить к ней, она всегда будет ей рада, и сделает все, что та не попросит. Слишком запала Оксана ей в душу.

- Спасибо и на этом, – Оля освободила свою руку, – Подожди, я сейчас приду через несколько минут. Она вернулась и вручила Оксане увесистый пакет со словами, – Возьми, чтобы с голоду не умерла, ты мне еще живой нужна.

Оксана взяла пакет, поблагодарила и, чмокнув Олю в щечку, направилась к выходу. Выйдя на улицу, Оксана присела на лавочку и закурила. Затем, раскрыв пакет, посмотрела на содержимое. «Не плохо», – подумала она, увидев в пакете консерву, масло, печенье, сахар, баночку сгущенного молока и плитку шоколада. В довесок ко всему этому в пакете лежала пачка чая, два пакетика кофе и две пачки сигарет с фильтром.

«Сразу чувствуется, что тебя любят, – с иронией подумала Оксана. Докурив сигарету, она посмотрела на часы, – Надо это пока в каптерку занести. Не стоит, чтобы Леля видела и знала, откуда это». Уладив все свои дела, Оксана вернулась в кильдим, где застала все еще лежащую Лелю.

- Ну как, удалось поправить настроение? – прощебетала Оксана.

Приход Оксаны обрадовал Лелю, давая возможность отвлечься от своих не веселых мыслей.

- Ты уже освободилась? – вставая с кровати, поинтересовалась Леля.

- Нет, я еще сижу. И в отличие от тебя, сидеть мне еще немало, – пошутила Оксана.

Леля заулыбалась:

- Я уже пришла, так что пойдем на воздух. Сегодня погода вроде ничего. Подышим, перед проверкой, – предложила Оксана.

Леля встала и начала одеваться.

- Ты не забыла, что у нас сегодня праздник? И должно быть хорошее настроение, – напомнила Оксана, беря Лелю под руку.

- Помню, конечно, ты вчера что-то говорила по этому поводу. Только я сомневаюсь, что местные власти нам дадут спокойно провести этот выходной, – засомневалась Леля.

- В этих стенах надо быть готовой ко всему. И не портить себе нервы по пустякам. Да и настроение наше зависит только от нас самих. Или ты со мной не согласна? – женщины вышли на улицу.

Оксана достала из кармана пачку сигарет, взяла из нее две сигареты и одну протянула Леле: «На, закури хорошую сигаретку, для настроения».

Леля взяла сигарету:

- У-у-у, откуда такая роскошь? Я уже забыла, когда такие сигареты курила. Где это ты таким разжилась? – подкуривая сигарету, поинтересовалась Леля.

- Где-где? В Караганде. Это сюрприз. Ты любишь сюрпризы? – игриво спросила Оксана.

Леля пожала плечами:

- Ну, как тебе сказать. Если сюрприз хороший, то конечно люблю, – Леля включилась в игру.

- Значит, сегодня будет день сюрпризов. Хороших сюрпризов, – уточнила Оксана. – Только у меня просьба. Поддайся течению сегодняшних событий и ни о чем не думай. Кто бы, как бы не пытался испортить тебе настроение, не ведись. Я со своей стороны, попытаюсь сделать все, чтобы выходной удался. Договорились? – Оксана, вопросительно посмотрела на Лелю.

Леля на минуту призадумалась, затем ответила: «Хорошо, я попробую». Она решила для себя махнуть рукой на все, и поддаться течению, в которое заманивала ее Оксана.

Оксана просияла. «Только бы все получилось», – подумала она про себя.

Леля заметила, что своим решением обрадовала Оксану, и ей это доставило удовольствие.

В локалке заметно прибавилось людей. Женщины выходили из бараков для построения на проверку. Весь лагерь находился в жилой зоне, и от количества людей в локальном участке стало тесновато. Несколько сот, одновременно курящих женщин, непроизвольно создали дымовую завесу. Казалось, весь воздух был прокурен

и пропитан запахом зоны. Толпа осужденных ожидала открытия ворот и построения по-отрядно на плацу. Наконец ворота распахнулись и, строясь по пятеркам, женщины отрядами начали выходить на плац. Серая масса в фуфайках не первой свежести, темных платках, с бледными лицами монотонно шествовала, напоминая похоронную процессию. Несведущему человеку трудно было бы определить возраст, распознать внешность этих женщин. Казалось, они все на одно лицо. Живые мертвецы. А ведь они все разные. Разные характеры, разные судьбы, разные интересы. Каждая из них мать, сестра, дочь, жена, любовница. Но колония поставила на них свой отпечаток, превратив в существа неопределенного пола и возраста. Превратила их не в людей, а в осужденных. Клейменное стадо.

Как только просчет закончился, все начали расходиться по баракам. Погодка не располагала к прогулке. Несмотря на то, что светило солнышко, на улице было прохладно. Когда Леля с Оксаной выходили из барака, то холода еще не ощущалось, но простояв в строю битый час, осень почувствовалась прилично. И обманчивое солнце напоминало больше лампочку, а не небесное светило. Светит, но не греет.

- Не жарко сегодня, – сделала Леля заключение, когда они с Оксаной зашли в барак.

- Ноябрь месяц, дело уже к зиме, – вздохнула Оксана. Она на ходу сняла фуфайку и вручила Леле.

- Иди в кильдим, а я сейчас очередь на розетку займу. Чая попьем горячего. Согреемся, – Леля ничего не успела сказать в ответ, как Оксана улетела в сторону «кухни». Она пожала плечами и пошла в секцию. Не успела Леля снять фуфайку и зайти в кильдим, как пришла Оксана.

- Я не долго, – бросила она на ходу, беря литровую кружку и кипятильник. Оксанина суета забавляла Лелю. Ей нравилась Оксанина забота, внимание. Оксана разгоняла Лелины мрачные мысли, не давая сосредотачиваться на них. В Оксане бурлила жизнь, она была полна энергии, и Леля как бы подзаряжалась от нее. Все проблемы уходили на задний план.

Леля, зайдя в кильдим, сняла с кровати белый рейд, повесила стенку, уединяясь таким образом от окружающих. В секции было шумно, все бодрствовали. Выходной день давал возможность наверстать упущенные дела, скопившиеся за рабочие дни. Женщины старались навести порядок в своих «жилищах», по-возможности, что-то перестирать, не по графику, а необходимости. И конечно хотелось хоть немного отдохнуть. У Лели не было никакого желания чем-либо заниматься. Она коротала последние дни до освобождения. Да и Оксана, со своей стороны, оградила ее от всех проблем, что очень даже устраивало. Ожидание свободы всегда связано с переживаниями, волнениями перед новой жизнью. Какие бы планы не строились, о чем бы не мечталось, реальность оставалась неизвестной. Сейчас было одно желание, как-то заполнить оставшиеся дни, чтобы они не тянулись как резиновые. Леля легла на кровать в ожидании Оксаны. В соседнем кильдиме о чем-то спорили. С другой стороны, занимались уборкой. Кто-то с кем-то переговаривался, при этом находясь в противоположных концах секции. Все это сливалось в единый гул. Раньше Леля не обращала на шум никакого внимания, а сейчас это почему-то раздражало. За годы, проведенные в лагере, шум стал неотъемлемой частью жизни. На работе шум моторов, работающих машин. В секции – голосовой, создаваемый окружающими.

Куда бы ты не пошел, в столовую, баню и т.д., везде скопление людей, а толпа всегда создает шум.

В кильдим вошла Оксана с кружкой горячего чая. Леля лежала, закрыв глаза. Оксана поставила кружку на тумбочку и опять удалилась. Через пару минут она вернулась, взяв с каптерки Олины «подарки». Леля все так же лежала. Тихонько открыв тумбочку, Оксана переложила в нее содержимое пакета, затем поставила между кроватей табурет и начала «накрывать стол». Ловко нарезав заточенной пластиной хлеб тонкими кусочками, намазала их маслом, и разложила на салфетку. Разлила чай по кружкам, добавила в него сахар. Размешивая сахар, Оксана о чем-то призадумалась, но это всего лишь на какие-то секунды. Леля, чуть приоткрыв глаза, наблюдала за каждым движением Оксаны, даже не подозревая, что Оксана давно это обнаружила. Оксана была актриса от рождения, и сейчас она играла роль, позируя как перед камерой. Закончив приготовления, Оксана присела к Леле на край кровати, и заранее зная, что та не спит, нежно погладила ее по руке.

- Леличка, вставай. Я уже все приготовила.

Леля поморщилась, делая вид, что ей совсем не хочется просыпаться.

- Вставай, вставай, пока чай не остыл, – настаивала Оксана. – Неужели ты хочешь, чтобы все мои старания, пропали даром? – Оксана наигранно надула губки.

Леля приподнялась и села на кровать, поджав под себя ноги. Глянув на табурет, она широко раскрыла глаза, и с удивлением спросила:

– Это что, опять заяц приходил?

Оксана рассмеялась, показывая свои красивые зубки.

- И почему ты такая любопытная? Сегодня выходной, мне очень хочется, чтобы он был необычным выходным днем. И очень хочется, чтобы ты его запомнила, – Оксана пристально посмотрела Леле в глаза. Лелю этот взгляд немного смутил. Ей было очень приятно, что Оксана все это делает для нее, но ее все время мучило, откуда она берет продукты, сигареты и пр. Ведь посылок не получает и в магазине этого не купишь, так как такового в лагере нет. Оксана поняла Лелино замешательство.

- Леля, чтобы ты себя не мучила догадками, что и где, объясню. Меня угостили. Этого достаточно? – Оксана не сводила с Лели глаз, ожидая ответа.

Леля почувствовала неудобство. «Действительно, чего я ко всему придираюсь. Она старается, хочет сделать мне приятное, а я вместо того, чтобы быть благодарной, еще и вредничаю», – думала она про себя. И вслух, произнесла:

- Оксана, не сердись, но я как-то неловко себя чувствую. Ты уделяешь мне столько внимания, а я даже не могу тебя ничем отблагодарить, – пустилась Леля в объяснения, но Оксана, перебила ее.

- Леля, я это делаю потому, что мне нравиться это делать. Я ни в чем себя не насилую. И очень хочу, чтобы тебе это тоже нравилось. Так что давай, не будем к этому возвращаться, – Оксана взяла кружку с чаем и протянула Леле, – Пока мы с тобой ведем беседу, чай остывает.

Леля, взяла кружку из Оксаниных рук.

За чаепитием разговор никак не вязался, чувствовалось напряжение. Закончив завтрак, Оксана навела порядок в кильдиме, затем предложила Леле:

- Не хочешь сходить, телевизор посмотреть? А я займусь, чем-нибудь.

Леля совершенно не хотела никуда идти. Дни, проведенные в рабочей зоне, вымотали ее, и сейчас больше всего хотелось валяться на кровати и ничего не делать. Но и одной оставаться не хотелось.

- Ты сильно хочешь, чтобы я куда-то ушла? – задала она Оксане вопрос.

Оксана села на кровать, напротив Лели, и вздохнув, ответила:

- Я хочу, чтобы у тебя не было дурацкого настроения, но у меня ничего не получается, – пожала она плечами, – Может телевизор развеет твои мрачные мысли? – высказала она предположение.

Леля улыбнулась:

- У меня нет сейчас никаких мыслей. Сейчас во мне только лень. Вот так бы валялась целый день на кровати, ничего не делая. Наверно, я своей ленью тебе весь праздник порчу. Да? – Леля сидела на кровати, скрестив ноги по-турецки, и всем своим видом выражала сожаление, что не оправдала Оксанины ожидания.

Оксана взяла зеркало, губную помаду, села на кровать, посмотрела на свое отражение и лукаво ответила:

- Ну что ж, не буду тебе мешать. Отдыхай. А я схожу куда-нибудь, – Оксана стала подкрашивать губы.

Леле такое предложение явно не понравилось. Ей совсем не хотелось, чтобы Оксана куда-то уходила. Она смотрела, как Оксана красит губы, и пыталась, что-то придумать, чтобы ее остановить. Оксана поставила зеркальце на тумбочку и хотела уже встать, но Леля остановила ее:

- Не уходи, – это все, что она могла сказать. Но больше и не надо было говорить. Оксана в душе ликовала, она чувствовала, что добилась своего. Леля нуждается в ней, еще самую малость и она вытеснит Марину из Лелиного сердца. «Ничто не вечно», – подумала она про себя. «И ничего, что времени осталось маловато, хоть день, но мой, – рассуждала она, – сейчас главное, правильно себя повести». Оксана лукаво посмотрела на Лелю:

- Хорошо. Пусть сегодняшний праздник будет праздником лени, – объявила она, встав с кровати.

- Ты не против, если я буду лениться с тобой, в одной кровати? – и, не ожидая ответа, села на Лелину кровать. Леля заулыбалась.

- Может, почитаем что-нибудь, мне вчера дали какие-то газеты новые. Они у Наташи. Взять? Она их сейчас не читает, – Оксана согласилась.

- Наташа, дай нам газетку почитать, – позвала Леля.

Наташа подняла простынь, служившую стенкой, и протянула руку с газетой.

- Когда прочитаете, дадите мне, а то я еще не все прочитала. Хорошо? – попросила Наташа.

- Возьмешь, конечно, – ответила Оксана, взяв газету.

Сев на кровать, она начала просматривать статьи, выбирая, на чем остановиться.

- С чего начнем? Политика, криминал, житейские истории. Выбирай, – предложила Оксана.

- Читай, что хочешь, мне все будет интересно, – Леля взяла подушку и положила ее так, чтобы можно было полулежать. Заняв удобную позу, она подвинулась на кровати, освобождая место Оксане, – Ложись, будем читать.

Оксана легла рядом с Лелей, развернула газету и начала со статьи, в которой описывались события авиакатастрофы, произошедшей во Львове. Подробности случившегося приводили в ужас. Слушая Оксану, Леля мысленно представляла происшедшее.

- Кошмар, даже думать страшно, что такое могло случиться. Я представляю состояние людей, которые все видели своими глазами, – Леля мотнула головой, как бы отгоняя созданную воображением картину.

- Ты такая впечатлительная, – тихонько произнесла Оксана, – Надо тему менять, поищем, что-нибудь лёгонькое, – как бы сама для себя, вслух , сделала Оксана вывод, – Вот, слушай, – и она начала читать музыкальные новости.

Эта тема оживила обеих женщин, оказалось, что каждая немало знает о том или ином певце и помимо прочитанного. Начались устные дополнения и обсуждения жизни и творческой работы эстрадных звезд. Так, за чтением и обсуждением прочитанного, время пролетело незаметно. В течение дня обговорилось множество тем. Вспоминались разные моменты жизни на свободе. Леле было интересно с Оксаной. Весь день прошел в хорошем настроении. И даже построение в столовую и вечернюю проверку не испортило выходной. Целый день они провели вместе. И когда в лагере, по селектору объявили отбой, Леля почувствовала сожаление, что выходной быстро закончился, что завтра опять на работу. Успокаивала только мысль, что всему этому подходит конец. Что всего лишь несколько дней осталось провести за этими стенами. Когда в секцию зашла контролер на просчет, Оксана лежала уже в постели. Леля, переодевшись в пижаму, расстилала кровать.

- Всем по спальным местам, – объявила женщина в форме и начала считать осужденных.

Леля легла под одеяло и поежилась. В секции было прохладно, и постель приняла Лелю, неприятно обдав холодом.

- Спокойной ночи, – пожелала Леля Оксане, кутаясь в одеяло, желая быстрее согреться.

- Сладких снов, – тихонько ответила Оксана.

Но Леле спать совершенно не хотелось. В голову лезли разные сюжеты прошедших дней, затем она мысленно перескакивала в будущее, пытаясь предугадать, что ее ждет за забором. Потом снова возвращалась в прошлое. В голове был полнейший каламбур. И тут Леля почувствовала чье-то прикосновение. От неожиданности она вздрогнула.

- Ты не спишь? – шепотом спросил Оксанин голос из темноты. И не успела Леля что-то ответить, как Оксана оказалась рядом с ней, под одеялом.

Прикосновение Оксаниного тела вызвало волну непонятного чувства.

- Я замерзла, наверно поэтому не могу уснуть, – прошептала Оксана и прижалась к Леле всем телом.

Оказавшись с Оксаной в одной постели, ощущая ее тепло, Леля почувствовала возбуждение. Годы, проведенные за высокими заборами, сделали близость с женщиной, нормой жизни. И сейчас ее разум боролся с желанием. Оксана чувствовала это. Если с другими женщинами она вела себя расковано, то сейчас, что-то не давало ей повести себя как обычно. Обе женщины лежали рядом, боясь пошевелиться. У Лели пульсировало в висках, все мысли улетучились, дав ощущениям и желанию завладеть Лелей. Время остановилось и не желало двигаться с места. Но вот Оксанина рука легла на бедро, Леля вздрогнула, каждая ее клеточка как бы насторожилась, чего-то ожидая. Леля непроизвольно затаила дыхание. Оксанина рука не решительно начала поглаживать напряженное тело, распространяя по нему захватывающую волну возбуждения, с которым стало невозможно бороться. Леля накрыла своей ладонью Оксанину руку, пытаясь остановить, но вместо того, чтобы остановиться, Оксана взяла Лелину руку и положила себе на грудь. Упругая плоть вздымалась в такт Оксаниного дыхания, ощущалось ее учащенное сердцебиение. Леля слегка сжала Оксанину грудь, чем вызвала слабый стон Оксаны.

- Прошу тебя, не надо ни о чем думать, отдайся своему желанию, – прошептала Оксана Леле на ушко, обдавая своим горячим дыханием. Все остальное происходило, как во сне. Каждое движение, каждое прикосновение было физическим удовлетворением плоти. Если обычно первая постель посвящается изучению друг друга, то сейчас создавалось впечатление, что Леля с Оксаной знают друг друга давно, и все это происходит между ними не впервые. Каждая знала, что нужно партнерше, чтобы достичь наивысшего наслаждения. Лишь к утру, вконец измотанные, ощущая приятную усталость, женщины расстались. Оксана легла к себе с чувством полнейшего морального и физического удовлетворения. До подъема оставалось совсем мало времени, но поспать, хотя бы какой-то час, было просто необходимо.

Леля же, как только осталась сама, испытала душевный дискомфорт и угрызения совести. Она чувствовала себя грязной, использованной вещью. Возникло множество вопросов, на которые она пыталась сама себе ответить. Леля всячески пыталась найти себе оправдание. «Какая я дура. Поддалась какому-то порыву. Как я буду Марине в глаза смотреть?», – терзала себя мысленно Леля. «Марина» - вопрос о Марине заставил призадуматься: «А увижу ли я ее, когда-нибудь?», – спросила она себя. И от этого сердце ее сжалось, причиняя душевную боль. Стали оживать воспоминания прошедших лет рядом с любимой, несравненной ни с кем женщиной. «Мариночка, прости меня», – шепотом произнесла Леля, и, обняв подушку, провалилась в темноту. Началась трудовая неделя. Казалось, дни состояли из одних построений и просчетов. Осужденных считали, когда они шли в столовую, со столовой, в рабочую зону, с рабочей зоны. На утренней, дневной и вечерней проверке, по отбою и во время ночного сна.

Приближение свободы заставляло нервничать по малейшему поводу. Несколько

дней казались нескончаемыми. Ужасно хотелось поторопить время, но оно неумолимо тянулось. Леля стала раздражительной. Всегда спокойная и уравновешенная, сейчас она была взвинчена как пружина, чем очень удивляла окружающих.

«Это Лелька перед концом бесится», – высказывались между собой осужденные, глядя на Лелины вспышки эмоций. А Леля действительно не находила себе места. Стоявшие перед ней вопросы, не имели ответов, и это не давало покоя. Леля блуждала по лабиринту, не находя выхода.

Оксана, как всегда, была заботлива и внимательна к Леле. Оградив ее от всех материальных и бытовых проблем, стараясь не быть навязчивой и не попадать под горячую руку. Оксана, лезла вон из кожи, завоевывая Лелино сердце, но все было напрасно. Как ни пыталась Леля создавать видимость теплых отношений, в душе она оставалась холодной, как лед, и Оксана это чувствовала.

«Всему виной время, которого слишком мало, – говорила Оксана сама себе, –поэтому придется довольствоваться тем, что есть. Я получила почти все, что хотела. Постель, отношения, а чувства, это не так уж важно», – рассуждала она, продолжая исполнять свою роль. Так проходили оставшиеся дни до Лелиного освобождения. Леля полностью отдала себя создавшемуся течению, ни в чем не пытаясь сопротивляться.

Леля проснулась, когда вся бригада собиралась идти в рабочую зону, но вставать не спешила. «Сегодня никуда не надо идти, даже не верится», – подумала она. Вчера рассчитали с работки, и последние три дня до свободы можно было отдохнуть от производства. Как только секция осталась пустой, за исключением нескольких освобожденных от работы женщин, Леля сладко потянулась, и, сбросив с себя одеяло, поднялась и начала одеваться. Приведя себя в порядок, Леля вышла из секции. В бараке людей было мало, основная масса находилась в рабочей зоне, отчего даже дышать казалось легче. Леля прошлась по коридору и вышла из барака на улицу. Погода желала быть лучше. Холодный, сырой воздух напомнил, что она не накинула фуфайку. Но возвращаться в секцию не было никакого желания. Леля закурила сигарету и поежилась от холода.

- Не спиться? – спросил кто-то из-за спины.

Леля, оглянулась на голос. Возле нее стоял контролер:

- Почему куришь в неположенном месте? – Надежда Сергеевна, которая только что вышла из барака, шлепнула Лелю по мягкому месту. Леля затушила сигарету: «Уже не курю».

Контролер явно была в хорошем расположении духа.

- Хоть ты, Леля, на днях и уходишь, нарушать положенного не стоит. Режим содержания для всех одинаковый, – Надежда Сергеевна хотела что-то добавить, но Леля перебила ее.

- Все, все, Сергеевна, исправлюсь. Можно я пойду, а то холодно.

- Раньше надо было исправляться, у тебя для этого достаточно времени было. Иди.

Леля вздохнула с облегчением и быстро зашла в барак.

После утренней проверки Леля решила сходить к Ленке в гости. Последнее время они виделись редко и то мимоходом.

Лена проснулась, когда контролер отмечала осужденных, освобожденных от построения на проверку. В секции было холодно и сыро. Она лежала, набиралась мужества, чтобы распрощаться с теплой постелью. Наконец, решившись, Ленка поднялась, и начала поспешно одеваться.

- Ты уже проснулась? – в кильдим зашла Лида, держа в руках литровую кружку и кипятильник, – Я иду кипяток ставить, тебе не надо? – поинтересовалась она у Ленки.

- Б-р-р, – передернула плечами Ленка от холода. – Когда же у нас отопление включат? Ведь не жарко уже совсем, – пробурчала Лена, доставая из тумбочки кружку, – Иди, ставь себе, а я сейчас подойду. У меня здесь воды нет, надо идти в умывальник набрать.

Лида, взяла кружку из Ленкиных рук:

- Давай, я сама наберу, – бросила она Ленке и направилась к двери.

Лида прибыла в колонию недавно. Как только она зашла в отряд и раззнакомилась с окружающими, Лена сразу привлекла к себе внимание и вызвала у Лиды симпатию. Так как погода не располагала к прогулкам, женщины большую часть времени проводили в бараках. У Лиды шел девятый месяц беременности, она так же, как Лена, была освобождена от построений на проверку, это давало возможность не выстаивать возле розетки томительную очередь. Вот и старались женщины, по возможности, помогать друг другу. Несмотря на свою беременность, Лида была подвижна и полна энергии. У Лены эта женщина вызывала взаимную симпатию. В Лидином обществе она чувствовала себя легко и свободно, чего давно не испытывала в общении с окружающими.

Лена взяла мыло и полотенце и отправилась в умывальник. Холодная вода окончательно отогнала сон и придала бодрости. Вернувшись в секцию, Лена застала в кильдиме Лиду, ставившую кружку с кипятком на тумбочку. Лена поблагодарила подругу и повесив на кровать полотенце, начала приготовление завтрака. Размешав в кипятке сухое молоко и достав из тумбочки кусочек хлеба, Лена села на кровать. Сделав глоток горячего, она ощутила тепло, заполняющее тело. Закончилась проверка. В секцию начали заходить женщины, неся с собой шум, но Лена не обращала на них никакого внимания. Она смотрела в окно на качающуюся от ветра березку. Ветер срывал с ее веток последние оставшиеся желтые листочки и кружил их в воздухе, как бы играя с ними.

- Привет будущим мамам, – услышала Лена знакомый голос.

- Лелька! – радостно завизжала Лена, и, подскочив, бросилась к Леле в объятия.

- А я думала, что ты уже не придешь. Ой, как я рада. Ты даже представить себе не можешь, как я рада. Заходи, раздевайся. У меня кофе есть. Хочешь? – Ленка от радости не знала за что хвататься.

- Успокойся, сядь, – Леля усадила возбужденную Ленку на кровать, рядом с собой.

- Я тебя сто лет не видела, а ты уже собралась к розетке бежать.

- Ты же в гости пришла. Такое не каждый день бывает, – пыталась оправдать свою суетливость Лена, – Да, и наверно мы с тобой последний раз видимся. Уходишь ведь, – вздохнула она.

Леля, обняла Лену за плечи:

- Все мы когда-то уйдем отсюда. Мне уже пора, я и так достаточно отдала этим стенам. Ты тоже, я думаю, надолго не задержишься. Родишь, уйдешь по отсрочке, – Леля погладила Лену по округлившемуся животику. Лена, накрыла ладонью Лелину руку, – Я так боюсь. Вдруг, что-то не так? – поделилась своими переживаниями Лена, на что Леля, уверенно ответила:

- У тебя все будет хорошо, и никогда в этом не сомневайся. Договорились? – Лена согласно кивнула, – Я постараюсь, – пообещала она.

- Ну, а ты как? От Марины было что-нибудь? – осторожно спросила Лена.

От этого вопроса Леля поменялась в лице.

- Ну и ничего. Мало ли. Может у нее проблемы, – поспешила сгладить Лена.

- Какие проблемы могут помешать написать пару слов? – задыхаясь от возмущения, выпалила Леля. – Я уже столько передумала всего, сил нет никаких. Леночка, я с ума схожу. Она мне столько дала. Я дышала ею. И все оказалось пустотой, – Лелины глаза были полны слез. Хотелось кричать от, безысходности, биться в истерике от переизбытка чувств. Но нельзя. На какое-то время повисла пауза. Лена искренне хотела помочь подруге, но что она может изменить.

- Леля, ты сейчас мне говорила, что у меня все будет хорошо. Так вот, я тоже уверена, что у тебя все будет замечательно. Все плохое уйдет, как только ты выйдешь за ворота этого чертова места. Прости, что я трогаю больное, но хорошо даже то, что в этих стенах ты встретила человека, которого любила. Ты радоваться должна, что в этом дурдоме было то, что тебе дорого. Рядом с тобой был человек, которому ты отдавала свою душу. Многие такого никогда не имели.

Леля слушала Ленку, а сердце ее разрывалось на части, не желая мириться с тем, что проведенные годы вместе с Мариной не имеют будущего.

- Я не могу поверить в то, что навсегда потеряла ее, – перебила Леля подругу, – Ее нет рядом, и со мной Бог знает, что происходит, – и Леля рассказала Ленке все, что наболело за это время. Как она ждала хоть какую-нибудь весточку от Марины. Как терзала себя мыслями о ней. Рассказала за Оксану, как пыталась отвлечь себя чьим-то присутствием, как-то заполнить томительное время одиночества, но лишь причинила себе боль. Леля не просо рассказывала, она изливала душу, как на исповеди. Лена слушала, не перебивая, не задавая вопросов, хотя их было очень много. За время, проведенное в лагере, рядом с Лелей и Мариной, она слишком привязалась к обеим женщинам и искренне переживала за них. Она не могла в чем-то обвинить ни одну, ни другую. И сейчас Лена понимала, что между ними происходит что-то не правильно. Но это, не правильно, изменить никак нельзя.

Леля все говорила, говорила. Задавала вопросы, сама на них отвечала. Ей не надо было ни Ленкиных советов, ни Ленкиного понимания, была только необходимость высказаться. Исчерпавшись, она замолчала, и сидела, глядя в одну точку отсутству-

ющим взглядом, как будто пребывая в трансе.

Лена ужасно хотела разрядить сложившуюся обстановку, но не знала, как это сделать. Но тут Леля ухмыльнулась сама себе и, повернувшись к Ленке, виновато улыбнулась: «Это у меня, видимо, избыток эмоций, не обращай внимания».

В кильдим зашла Лида.

- Ой, я извиняюсь, не знала, что у тебя гости, – Лида держала в руках кружку с парующим чаем. Это было как спасательный круг.

- Это я извиняюсь, что пришла, без приглашения, да еще, по-моему, испортила Ленусе настроение и нарушила ее режим дня.

- Не выдумывай, ничего ты мне не испортила, – перебила Лелю Лена, – Познакомься, это Лида, недавно заехала. А это Леля, моя подруга, – представила она женщин друг другу.

- Я тут чайку заварила, будете пить? Правда, это не чифер, а купчик сладенький. Нам с Леной чиф нежелателен. – Лида взглядом показала на свой и Ленин живот.

- Вот и отлично, что купчик, здоровее будем. Присаживайся, – Леля подвинулась, освобождая место для Лиды.

Кружка пошла по кругу. Завязался разговор о том, о сем. Леля шутила, рассказывала анекдоты. С Ленкой она всегда чувствовала себя уютно. Даже возвращаться к себе не хотелось, но режим оставался режимом, даже последние три дня приходится делать то, что положено. Время до обеда пролетело быстро.

- Ну что, девочки, мне пора идти. Спасибо за компанию, с вами было интересно. – Леля, начала собираться.

Одевшись, она поцеловала Ленку в щечку: «Все, я пошла».

Лена, тоже накинула фуфайку:

- Я тебя провожу.

Выйдя из барака, Леля закурила.

- Дай и мне сигарету, – попросила Лена, и на удивленный Лелин взгляд сразу пояснила, – Не надо на меня так смотреть, у меня не так часто бывает такое желание.

Леля достала сигарету и протянула ей.

Лена подкурила, и, сделав затяжку, с наслаждением выпустила дым: «Запретный плод сладок». Леля нахмурилась.

- Я вижу, ты совсем распоясалась. Нет на тебя ремня хорошего, – бурчала Леля, отчитывая Ленку, как маленького ребенка.

Лена обняла Лелю, крепко поцеловала в щеку: «Я тебя обожаю, даже когда ты ворчишь». Леля заулыбалась.

- Вот так лучше, – обрадовалась Лена. – Когда ты улыбаешься даже погода меняется. Посмотри, – Лена показала рукой на выглянувшее из-за тучи солнышко.

- Видишь, оно радуется твоей улыбке. Когда ты пришла, на тебе лица не было. Я грешным делом подумала, что у тебя что-то случилось. Но после твоего рассказа,

поняла, что это ты сама изматываешь себя, свою нервную систему. Мучаешь себя неизвестно чем. Жизнь сложная штука, в ней много всяких непредвиденных ситуаций. Надо сражаться, воспринимать их и бороться. Ты ведь, Леличка, сильная женщина. Я всегда тебя такой считала. А сейчас ты почему-то расслабилась. Жизнь идет, и за нее надо бороться.

Леля слушала Ленку и понимала, что она права. Что эта молоденькая женщина рассуждает, как человек с большим жизненным опытом. В душе Леля испытывала стыд за свою слабость. Лена продолжала:

- Ты вот на Марину сердишься. А у нее может проблемы, разве такого не может быть? Вот выйдешь и все узнаешь, если захочешь, конечно. Главное руки не опускай. Ладно. Не мне тебя учить. Ты сама прекрасно знаешь, как тебе поступить, – наступила пауза.

- Спасибо тебе, Ленуся. Я наверно действительно расслабилась. Пусть тебе Бог помогает. Я пойду, – Леля обняла Лену, затем, погладив ее по животику, добавила, – Береги своего малыша, он ни в чем не виноват.

Провожая Лелю взглядом, Лена почувствовала пустоту. Слишком привязана она была к ней, Марине. На душе была тяжесть от того, что она остается в этих стенах, и больше нет ни одного человека, который был бы так близок.

Леля вернулась к себе. Разговор с Леной явно пошел ей на пользу. Леля воспрянула духом, в ней зародилась надежда.

«Ленка права, я, дура набитая, слюни распустила и плыву, как дерьмо по течению. Да, сильно меня выбило из колеи отсутствие Марины. Но ничего, главное вовремя остановиться», – ее мысли прервала вошедшая в секцию завхоз.

- Девочки, обед, выходите строиться!

Леля вздохнула, не было никакого желания даже шевелиться. «Как хорошо, что это последние дни построений», – подумала Леля, одеваясь.

Остаток дня Леля провела с книжкой в руках, в надежде скоротать время. Как не старалась она отвлечься содержанием книги, ей это не удавалось. Все мысли были там, на свободе.

Видя, что Леля увлечена чтением, пришедшая с работы Оксана не стала навязывать свое общение, давая Леле возможность побыть одной. В кильдим она зашла только, когда объявили отбой. Оксана быстро приготовилась ко сну, и когда в секцию вошла контролер, для просчета осужденных, она была уже в постели.

- Как провела сегодня день? – поинтересовалась Оксана у Лели.

- Без приключений. Такой же день, как и предыдущие, только с той разницей, что я не была в рабочей зоне. А у тебя как? – Леля задала вопрос, который ее абсолютно не интересовал.

- Иди ко мне, если ты действительно хочешь знать, как я провела день.

Леле хотелось сказать «нет», но она не сделала этого. Каждый раз, когда Оксана звала ее, или приходила сама, Леля говорила себе, что это будет в последний раз, что необходимо прекратить эту близость, а в действительности, отказаться от нее она

не могла. Так произошло и в эту ночь.

Сколько раз Леля задавала сама себе вопрос, почему она чувствует себя по отношению к Оксане, как кролик перед удавом. Ведь она всегда могла руководить своими эмоциями, что же происходит сейчас? Ответа она не находила, или боялась его.

- Ты не хочешь ко мне перелечь?

Не отвечая, Леля откинула одеяло и через секунду оказалась в Оксаниных объятиях. Водоворот страсти подхватил Лелю и унес ее в бездну наслаждения. Оксана была ненасытна в сексе, она обладала неистощимой энергией. Такая женщина у Лели была впервые.

- Жаль, что ночь подходит к концу, – с сожалением произнесла Оксана, – Я бы хотела, чтобы она никогда не заканчивалась. – Оксана прижалась к Леле и положила голову ей на плече. Леля лежала с закрытыми глазами, расслабившись от приятной усталости.

- Ты меня удивляешь, у тебя столько энергии, – не открывая глаз, прошептала Леля.

Оксана приподнялась, взяла с тумбочки зажигалку, посветила на часы.

- Я люблю секс. А для любимого дела никаких сил не жалко. А если хороший партнер, то не замечаешь, как летит время, – Оксана многозначительно посмотрела на Лелю и нежно провела рукой по бедру.

- Я давно не получала такого удовольствия. Мне будет очень тебя не хватать. Все хорошее когда-нибудь заканчивается, – в голосе звучало сожаление, – Ну что ж, ничего не поделаешь. Такова жизнь. Думаю, ты тоже будешь скучать за нашей постелью. Не с каждым можно получить то, что ты хочешь, – Оксана встала и начала одеваться. Леля, молча, наблюдала за ней.

- Ужасно не хочется идти на работу, но здесь мы неподвластны своим желаниям. А тебе не мешало бы выспаться, – посоветовала Оксана, поцеловав Лелю в щечку. – Отдыхай, а я пойду, чай сварю. Сейчас уже подъем будет. Взяв кипятильник и кружку, она пошла к розетке, а Леля начала проваливаться в сон.

Она слышала, как бригада собирается на работу, как Оксана суетится в кильдиме, но ее это не тревожило. Постепенно она полностью ушла в мир сновидений.

На проверку идти было не надо, так как она предусмотрительно взяла освобождение от построений по санчасти. Завтрак Леля проигнорировала, и, к удивлению, ее никто не потревожил, все это дало возможность проспать до полудня. Проснувшись, Леля не спешила вставать. Желания расстаться с теплой постелью не возникало. Потянувшись, она высунула руки из-под одеяла. В секции произошли какие-то изменения, но что именно, Леля еще не могла понять. Немного полежав, вдруг она подскочила как ужаленная. Тепло. В секции было тепло. Леля подбежала к батарее и дотронулась до нее. Батареи были горячие.

- Наконец-то, – вслух сказала Леля. На душе было радостно и она, как ребенок, захлопала в ладоши, чем привлекла внимание тех, кто находился в секции.

- Что-то случилось? – поинтересовалась Катя Наумова, читавшая книгу.

- Нам затопили! – радостно сообщила Леля.

Катя отложила книгу.

- Ты завтра возьмешь обходной в руки. А тебя все еще интересует наше отопление, – в интонации было удивление.

Леля пожала плечами:

- Ну и что, что я ухожу. Здесь же люди остаются. Ты, например. Разве тебе безразлично будут топить или нет?

Катя смотрела на Лелю, непонимающим взглядом.

– Ты сумасшедшая. Если бы я уходила, мне было бы наплевать, что здесь остается после меня, – сделала она заключение.

Леля, ухмыльнулась в душе.

- Возможно я ненормальная, – затем сделав паузу, добавила, – Я не один год провела в этих стенах. И со мною находились люди. Все это стало частичкой моей жизни. Здесь остаются люди, с которыми я пробыла бок о бок многие годы. Мы вместе переживали лишения, режимы. У кого-то в семьях рождались дети, кто-то хоронил близких. И все это происходило на моих глазах. Для меня эти люди не чужие. И мне абсолютно не безразлично будет им тепло или нет, – последнее Леля произнесла, разделяя каждое слово.

Высказавшись, она направилась к себе, в кильдим, всем своим видом показав, что продолжать разговор не имеет никакого желания. Сев на кровать, Леля задумалась: «Может я действительно вжилась в эту жизнь? Но я не смогу, выйдя отсюда, сразу похоронить это в памяти. Засиделась, видать». Ее мысли прервала Рита, которая зашла к Леле в кильдим, и, присев рядом, накрыла своей ладонью Лелину руку, немного сжав ее.

- Не стоит объяснять людям того, чего им не понять. Ведь все разные. Катька такой человек, ее интересует только своя персона.

- Я все понимаю, – вздохнула Леля, – Но здесь, – Леля приложила руку к левой груди, – Никогда, не сможет с этим мириться. И меня вряд ли уже можно переделать, – взяв сигарету, она направилась к выходу.

Весь день тянулся как резиновый. Казалось, ему не будет конца. Разговаривая с кем-либо, Леля ловила себя на мысли, что не слышит, не вникает в суть разговора, а только создает видимость. Когда Оксана пришла с работы, то застала Лелю сидящей на кровати, с книгой в руках. Хотя за все время, что она держала ее, не перевернула ни одной страницы. На любой Оксанин вопрос у Лели был один ответ, невнятное «угу». Несколько Оксаниных попыток завязать разговор успехом не увенчались, и Оксана приняла решение, провести остаток дня с кем-либо из старых подружек. В душе она злилась на Лелю: «Можно было бы последние дни создать хотя бы видимость своего внимания ко мне. Так нет же. Я должна терпеть ее настроение», – мысленно возмущалась Оксана, направляясь к Оле в гости.

Как только Оксана ушла, Леля отложила книгу. Развалившись на кровати, она потянулась, и улыбнулась сама себе: «Завтра я возьму в руки обходной, целый день будет занят, чтобы его подписать, а послезавтра, я уже буду за воротами». Эти мысли наполнили душу каким-то тревожным ощущением. Даже сердечко стало биться

чаще. Радость, страх перед неизвестным и в тоже время утрата чего-то близкого – все смешалось. Различные мысли, как назойливые мухи, лезли в голову. Тысяча вопросов, на которые не было ни одного конкретного ответа. Весь этот винегрет ужасно мучал. Перед глазами, как кадры из кинофильма, всплывали сюжеты из прошлого. Мама, сын, дом. Как там? Ведь я столько лет не видела их. Редкие, скупые письма старенькой мамы были единственной связывающей ниточкой с той далекой жизнью СВОБОДЫ. Сколько всего перевернулось за эти годы. Вырос сын, стал взрослым и самостоятельным. Постарела мама, ведь годы не прибавляют молодости. Да и сама Леля изменилась за годы, проведенные за забором. Снова возник образ Марины. Как не старалась Леля избегать этих мыслей, они преследовали, не давая покоя. Слишком много места она занимала в Лелином сердце. Все самое чистое, светлое, искреннее, что было за этим забором, все связано с ней, Мариной. Комок подкатил к горлу, не давая дышать. Непрошенные слезы обиды и сожаления пытались вырваться наружу, но Леля приложила все свое умение, задержать их. Сделав глубокий вдох, Леля начала медленно выдыхать воздух, стараясь вместе с воздухом выдохнуть мучавшие ее мысли. С мыслями конечно ни чего не получилось, но слезы остановить ей удалось. Сев на кровать, Леля взяла зеркало и глянула на свое отражение. Из зеркала на нее смотрела, казалось, совсем незнакомая женщина. Взгляд, выражавший усталость, темные круги под глазами. Множество морщинок расчертили лицо, напоминая о возрасте.

- И это я, – с сожалением произнесла Леля.

И как бы пытаясь исправить изменившееся за годы лагерной жизни лицо, навесила на него улыбку. Получилась улыбающаяся маска. Леля показала сама себе язык и положила зеркало на тумбочку.

«Пойду-ка я посижу в кинозале, время убью», – решила Леля.

- Наташа, ты не знаешь, что сейчас по телику идет? – обратилась Леля к Наташе из соседнего кильдима.

Наташа приподняла простынь, служившую стенкой и, заглянув к Леле, поинтересовалась:

- Скучаешь? Тебе надо не телевизор смотреть, а на чемоданах сидеть возле КП, – пошутила Наташа, – Послезавтра, будешь свободным человеком. Насмотришься телевизора, сколько душа пожелает, без каких-либо ограничений, – в Наташиной интонации чувствовались завистливые нотки.

- До послезавтра еще дожить надо, – вздохнула Леля.

- Доживешь, – махнула рукой Наташа, – Последние дни всегда тянутся. Ожидание всегда томительно. Ты лучше назад оглянись на годы, проведенные здесь. Тебе чуть больше суток осталось и будешь за воротами нам дули крутить.

- Так, – согласилась Леля, – только вот эти сутки превращаются чуть ли не в вечность. Мне кажется, весь срок быстрее прошел, чем эти последние дни, – пожаловалась она.

- Не выдумывай, это ты уже загнула, сравнила сутки и весь срок. Иди лучше телевизор посмотри, как собралась. Там вроде фильм какой-то идет, – посоветовала Наташа.

Леля поднялась с кровати и пошла в кинозал, где просидела до самого отбоя. Когда она вернулась в кильдим, Оксана уже лежала в постели и разговаривала с Наташей, которая тоже лежала у себя на кровати. Увидев Лелю, Оксана прервала общение с соседкой и, пожелав ей спокойной ночи, повернулась к Леле.

- Что, фильм уже закончился? – спросила Оксана.

- Нет, еще идет. Отбой, телевизор выключили, контролеры пришли считать, – объяснила Леля, расстилая постель. Оксана молча за ней наблюдала.

Переодевшись в пижаму, Леля легла, укрылась одеялом и расслабилась. Единственным желанием было поскорее уснуть, и к счастью у нее это получилось.

Леля проснулась от шума, который создавала бригада, собираясь на работу. Открыв глаза, она увидела Оксану. Та сидела на кровати и, глядя в зеркало, подкрашивала губы. Закончив, она положила зеркало и, увидев, что Леля проснулась, заулыбалась, – Доброе утро. Думаю, это не я тебя разбудила? Я старалась тихо собираться, – забеспокоилась Оксана.

- Я сама проснулась, – Леля откинула одеяло и села на кровати. Оксана села рядом с ней.

- Сегодня у тебя, последний день. Может, когда я приду с работы, ты уделишь мне внимание? Мы ведь не совсем чужие? – Оксана обняла Лелю и хотела поцеловать, но Леля отстранилась, внутри она вся вспыхнула, но вида не показала. Вроде ничего не произошло, она встала и начала одеваться.

- Ладно, мне пора, наши уже выходят в рабочку, – она вскинула свою головку и направилась к выходу.

Леля все так же сидела на кровати. В душе остался неприятный осадок. «Напрасно я так. Сама к себе подпустила, а теперь беспричинно отталкиваю, обижаю незаслуженно, – Но, тут же нашла себе оправдание, – Да что это я распереживалась. Ну, был какой-то порыв и все. Я завтра буду на свободе, и все это останется в прошлом». Леля улыбнулась сама себе, поднялась с кровати и, взяв полотенце, пошла умываться.

Как только закончилась утренняя проверка, в секцию зашла Катя Трофимова, держа в руках листок бумаги.

- Лелька, танцуй, я тебе обходной принесла, – она остановилась посреди секции и махала листком над головой, ожидая Лелю.

Когда Катя зашла в секцию, Леля сидела на своей кровати и разговаривала с Ларисой, убивая время. Лариса была освобождена от работы по инвалидности. И когда вся бригада шла на работу, Лариса искала себе напарника поиграть в нарды, поговорить, в общем, как-то скоротать однообразный скучный день.

Как долго Леля ждала этот день. Наконец-то срок лишения свободы подошел к концу.

Леля встала с кровати и подошла к улыбающейся Кате:

- Давай, – она протянула руку, чтобы взять обходной, но Катя спрятала его за спину.

- Что значит давай? Танцуй, – настаивала Катя.

- Я за шесть лет оттанцевалась. Думаю этого достаточно, – бросила Леля с раздражением.

Катя, совершенно не ожидая такой реакции от Лели, с обидой отдала ей обходной лист.

- Я шла к тебе с хорошей вестью. Думала, ты обрадуешься, а ты… , – Катя надула губы.

Видя, что своим поведением незаслуженно обидела Катю, Леля решила исправить положение.

- Ладно, не дуйся, сама не знаю, чего меня разбирает. Давайте лучше чая попьем, обмоем обходной, – предложила Леля, – А после, пойду его подписывать.

Это предложение, сразу всех оживило. Лариса, которая сидела на кровати и наблюдала за происходящим, услышав за чай, сразу подскочила: «Отличная мысль. Я пойду воду ставить, а вы несите чай», – засуетилась она.

Ко всем вернулось хорошее расположение духа. Леля усадила Катю у себя в кильдиме, взяла чай и отправилась на кухню за Ларисой.

Через несколько минут все сидели в Лелином кильдиме, за кружкой чифа, оживленно беседуя. Катя засыпала Лелю вопросами, по поводу ее освобождения: «Будет ли ее кто-то встречать? В чем она будет освобождаться?» и т.п.

Хотя чаепитие заняло немного времени, Леля с нетерпением ждала его конца. И когда Катя поставила пустую кружку на тумбочку и засобиралась уходить, она с облегчением вздохнула, наконец-то процедура вопросов и ответов закончилась.

- Тебе что-нибудь надо помочь? – спросила Лариса, – Хочешь, я пойду обходной подписывать. Я все равно свободна, – предложила она свои услуги.

- Я сама все сделаю. Поможешь мне, только скатку в каптерку отнести, – убирая с матраца постель, попросила Леля.

До обеда Леля бегала по лагерю, подписывая обходной лист, по ходу со всеми прощаясь. Настроение было приподнятое, она со всеми шутила и желала всем скорейшего освобождения, видя завистливые взгляды женщин, с которыми она провела эти годы. Сколько раз Леля сама смотрела на счастливые лица освобождающихся и завидовала им. Теперь пришел ее день, осталось совсем чуть-чуть, и она будет свободна. Это чувство переполняло Лелю.

Как только закончился обед, Леля сдала подписанный обходной, в дежурную часть и попросила у ДПНК разрешения пойти, попрощаться с Леной. Довольная положительным результатом, Леля беспрепятственно прошла в локальный участок подруги и направилась к Ленкиному бараку. Зайдя в жилое помещение, она увидела Ленусю, стоявшую возле двери в секцию с какой-то женщиной. Она размахивала руками и говорила повышенным тоном, явно что-то доказывая. Ленка была настолько увлечена бурной беседой, что не заметила подошедшую к ним Лелю.

- Не делай того, о чем тебя не просят. Неужели это так тяжело усвоить? – возмущалась Ленуся. – В противном случае, все твои услуги превращаются в медвежьи, – продолжала Лена.

Женщина стояла, опустив глаза и молча, не пререкаясь, слушала Ленку. Леля стояла рядом и улыбалась. Эта сцена в ее глазах выглядела забавно.

«Как строгий учитель отчитывает шаловливого ученика за не выученный урок»,– подумала Леля и хихикнула про себя.

- Чего это ты, так разошлась? – начала Леля, – Даешь уроки жизни? – задала она вопрос, шутливым тоном.

Ленка, увидев Лелю, сразу сменила гнев на милость:

-– Ладно, иди, но больше, чтобы без самодеятельности, – женщина только и ждала этого. Не прошло и секунды, как ее и след простыл.

- Навязывают свое внимание, в котором я совершенно не нуждаюсь. Ладно, проехали, слишком много внимания ненужным людям. А я тебя пораньше ждала, уже хотела сама идти разыскивать.

- Много беготни, с этим обходным, сама не ожидала, – объяснила Леля, – И искать меня совсем лишнее. Ведь здесь, ты у меня самый дорогой человечек. Ленуся, ты береги себя и крошку свою береги, несмотря ни на что, – Леля, погладила подругу по животику, который с каждым днем становился все больше и больше, – Здесь у тебя самое родное, самое близкое, кровинушка твоя. Ради этого стоит жить.

- Все, все, хватит нравоучений. Давай лучше о тебе поговорим. Ты куда сразу, домой или…, – Ленуся прервалась.

- Конечно домой, ну а потом…, может быть… Там мама, сын…, они ждут. Я ведь думала, мы вместе с Мариной поедем, – получилось как-то скомкано.

- Все, хватит ныть, ты завтра будешь дома, а ты нюни распускаешь. Да, кстати, а ты вещи на освобождение приготовила? Бабы за полгода об этом парятся, а ты ни разу словом не обмолвилась.

- А зачем пустые разговоры вести. В чем стою, в том и пойду.

- Молодец, – перебила Леля, – Прям в фуфаечке и пойдешь, чтобы все видели, откуда эта женщина. А еще, на лбу статью напиши, чтобы вопросов не возникало. Главное, на ментов не нарвись, а то подумают, сбежала. Пока выяснят что да чего, еще немного, отдалишь встречу с близкими, – язвила Ленка.

Леля терпеливо все это выслушала, постукивая ножкой по полу.

- Хорошо. Что ты предлагаешь? Пойти с протянутой рукой в гуманитарную помощь? А там вещички ничем не лучше, чем бы я вышла в своей родненькой фуфаечке. Бирочку оторвать и вроде как с какой-нибудь работы еду. Мало людей в фуфайках, на свободе работает?

- Не мало, но учитывая еще, что тебе не только по городу пройтись, а еще и на вокзале появится, и в поезде ехать, я бы фуфаечку тебе не советовала. В общем так, сейчас идем к «хозяину», я заявление уже написала. Да, и с ним говорила, заявление он подпишет. И возьмешь с дальней каптерки мои вещи. У меня там две огромные сумки, что-нибудь подберем.

- Нет, Ленуся. Это исключено. Не хватало мне тебя раздевать? – запротестовала Леля.

- Все, хватит пререкаться, мне нервничать нельзя. Еще неизвестно, какая я после родов стану. Да и родители мои вряд ли согласятся эти вещи домой забрать, лишний вес. Все, пошли, – властным тоном скомандовала Ленка, вызвав этим улыбку у Лели.

Они направились в штаб. К счастью, начальник колонии, находился у себя. Заявление им подписали без лишних вопросов, благодаря тому, что Лена заранее беседовала с начальником. Теперь оставалось попасть на дальнюю каптерку. Но и здесь, препятствий никаких не возникло. Вероника, каптерщица с дальней каптерки, где находились вольные вещи осужденных, только пришла с обеда.

- Только побыстрее, а то у меня работы много. Давайте заявление, – Вероника взяла заявление и пошла искать Ленкины сумки.

- Ого.., ничего себе, – удивилась Леля, увидев кучу вещей. – Зачем ты столько тянула?

- Я ведь на тюрьме, долго была, с передач насобиралось. На тюрьме ведь в вольном ходят. Вещи на любое время года, я там все сезоны провела. Ладно, давай меряй. Хорошо еще, что мы с тобой одной комплекции. Вернее, раньше я была такая же худенькая, как ты, – она с сожалением посмотрела на свой живот.

- Такая же и будешь, – успокоила ее Леля.

- Меньше разговоров, – вмешалась в их беседу Вероника, – Выбирайте, что надо, потом поговорите.

Лена сама взяла нужные вещи и дала Леле: «А ну, одень, посмотрим».

Леля оделась.

- Ну вот, то что надо, – одобрительно кивнула Лена, – А то пойду в фуфайке. Вероника, как Ваше мнение. Правда, так она лучше выглядит, чем в фуфайке?

Вероника, оценивающим взглядом посмотрела на Лелю и удивленно произнесла: «Королева. Отлично выглядишь. Я и не подозревала, что у тебя фигурка такая. Помолодела лет на десять».

Леля засмущалась:

- Правда хорошо? Лена, мне так неудобно. Такие вещи хорошие, это же очень дорого, – показала она на вещи.

- Потом поговорим, – прервала она Лелю и обратилась к Веронике, – Спасибо, что уделили нам внимание. Что сейчас на ней, мы возьмем, – и, повернувшись к Леле, добавила, – Раздевайся. Ты же так по зоне не пойдешь? Сначала все в порядок привести надо, они столько лет лежали.

Леля переоделась в свои вещи и, собрав то, что выбрала для нее Лена, со слезами на глазах, обняла подругу: «Спасибо тебе большое».

- Все, хватит, идите в отряд и там благодарите друг друга, а мне работать надо. Вон сколько вещей этапа разобрать надо и оформить все, – показала Вероника на беспорядочную кучу сумок прибывших.

Лена с Лелей довольные вышли из каптерки. Как только они вошли в локальный

участок, Леля закурила.

- Теперь ты понимаешь, что я была права. Что фуфайка – это не вариант. И мне очень приятно, что ты выглядишь красавицей, а не как с работы, – Лена была довольна, что хоть чем-то помогла Леле. Ей так хотелось отблагодарить подругу за все то внимание, которое Леля с Мариной уделяли ей.

А Леля была в замешательстве.

- Леночка, я даже не знаю, как тебя отблагодарить. Ты даже не представляешь, что ты сделала.

- Я сделала то, что должна была сделать, – перебила Ленка, – И напои меня чаем, я немного устала бегать, живот мешает, – улыбнулась Ленуся и потащила Лелю в барак.

Как только они попили чай, Лена засобиралась. Женщины тепло попрощались, Леля проводила Ленку до ворот и они распрощались.

Оксана, придя с работы, застала Лелю всю в делах. И несмотря на усталость после рабочего дня, Оксана автоматически включилась в Лелины заботы. До утра надо было, чтобы все было готово. Что-то постирать, что-то погладить, почистить. За беготней, суетой, сборами Леля не заметила, как пришло время отбоя. День заканчивался. Всего одна ночь разделяла Лелю от долгожданной свободы. Сколько воды утекло за эти годы. Пока женщины занимались вещами, приводя их в порядок, все переживания ушли на задний план. И только тогда, когда все было готово, к Леле пришло полное осознание того, что это действительно последние часы пребывания за этими стенами. Что ожидает ее там? Как ее встретят там? Свобода радовала и пугала одновременно.

Семь лет – это не семь дней, не семь недель и даже не семь месяцев. Пусть каждый, кто это читает, вспомнит свои события за последние семь лет.

Сколько всего произошло за эти годы? Кто-то повзрослел, кто-то постарел. А сколько всего произошло в мире за это время? Какое количество картинок сменилось?

Как это ни печально, но жизнь людей, находящихся в местах лишения свободы, очень отличается от жизни свободных людей. Она, как бы останавливается. Человек деградирует, не развивается. Он разучивается мыслить, действовать. За годы, проведенные в лагерях, мы разучиваемся жить. И самое страшное, что большинство уже и не научится.

В лагере за осужденных все решили, сколько и когда они будут спать, сколько и где работать. Когда, сколько и что будут есть. Когда мыться и все прочее, всего не перечислить. С годами, это становится нормой. Человек перестает думать, он привыкает к тому, что за него все решается. И переступив порог зоны, оказывается в водовороте жизненных проблем, именно проблем.

Возникают вопросы, как жить и что делать. Хорошо, если за время вашего отсутствия у вас остались родные и близкие, а если нет? Я не говорю еще за жилье, которого вы могли лишиться за время вашего отсутствия. Представьте себе ситуацию. Вас длительное время держали взаперти, кормили, предоставляли крышу над головой, а потом вышвырнули на улицу. Что делать человеку, когда он никому не нужен,

когда у него никого нет. Когда ему идти НЕКУДА.

Леля стояла на пороге неизвестности.

Последнее письмо от матери Леля получила два года назад. Как и что, ждет ее дома?

Объявили отбой.

- Ну вот, день закончился. Твой последний день. Леля, что ты чувствуешь? – спросила Оксана.

Они сидели вдвоем в проходе, напротив друг друга. Леля посмотрела Оксане в глаза, пожала плечами:

- Не знаю. Не понятное чувство. Я первый раз такое испытываю. Я думаю, это страх.

- Чего страх? Ты же домой едешь? – не поняла Оксана.

В секцию зашла контролер: «Все по своим местам, просчет».

Женщины замолчали. Как только контролер выключила свет и вышла из секции, Леля с Оксаной в темноте расстелили свои постели и легли. Каждая думала о своем. Несмотря на усталость, сна не было. Леля встала, взяла сигарету и вышла в коридор. Она зашла в туалет, подошла к окну и взгромоздилась с ногами на подоконник, закурила.

Через несколько секунд в туалет зашла Оксана. Оксана справила нужду и подошла к Леле:

- Не можешь уснуть? – задала она вопрос.

- Не могу. Оксана, я только сейчас осознала, что я действительно ухожу. Ухожу в другой мир. Я не знаю, что там? Что дома? И вообще, есть ли у меня еще этот дом? – и Леля, стала изливать Оксане все, что ее беспокоило. За маму, за сына, за Марину. Все это лилось из нее и не могло остановиться. Кроме Марины она никогда и ни с кем не вела разговоры о своей жизни. Тема семьи была закрыта для всех. Даже от самой себя она старалась отгонять эти мысли. А сейчас она рассказывала самое сокровенное, можно сказать, постороннему человеку. Леля сама не знала, зачем она это делает. Оксана не сможет ни понять ее, ни утешить, ни изменить ничего. Но она это говорила. Ей было просто необходимо высказаться. Столько лет она носила это все в себе. И видимо пришло время освободиться от тяжелой ноши. Леле казалось, что высказавшись, она избавит себя от этого всего.

Оксана слушала ее, не перебивая, она прекрасно понимала, что сейчас чувствует Леля. Она сама неоднократно была в такой ситуации, когда ты идешь в никуда. Она знала, что такое, когда тебя не ждут.

Леля замолчала.

- Пойдем, ляжем, – Оксана взяла Лелю за руку и повела в секцию. Леля не сопротивлялась.

Они зашли в кильдим и Оксана уложила Лелю на кровать, сама села рядом, и шепотом сказала:

- Я знаю, тебе сейчас будет нелегко. Но все зависит только от тебя. Я каждый раз иду, не зная куда, – Оксана усмехнулась, – Я слабая, – с сожалением пожала она пле-

чами, – Ты другая, ты сможешь. Я уверена, что ты сможешь сделать так, как надо. А сейчас тебе надо поспать, я часы завела, встану, тебя разбужу. Так что можешь спокойно спать, не проспишь свою свободу, – Оксана наклонилась и поцеловала Лелю, – Спи, – и легла сама.

Будильник разбудил обеих женщин. Оксана поднялась, взяла кружку, кипятильник: «Я пойду, чай сварю, а ты собирайся, скоро подъем», – прошептала она Леле, и пошла на выход. Леля села на кровать. Потребовалась пару минут, чтобы окончательно проснуться. Затем она взяла полотенце и направилась в умывальник. Когда Леля проходила мимо стола, где Оксана варила чай, та спросила:

- Может в коридоре попьем?

- Хорошо, – ответила Леля на ходу.

Холодная вода полностью привела в чувство. «Ну вот, кажется, я проснулась»,– подумала Леля и подошла к зеркалу. Она посмотрела на свое отражение и вслух произнесла:

- Все Лелька, уходим отсюда, пошли чай пить и собираться на выход, – она улыбнулась сама себе и вышла из умывальника.

Оксана уже сидела возле стены, на корточках и держала в руках кружку с чаем. Леля подошла и присела рядом.

- А теперь, доброе утро и за тебя, – она протянула Леле кружку и достала с кармана две конфеты. Одну из них она развернула и дала Леле, – А это к чаю, – Оксана вздохнула и добавила, – Последний раз чай с тобой вместе пьем, через час ты уже будешь за воротами. Даю бесплатный совет, не бросайся во все тяжкие, как я, постарайся, чтобы больше сюда не возвращаться. Это для меня здесь дом, – Оксана обвела руками вокруг себя, – А у тебя сын, мама, Марина, наконец. У тебя должно все наладиться.

Леля смотрела на Оксану и ее глаза наполнились слезами. Она поняла, что никогда не знала эту женщину. Эгоистичная, беззаботная – это была только маска. Сейчас Леля увидела Оксану с другой стороны. Допив чай, Оксана встала и подала Леле руку: «Поднимайся, пошли одеваться».

Через полчаса Леля была готова.

Она стояла в джинсах, черном свитере и кожаной курточке.

- То, что надо, в дорогу, – одобрила Оксана.

Вокруг вся бригада собиралась на работу и поглядывала на Лелю завистливыми взглядами. Все, кто проходил мимо, прощались с Лелей и желали ей всех благ. В секцию зашла завхоз:

- Леля, тебя уже вызывают в дежурную часть, – сообщила она.

- Ну вот, дождалась. Идем, я тебя до ворот провожу, – сказала Оксана.

Возле ворот стояла контролер. Увидев Лелю с Оксаной, она обратилась к ним.

- Поторопитесь.

Оксана обняла Лелю и крепко поцеловала в губы.

- Все, иди. Не оглядывайся, плохая примета, – и подтолкнула ее к выходу.

Леля последовала за контролером в «Дежурную часть».

Все произошло быстро. Обыск, выдача документов, билетов и небольшой суммы денег, которые Леле выдали как помощь, заняли не более получаса.

ДПНК вывел ее на КП. Открылась решетка, Леля назвала свои данные и получила из рук ДПНК справку об освобождении.

Еще минута, открылась последняя дверь, и она переступила порог зоны. Легкий ветерок обдал Лелю. Сердечко тревожно забилось. Дверь захлопнулась, и она стояла на пороге новой жизни.

Леля глянула на часы, было 6:45 утра, она сделала несколько шагов и услышала, как ее позвал знакомый голос:

– Леля!

Леля повернула голову…. К ней бежала Марина.